

МОС
КО

BAZAR

С
К
И
Й

№ 7 (9) 2013

Журнал Московского Салона Литераторов www.mosallit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Если вера оставляет человека – душа умирает

Эту надпись однажды я увидела на воротах старого австрийского монастыря. Это был не самый лучший период моей жизни, о таких принято говорить «черная полоса». Я проезжала мимо и остановилась перекусить – в австрийских монастырях всегда есть неплохие харчевни, где можно недорого и сытно поесть. Я была уставшей, измученной, в дурном расположении духа.

Дела не складывались, и некоторые обстоятельства вынуждали готовиться к предстоящим не очень приятным переменам. Хорошо помню чувство безысходности, владевшее тогда моим сознанием. Но в этом монастыре харчевни не оказалось. Монастырь был тих, пуст, не ухожен, давно не видел ремонта и даже показался мне заброшенным. И если бы не эта фраза над входом, я бы даже не стала входить в полуоткрытые ворота. Но внутренний двор был прибран, хотя давно потерявшие штукатурку стены пугали неряшливостью, а обнажившиеся кирпичи напоминали кровоточащую плоть. Во внутреннем дворике были разбиты две клумбы, а под старыми платанами даже журчал фонтан. Я торопливо зашла в церковь поставить свечку – нужно было скорее ехать дальше.

В церкви было прохладно и пусто, сквозь цветные витражи сочился мутный свет, и мерцавшие на многоступенчатом подсвечнике свечи едва рассеивали мрак. Я села на скамью и закрыла глаза. Мне захотелось хотя бы ненадолго оставить мысли там, снаружи, чтобы ни о чем не думать, хотя бы на время все забыть и успокоиться. Но внутреннее напряжение не отпускало ни на миг. И вдруг зазвучал орган. Я открыла глаза и увидела за органом худого невысокого человека в черном костюме. Он сидел ко мне спиной, и я не могла видеть его лица. Тихо, едва слышно прозвучал первый аккорд. Это был Бах, какая-то из его фуг. Сначала музыки было мало, совсем чуть-чуть, но вот она стала множиться и усиливаться, эхом отражаясь от стен и колонн. Постепенно она заполнила собой все пространство, проникая в каждую щель; она то взлетала крещендо, то вдруг диминуэндо сходила на нет, и я качалась в этой музыке как в колыбели. Я стала ее частью, ее дыханием, движением, развитием, тонами и полутонами, сотканными в единую ткань, а мелодия – частью меня. Мы превратились в единый организм. Необъяснимый восторг охватил душу, и я вдруг ощутила всю бессмысленность моих страхов, переживаний, предчувствий – как они были пустячны! Они отпускали меня, птицами вылетая наружу, а вместе с ними и музыка – ей уже не хватало места в соборе, и она просачивалась сквозь стены, устремляясь в небо. И я вместе с ней.

Музыка смолкла так же внезапно, как и возникла. Какое-то время она еще жила в вибрации стекол. Недолго. И храмом вновь овладела тишина. Я подняла глаза, но там, где недавно сидел музыкант, никого не было. Я была одна. Может, все это мне только почудилось? А может быть, это ангел спустился ко мне напомнить, что если вера оставляет человека – душа умирает...

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ПОЭЗИЯ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ЛИПОВСКИЙ АЛЬБОМ ДЛЯ ЭСКИЗОВ. МАЙ*

5

ПРОЗА

ЛЮДМИЛА РОГОЧАЯ (ст. Кущёвская, Краснодарский край)

- *ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ*
- *ПОЛЮБОВНЫЙ ДОГОВОР*
- *МАТЬ И СЫН*
- *ПО-ПРЕЖНЕМУ СВЕТИТ СОЛНЦЕ*
- *МАРФА ДАВЫДОВНА*

16

22

24

28

31

НИНА РОЖЕНКО (Кореновск, Краснодарский край)

- *МОЯ ТЫ УРОДА!*

35

ВЛАДИМИР БОРИСОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *И СНОВА ОСЕНЬ, или ПЛЯСКА РЫЖЕГО КОНЯ*

41

АЛЕКСАНДР БАЛТИН (Москва)

- *ПРОПАВШИЕ ДЕТИ*
- *ЧАЙКА НАД КЛАДБИЩЕМ*

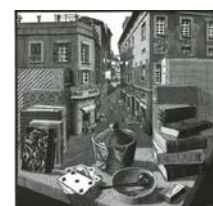
63

66

ПУБЛИЦИСТИКА

ГЕЛИЙ ГРАНТ (Хьюстон, США)

- *ДОЛГИЕ КАНИКУЛЫ*

68

ПОЭЗИЯ

АЛЛА ДРОНОВА (Королев)

БОРИС ДРЕЙДИНК (Гамбург)

ЕВГЕНИЯ ХУДЯКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

ЯНИС ИЛЗЕ (Москва - Торонто)

94

98

103

108

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

ЛОСКУТНЫЕ ГРАНИ – новые работы СВЕТЛАНЫ ФИЛИППОВОЙ (Москва)

112

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- СПИСОК ИЗ ПРОШЛОГО, или ЖИЗНЬ КАК В СКАЗКЕ

115

СМЕХОТЕКА

ИЛЬЯ КРИШТУЛ (Москва)

- ПРО БОРИСА ЛЬВОВИЧА
- ПРО ЮРКУ И ЛЕОНИДА
- ПРО БОРИСА ЕВГЕНЬЕВИЧА

118

119

121

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев)

- О РАЗВИТИИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ - очерк
- КУЗИК ИЩЕТ ДРУЗЕЙ, 1 и 2 части - сказка

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ПРОПАЖА - рассказ

123

126

130

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ПОЛИНА ГРИШАНОВИЧ (Санкт-Петербург)

- ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ФИНЛЯНДИЮ

134

В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. К. Эшера,
В. Любарова (с авторского сайта <http://www.lubarov.ru/main.aspx>),
И. Бурдонова,
рисунки А. Народицкой, Е. А. Александровой.
На обложке репродукция картины
А. Шевелева «Март в Шереховичах».

ПРОЗА

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

ЛИПОВСКИЙ АЛЬБОМ ДЛЯ ЭСКИЗОВ. МАЙ

В тексте использованы картины автора

В мае две тыщи двенадцать
в деревне с названием Липовка
я этот альбом рисовал.
Сейчас я его пропою.

1.

Видишь-видишь или нет, как на правом
берегу
яблонево-розовое облако плывёт.
Речка Панинка бежит по весне
из весёлой разливающейся Мокши
в нашу Старицу.
А по осени – в обратную сторону,
из нашей Старицы в задумчивую Мокшу.

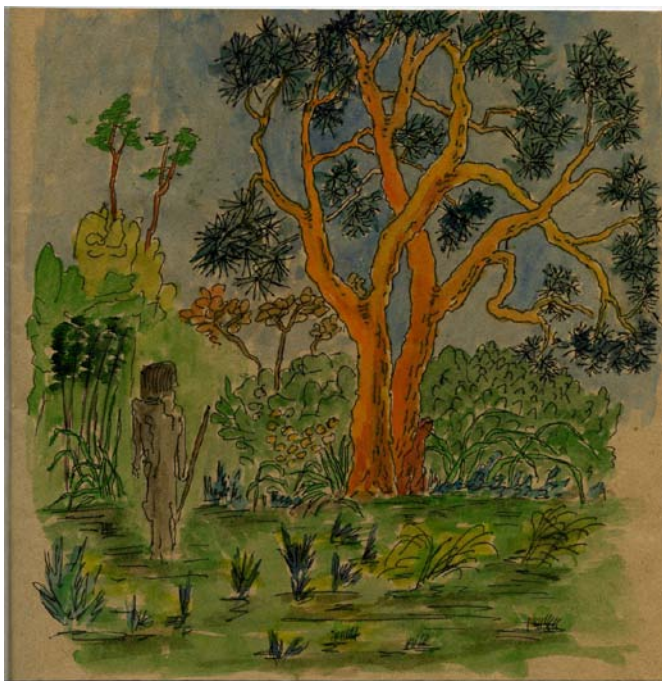

2.

Этот домик выпечен из зимних
ожиданий,
из весенне-летних красок и цветов.
Этот столик нужен для воспоминаний.
А завтракать меня зовут в избу, где нету
комаров.

3.

Слышишь-слышишь или нет, как
несётся, как летит
над пустынной водой твоего мотора
шум,
лодочник.

4.

В нашем лесу есть такая сосна
по дороге на Шевали-Майдан.
На этой дороге есть такой путник,
будто из дальних стран.

7.

Что за черёмуха, ах! что за черёмуха
этой весной!
В дурмане мой стол, в дурмане
крыльцо,
тюльпаны в дурмане и дом соседский,
и вся наша улица, вся деревня.
И весь этот край.

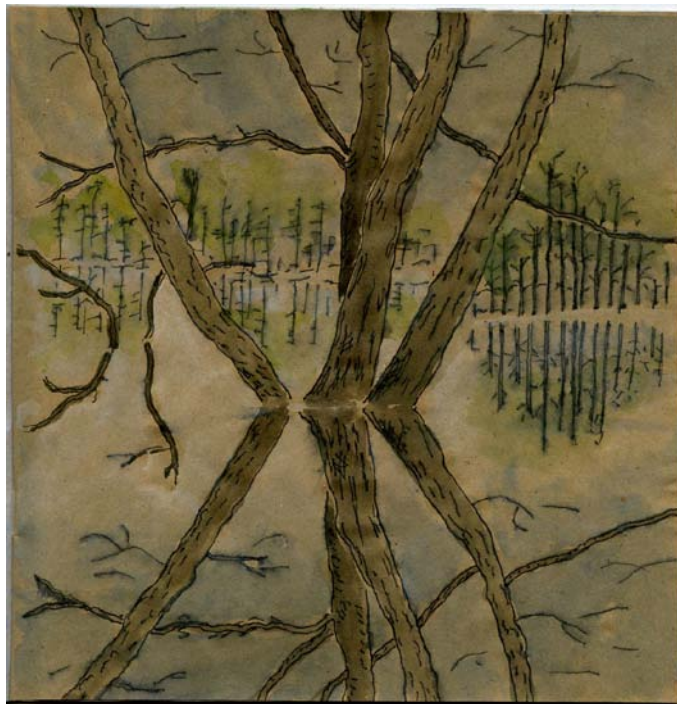

8.

Ну, как же можно не рисовать ночь!
Когда деревья чёрные,
когда горизонт в огне,
когда одинокая Венера
мне освещает путь.

9.

Вы знаете, что такое весенний разлив?
Это когда небо упало на воду.
Это когда деревья растут из своих
отражений.

10.

Вот она, вот она, вот она сон-трава!
Как много в этом году этой травы,
как много этих снов.

11.

Лесные фиалки.

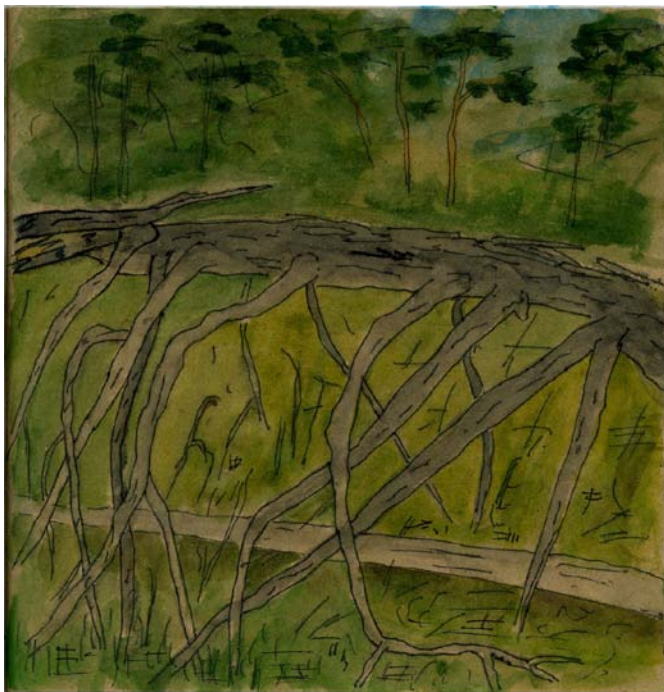
Макросъёмка со вспышкой.

Или просто лесные фиалки,

лесные фиалки,

лесные фиалки

у самой земли.

12.

Сухое дерево похоже

на маленькое, неизвестное науке

насекомое,

которое похоже на огромный,

неизвестный науке скелет

какой-то древней вымершей рептилии,

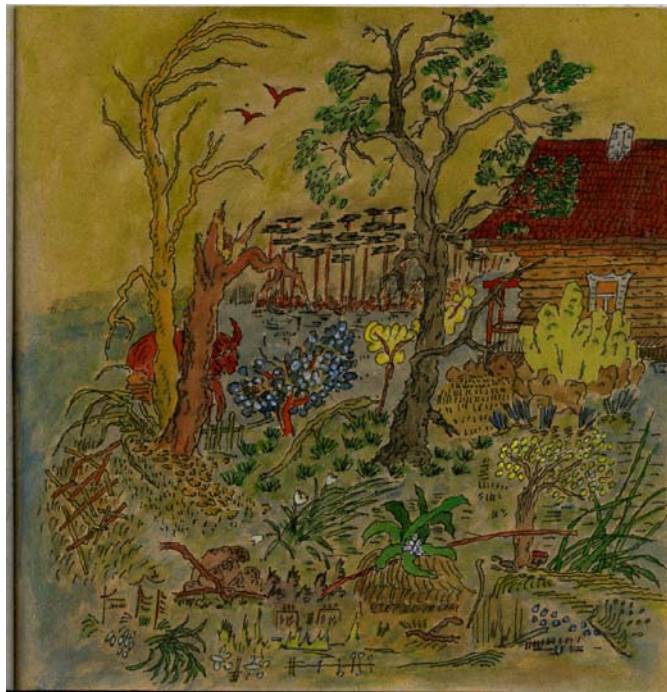
которая похожа на сухое дерево.

Все они идут куда-то, идут куда-то, и

никак не дойдут.

13.

Спишь и видишь-видишь сны.
Спишь и слышишь-слышишь звуки.
Из земли растут цветы.
Кто-то ходит по тропинке.
В небе прячутся две птицы.
За оградой буйволица.
В норке рыжая лисица.
В доме красная девица.
Дом под красной черепицей.
Кто там спит?

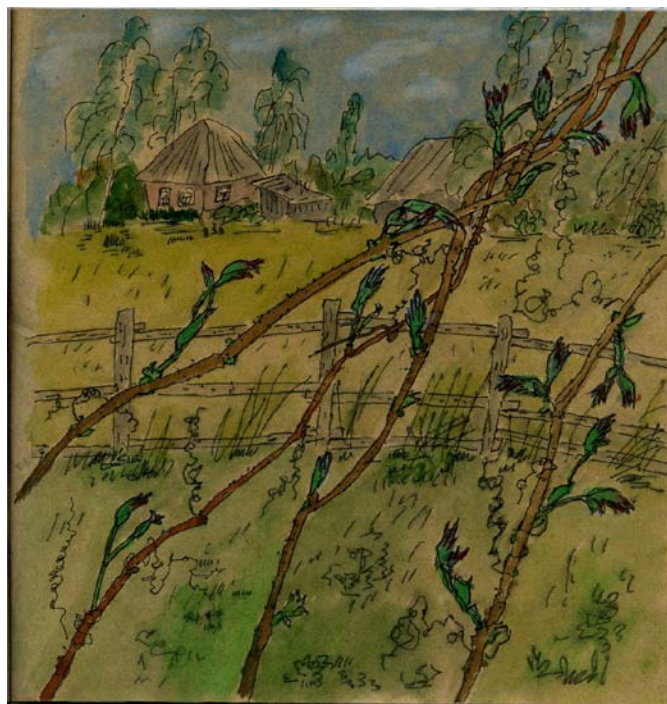

14.

Если в лес пойдёшь один, ты один в лесу
не будешь.
Окружат тебя деревья,
все с морщинистыми лбами и седыми
бородами.
И тебе нашепчут в уши небылицы и
страшилки,
и прабабушкины сказки, и нелепые
рассказки -
всё, что ловится ветвями, и корнями, и
стволами
из последних радио- и телепередач.

15.

Как прелестна, как прелестна
 пастораль моей деревни,
когда смотришь через сети, что
 раскинул на крылечке
этот юный и весенний, этот нежный и
 зелёный,
этот девичий виноград.

16.

Вот пообщаешься с ними, и сам таким же
 станешь,
– с этими деревьями, травами, цветами,
листьями звенящими
и трухлявыми пнями.

17.

Растопил бы баньку я, да она уж старая.
Уж больно скособочена, забыта и
заброшена.

Растопил бы баньку я,
да она по-чёрному.

18.

Уезжаю-уезжаю, за столом сижу,
прощаюсь
и смотрю в окно.
Только вишня расцветает, и берёза
забелела,
только тикают и тикают на полочке часы.
Уезжаю.

19.

Это дело было в мае, я в Москву домой уехал.

А в деревне, а в деревне,
на Кутке, в закутке
под луною и под солнцем
на стволе сухого дуба
бородатый старикашка
сам собой нарисовался.

Липовка, Куток, май 2012

ПРОЗА

Людмила Рогочая
(станция Кущёвская,
Краснодарский край)

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

Григорий Силантьевич в раздражении ткнул ногой цинковое ведро, стоящее у порога. Его приготовила дочь к вечерней дойке.

– Бардак! Понаставили тут вёдер – не пройти по двору!

Ведро, звякнув, покатилося, из него вывалилась марлевая тряпка для процеживания молока. Это ещё больше разозлило отца. Быстрыми шагами он вышел в огород. Чистый, ухоженный огород всегда его успокаивал. Взгляд хозяина остановился на дорожке, которая вела к грядкам. На ней торчало несколько молодых стебельков осота. Григорий Силантьевич взревел и ринулся к дому. Галина, подобрав опрокинутое ведро, шла на скотный двор. Её догнал голос отца:

– Когда я дождусь порядка?! Сколько можно терпеть это безобразие?! Понаехали на всё готовое, твари неблагодарные!

Он стоял посреди двора, высокий, сутулый, с красным от возбуждения лицом. Его всегда аккуратно расчёсанные седоватые волосы растрепались. Одна пола рубашки вылезла из брюк – так энергично рубил он руками воздух, присваивая родным всё новые имена. А из дома уже доносился крик матери:

– Дармоед! Как у тебя кусок в горле не застрянет! Здоровый лоб, а денег приносишь с гулькин нос!

На крыльцо вышел Андрюшка – Галин сын, и поплёлся к калитке. Галя молча направилась в коровник. Слезы застилали глаза. Обвив руками Зорьку, женщина зашлась в рыданиях. Сил оставаться в родительском доме не было, но идти некуда.

Раньше, в детские годы, она не замечала, что мать с отцом такие вредные. Вспоминая своё детство, Галина находила много хорошего в нём. Или она другого просто не знала.

Её родители поженились в середине шестидесятых. Для них еда и деньги стали в жизни мерилем счастья и благополучия. Может быть, потому, что было голодное время? Хотя навряд ли. Они не нуждались никогда. Мать работала на почте сортировщицей, отец окончил нефтяной техникум, а со временем занял итээрзовскую должность в управлении буровых работ и до пятидесяти пяти лет летал на Север. Пенсию он заработал по тем временам неплохую, но ещё лет десять продолжал трудиться в газовом хозяйстве у себя в районе. Оба родителя были всегда чрезмерно пристрастны в отношении чистоты и порядка, чем изводили своих послушных детей. Прожитые годы затуманили воспоминания об этом, но что помнила Галина точно, так это радость, появившуюся у неё при первой возможности покинуть отеческий дом. Галина уехала учиться, поселилась в общежитии. Но вскоре, по доброте или

по слабости своего характера, оказалась в том же зависимом положении, что и дома. Только Галина и слышала от соседок по комнате:

- Галка, пожарь картошки!
- Галь, подежурь на кухне. У меня свидание.
- Слышь, подруга, дай мне твою кофточку надеть.
- Перепишешь конспекты, а?

Нельзя сказать, что Галина не сопротивлялась, но в ответ на «Девочки, не могу» она слышала столько лестных и ласковых слов, что соглашалась. И замуж вышла, не доучившись, тоже по доброте своей. Её будущий муж Сева сначала встречался с её подружкой. А когда та его бросила, Галя пожалела парня. Уж так переживал, бедный, чуть руки на себя не наложил.

Сева отслужил армию и работал на заводе фрезеровщиком. Жил он с матерью в старом домишке на окраине города. Галя понимала, что Всеволод позвал её замуж от безысходности или назло бывшей подруге, но согласилась, потому что жалела его, что было для неё синонимом любви. Когда родился первый ребёнок, ей пришлось бросить учёбу.

Надо сказать, зажили они хорошо. Галя сразу понравилась Севиной матери, и обычного противостояния невестка – свекровь не было. Они вдвоём ухаживали за Севой, а потом и за детьми – Андреем и Танюшкой.

Когда свекровь умерла, Галя горевала по ней больше Всеволода. Этим она очень удивила соседей, которые у гроба перешёптывались:

- Ты гляди, как Галька за свекрухой убивается, как за родной матерью.
- Да, другая дочка не станет так слёзы лить да сокрушаться.

После похорон матери Всеволод мало изменился, только вот командовать стал больше, почувствовав себя хозяином, да может быть, распущенное на язык. Жену всё чаще именовал «овцой», «коровой» и другими не менее обидными прозвищами.

А та подруга её не вышла замуж и, перебрав с десятков женихов к тридцати годам, решила вернуть Севку. Зачастила к ним в гости, детям леденцы и жвачку носила, Севе – вино. Стреляла глазами, заговорщицки подмигивала ему. К чести Всеволода, не поддался он ей, а сказал прямо:

– Я Галочку свою ни на кого не променяю и на тебя тоже. Любовь забывается – обида остаётся. Сильно ты меня обидела. Не ходи к нам, не вороши старое.

А тут в стране постперестроечные времена нагрянули. Супруги остались без работы. Все запасы и даже ваучеры проели... Тогда Сева запил. Как Галя ни боролась с его болезнью: к знахарке ходила, травами поила, уговаривала в поликлинику сходить – ничего не помогало. А вскоре он начал поднимать на неё руку, поколачивал и детей. Семья стала бедствовать. Галина никогда не жаловалась родителям на свою жизнь, да поначалу-то и жаловаться было не на что. Сообщала, что они с мужем живы-здоровы, дети растут. Мать писала о своих проблемах: несправедливостях правительства по отношению к пенсионерам, ссоре с соседями. О том, что брат после срочной службы остался в армии работать по контракту в должности прапорщика, женился на женщине с ребёнком. «Свадьбы не было, поэтому тебя не позвали. А вообще, Галина, приезжай к нам в гости. Хоть с отцом на внуков поглядим». Да куда там... Ни денег, ни одежды... Галя даже и думать не смела о поездке на родину. В школу ребят мудрено собрать.

Однажды брат по делам службы был в тех местах и заехал к ней. Узнав о горе Галины с мужем, увидев её житьё, он пожалел сестру и оставил ей немного денег, а дома рассказал обо всём родителям. Мать, худая высоколобая женщина с сивой букольной на затылке, победно воткнув руки в костлявые бёдра, густо зашипела:

– Я так и знала, что этим кончится. Я говорила. Говорила? – торжествующе глянув на отца, мать помолчала с минуту, а затем вынесла приговор:

– Галина несамостоятельная. Придётся забирать, а то этот алкаш убьёт её.

Она тяжело вздохнула и жалостно добавила:

– Своё же дитё.

Отец тоже вздохнул и согласился:

– Да. Только мы привыкли уже вдвоём. Ну, ничего. Они у меня по струнке ходить будут. Пиши! Зови!

Галина, оставив спившегося мужа дома, поехала с детьми к родителям. По дороге Танюшка спросила:

– А какие они – бабушка и дедушка?

– Родные, – односложно ответила Галя.

Встреча была тёплой. Бабушка и дедушка, расцеловав дочь и внуков, накрыли на стол. Дед, правда, недолго думая, тут же за столом изложил свои требования: чтобы чисто, тихо, в девять часов – отбой.

Наутро Галя пошла искать работу. Ну, какая работа в сельской местности? Даже в колхоз не взяли. Он почти развалился, и люди третий год ходили на работу бесплатно, разве только что украдут. Да и без них всё стоящее уже разворовали начальники. Несколько дней Галина бегала по селу в поисках хоть какого-нибудь заработка. Мать не молчала:

– Даже этого ты сделать не можешь, неудалая.

Утром, когда Галина собралась опять в контору, отец остановил её:

– Хватит трясти хвостом по селу. И дома работы хоть отбавляй. Будете наши с матерью пенсии проживать.

И Галина с чувством тяжкой вины принялась за домашние дела. Чуть свет вставая, управлялась со скотиной и поливала огород, готовила обед, убирала, стирала. После вечерней дойки она дотемна, обессиленная, ползала по грядкам, чтобы отец мог с гордостью сказать соседям:

– А у меня огород - что яичко пасхальное.

По выходным Галина торговала на базаре овощами и зеленью, и когда клала на стол вырученные за них деньги, мать, поджимая губы, пересчитывала их и недовольно качала головой. Как-то за ужином она громко спросила дочь:

– А что это у нас Андрей и Танька паразитами живут? Едят каждый день, а как работать, так их нету. Пусть Татьяна в доме убирается, а ты, Андрей, на пасеке трудись, деду помогай.

Григорий Силантьевич одобрительно посмотрел на жену и внушительно добавил:

– Правильно. И чтоб мне музыку не крутили. Шумно в доме с вашим приездом стало. Уроки пораньше заканчивайте. Не забыли, четь, – отбой в девять.

Вроде ничего такого родители не сказали, но их слова больно задели Галину. И так дети света белого не видят. Только школа. А придут домой, едва успевают указания деда и бабки выполнять. Даже друзей у них нет. Танюшка принесла домой собачку, дед убил. Говорит: «Жрёт она много». Девочка всю ночь проплакала, а утром спрашивает у матери:

– Что мы как сектанты живём? Этого нельзя, туда не ходи.... Зачем сюда приехали? Лучше бы мы с пьяным папкой жили.

Галина написала письмо соседке, с которой жила рядом в городе, просила рассказать о муже. Всё же душа болела. Соседка рассеяла последние сомнения Галины: Всеволод пропил дом и ушёл бомжевать.

Андрея после окончания школы сразу забрали в армию. Он так обрадовался этому! Даже не огорчился, что проводы ему не делали. Бабушка сказала, что не заработали на гулянки, и велела после армии домой не возвращаться.

– Останься, как дядя твой, в армии. И сыт, и одет будешь.

Танюшка подросла и к выпускному классу превратилась в хорошенькую девушку, на которую не могли не обратить внимания мальчики. Вскоре появился поклонник. Однако дедушка и бабушка не выпускали девчонку на улицу:

– Молода ещё, – ворчала бабка, – не то выскочишь, как мать, за пьяницу или, что хуже, в подоле принесёшь.

Таня плакала, жаловалась матери, но что та могла поделать – не она хозяйка в доме. А тут Андрюша вернулся. Комиссовали его из армии. Порок сердца обнаружили, а на операцию нужны были большие деньги. У стариков они были. Но дед сказал, что это на чёрный день:

– Мы и так вас кормим. В кого ты, Галька, такая? Вон твой брат, за что ни возьмётся, деньги так и липнут к его рукам. Всё добывает и добывает. Мы и дом ему подпишем. Вам, лодырям, оставлять бесполезно. Всё равно разбазарите добро.

Андрею дали третью группу инвалидности. Чтобы устроиться хоть на какую работу, он скрывал её. А работа была физическая, да и в основном разовая.

Танюшке через два месяца должно было исполниться восемнадцать лет. Перед выпускным вечером парень сделал ей предложение и ждал ответа. Каждый день он маячил перед окнами, но напрасно – Таню не выпускали гулять. Бабка возмущалась настойчивостью, даже нахальством парня и по совету мужа написала на Танькиного «ухажёра» участковому заявление, что тот-де ходит, высматривает. Пропал, мол, дедов мотоцикл. Хотя они его ещё год назад продали в соседнее село. Началось следствие, и парня забрали по подозрению в краже. На выпускной вечер Таня не пошла – не купили платья. Дед пояснил:

– Нечего тебе там делать. Иди работай, лодырюга. Хватит у меня на шее висеть.

И Татьяна пошла работать реализатором к частнику: торговала на рынке чебуреками. Но хозяин платил мало. Бабка злилась:

– Вся в мать. И заработать толком не умеешь. Вот дядя твой – додельник.

К Новому году приехал сын Сергей, правда, без жены. Та не захотела ехать в село, как она сказала: морозить мягкое место. Родители обрадовались приезду сына, не знали, чем накормить, угостить любимое чадо, начались восторженные ахи:

– Ах, какой ты хороший, сыночек! А уж умный, не то, что твоя сестра-дурёха и её выродки.

После отъезда Сергея старики стали записывать продукты. Отец дошёл до того, что выдавал Галине строго по весу картофель, сахар и прочее. Хлеб выделялся по кусочкам. Галина и дети ходили чуть слышно. Если бы могли летать, то летали, чтобы не навлечь на себя гнев родителей. Деньги все отдавали деду. Он такой закон завёл: вошёл в дом – сначала ему деньги отдай, а потом всё остальное:

– Я вас кормлю и за коммунальные услуги я плачу.

Сергей привёз к Новому году родителям подарок – четыре ящика хозяйственного мыла. Отец перестал Галине давать деньги на стиральный порошок. Она стирала мылом, стругая его и в стиральную машину, и в выварку.

Старики разленились и распоясались настолько, что мать, уже не стесняясь людей, кричала на дочь, как барыня на прислугу.

Сердобольные соседи говорили Гале:

– Да ты хоть раз топни ногой да повысь голос на них, посмотришь – присмирят. Почему они Серёгу любят, потому что боятся. Он не цацкается с ними, как ты.

По ночам Галя выходила в сад и плакала. Подошёл к ней как-то Андрей:

– Мама, когда этот ад закончится? Давай уйдём?

– Куда, сыночек?

– Куда глаза глядят.

И ведь ушёл. Два дня не было его. Галя извелась вся. Думала, что плохо с сердцем стало и он умер. Бегала в больницу и в милицию.

На третий день сын вернулся. Его встретил на пороге дед:

– Ты мне замок на погребке сломал, чтоб воровать продукты? Мало, что я вас, оглоедов, кормлю. Пригрел змеёнышей. Бабка, пиши заявление участковому!

Выскочила из дому Галя:

– Иди, сынок, на улицу. Мы сейчас.

Покидали с Танюшкой в чемодан кое-какие вещи и вышли за порог. Глотая слёзы обиды, Галя тихо проговорила:

– Спасибо, родители, за хлеб-соль, но детей в обиду я больше вам не дам.

Хлопнули калиткой.

Неделю старики отдыхали от постояльцев. Затем отца всё начало раздражать. Пыль на серванте, зарастающий травой огород, грязная посуда, нестиранное бельё, нерасторопная, отвыкшая от работы жена, которая уже канючила:

– Давай продадим корову. Мне трудно с ней возиться.

Григорий Силантьевич злился на жену. Однажды она ему подала грязную, с засохшей по краям яичницей тарелку. Он бросил её жене в лицо и рассёк бровь, но уже не видел этого. Его хватил удар. В результате - частичный паралич.

И вот он лежит, обложенный подушками в застиранных наволочках, но всё равно командует:

– Поддай чаю! Почему горячий? Переверни на бок. Принеси грелку!

Жена возмущается:

– Что я тебе, слуга?! Сам выгнал дочку. Раздражала она, видите ли, его. Подумаешь, хозяин. Сам себя наказал. А мне работать трудно. Сил нет.

Она даже перестала стирать постельное бельё. Покиснет немного в воде, высушит его на солнце и снова деду стелет.

– Что это я в этой вони лежу? Галка лучше тебя стирала, хотя и мылом, – ворчал он.

– А где твоя Галка? Выжил своими назиданиями, – слышал в ответ.

– Пойди к ней, попроси, чтоб вернулась.

– Вот ещё, унижаться перед говном.

– То, что ты готовишь, жрать невозможно. Я от твоего пойла умру.

Он так доводил жену попреками, что однажды, не выдержав его очередной атаки, она пошла к дочери на квартиру.

Галя снимала комнату у одинокой старушки, которая, ощутив помощь квартирантов, не стала брать с них денег. Комнатка была скудно обставлена, но чистая, уютная. Детей дома не было. Мать, поздоровавшись, спросила о них.

– Танюшка на бухгалтерских курсах, Андрей на работе.

– А ты-то трудишься?

– Конечно. В кинотеатре, билетёром.

– А что ж не на работе? – она подозрительно посмотрела на дочь.

– Так по будням нет дневных сеансов. Только вечерние.

Мать не знала, как приступить к разговору. Галина выжидающе на неё смотрела. Молчание затянулось. Наконец, смилив гордыню, мать сказала:

– Возвращайтесь, дочка, домой. Отца парализовало.
Вернуться Галина не согласилась, но прийти обещала.

– И на этом спасибо, – обрадовалась мать.

Уже на следующий день, прямо с утра, Галя пришла к родителям и до работы убрала в доме, сготовила обед, постирала бельё, прополола грядки.

Отец болезненным голосом, жалостно и чуть слышно попросил:

– Дочка, может, вернётесь?

– Нет, – решительно ответила Галя, – живите, как хотите. У вас есть сын, которого вы любите. Он и позаботится о вас. А мы уж своей жизнью...

Но совсем от родителей отказаться Галина не могла. В свободное время она приходила к ним управляться по хозяйству.

Через несколько месяцев отец умер. Мать обвинила в его смерти дочь:

– Если б ты тогда не ушла, отец был бы жив.

Через полгода она вступила в наследство и подписала дарственную на дом сыну.

Между тем, Сергей проворовался. И чтобы дело не передали в трибунал, срочно надо было погасить долг.

Жена времени ему на раздумья не дала и сразу подсказала:

– Дом-то на тебя. Дарственная. Что хочешь, то можешь с ним сделать. Продай дом.

– А мать? – заикнулся Сергей.

И на это у жены был готов ответ:

– В дом престарелых. Галка же её не возьмёт.

Прикидывал он и так, и этак – права жена. Хоть и мать, а своя шкура дороже. И он поехал в родительский дом. Мать аж заплакала от счастья при виде его. Сходили на могилу к отцу, заказали в церкви панихиду. Не налюбуется старуха на своего сыночка. А он ещё и говорит:

– Мама, вам отдохнуть надо. Купил путёвку в санаторий на двадцать один день. Специально для вас.

– А дом?

– Галка посмотрит за ним.

Мать окинула Сергея умилённым взглядом:

– Какой же ты у меня сыночек!.. Я согласна! – И вскоре пассажирский поезд увёз старуху в Кисловодск.

За два дня Сергей продал дом, забрал деньги и уехал.

Мать вернулась, отдохнувшая, радостная. Её беспокоила только одна мысль: «Галина, небось, нечасто заглядывала в дом. Яблок в саду нападало да и помидоры перезрели». Калитка была открыта, и она вошла во двор. Навстречу ей выбежала незнакомая молодая женщина:

– Здравствуйте. Это ваши, наверное, вещи, – она указала рукой под навес. Там стояла их с отцом мебель и узлы с добром.

Мать ошарашено посмотрела на незнакомку, потом перевела взгляд на вещи. В голове ничего не выстраивалось. Как? Почему? Потом словно толчок в сердце: «Сергей продал дом?! Не может быть! Сыно-о-чек!».

Ноги у старой женщины подогнулись, она опустилась на кресло, покрытое старой занавеской, и заплакала. Нет, завывала, как воют по покойнику... Не верилось в предательство сына. Но вот живое доказательство: молодая женщина машет перед матерью бумагой и что-то говорит о купчей, о деньгах, о том, что почти три недели стоят вещи, никто их не забирает. Почему Галина не помешала Сергею сделать это? И вдруг вспомнила, что дом она подарила

Сергею. Но она ж никогда не думала, что он воспользуется своим правом так быстро, не дождавшись её смерти. И стало пронзительно ясно, что сын только брал у них с отцом всё (за исключением разве пресловутого мыла), а Галина заботилась о них, терпела капризы и погрёки.

«Позднее прозрение... – подумала она, – слишком позднее», – держась рукой за спинку кресла, с трудом поднялась и медленно, шаркающей походкой вышла на улицу. Что делать? Куда идти? Голова не соображала. Растерянно побрела старуха вдоль заборов.

Непроизвольно вышла к дому, где квартировала Галина, в бессилии опустилась на ступеньки крыльца. «Какими глазами я посмотрю на неё? А если она прогонит меня? И права будет», – думала мать, и невольные слёзы стекали по её худым щекам.

ПОЛЮБОВНЫЙ ДОГОВОР

Б-р-р, холодно. Сразу схватило морозцем уши и нос. Колька Некляев дрожащими пальцами выхватил из мятой пачки дешёвую сигарету, несколько раз чиркнул спичкой по стёртому коробку, прикурил и закашлялся. Наверху, в доме, играла музыка, раздавались смех и весёлые голоса. Потом завели караоке и затянули застольную – «Напилася я пьяна...».

Отворилась дверь, дохнуло паром, как из бани. На высокое резное крыльцо вышла разгорячённая Жанка в кашемировом балахоне и тапках на босу ногу. Следом выскочил её хахаль, рыжий Пашка. Его Николай называет, как принято в станице, хорь. О, задрал юбку и лапает Жанку за ноги. Она визгливо смеётся. Фу, противно, блин! Колька плюнул.

- А что, Маринка, - подзадоривает он свою подругу, заглядывая в перекошенную, залапанную дверь кирпичного сарая, - забачаем и мы песню?!

У Маринки подбит левый глаз, но учтите, подбил не он. Говорит, поскользнулась, упала. Немудрено, во дворе гололедица – снег не убирался с начала зимы. Но Колька не верит ей: фингал уже позеленел, а Маринка пришла недавно.

- Щас, споём, - смеётся она, - наливай!

Николай затушил сигарету и вошел в сарай. Хряпнули по полстакана самогону и закусили Жанкиной квашеной капустой, свою заквасить он в этом году не успел. Заорали вразнобой «Яблоки на снегу», стараясь перекрычать усилительную аппаратуру большого дома. Но даже сами себя не услышали.

- Давай Костика и Гришаню позовём, вместе мы их уделаем, - мотнув головой в сторону дома, предложил Колька.

- А чо? Давай! – откликнулась Маринка.

Колька, нахлобучив потёртую меховую шапку и накинув болоньевую куртку, отправился на поиски своих дорогих собутыльников.

- Дверь закрывай! – крикнула ему вслед Маринка, устраиваясь на старом диване, покрытом дерюгой, бывшей когда-то шерстяным одеялом. Николай послушно прикрыл дверь своего жилища – кирпичного сарая, а точнее, нутрятника. Ещё различались цементированные отделения для семей грызунов и замусоренный жёлоб для стока воды. Нутриями здесь, однако, лет уже десять не пахло.

Морозный мартовский день после слякотной февральской оттепели являл удручающее зрелище. Серое в сеточку небо. Холодный северо-западный ветер. Глыбы снега, покрытые ледяной коркой, и замерзшие накатанные лужи. Чтобы добраться до угловой развалюхи Гришани, да зайти в подсобку магазина за Костиком, да позычить банку самогона у Розки, которая жила по ту сторону шоссе, потребовалось Николаю более часа. Это притом, что упал

он только раз. И то удачно – на спину, даже успел банку поднять над животом. Маринка в ожидании кавалера так замёрзла, что съела всю капусту. Друзья, ввалившись в помещение и обнаружив это, не сильно огорчились. Колька, ехидно ухмыльнувшись, возгласил:

- Ничего, ничего, жри, Маринка! Сиськи больше будут. У моей лярвы хватит капусты на прокорм африканского гетто, не то что нам на закусь.

Николай, взяв миску и не одеваясь, выскочил во двор. На крыльце дома никого не было. И он, воровато поглядывая на широкое окно с прозрачной тюлевой занавеской, полез в погреб, который примыкал к нутрятнику. Неожиданно дверь погреба захлопнулась, и резкий голос жены пьяно подытожил:

- Всё! Закусывай хоть до утра, козёл! Помёрзнешь, узнаешь, скотина, как из моей бочки таскать.

Дружбаны недолго медлили. Костик знал, где Жанкины припасы, – чай, не впервой! Он освободил дружка, и вскоре «Яблоки на снегу» драли четыре глотки.

А напротив двора стояли соседки: баба Дуся, поджарая старуха с остатками золотых коронок во рту, за пламенные речи прозванная Фиделем Кастро, и гугнявая, с глазами-щёлками на толстом лице, баба Маруся, по-уличному, Муся. Последняя громко позорила семейство Некляевых:

- Страмотишша какая! Оба пьют, оба гуляют – и чего жить вместе? Давно б развелись, не смешили людей.

Фидель Кастро, вскинув кверху длинные, выглядывающие из рукавов кроткого грязно-коричневого пальто чуть ли не по локоть руки, зачистила:

- Да ты что? Да ни за что! Они договор заключили ещё семь лет назад, полюбовный. Она гуляет в доме, он – в сарае. А разводиться – это ж надо дом делить! А как делить? Жанка говорит: «Подожду, пока он упьётся до смерти». А Колька хоть и в сарае, а фактически-то хозяин дома он. – И баба Дуся с энтузиазмом лидера кубинской революции повернула разговор к истокам бывшего благосостояния Некляевых.

- Помню, как строились. Колька-то бригадиром был в межколхозной строительной организации, Николай Палычем величали. Нёс и вёз всё к своему двору. Руки-то у него золотые! Сам фундамент заливал, сам стены клал, нанимал только крышу делать кровельщика, и сам же пособлял ему. И потом – мебель, машина, техника всякая для дому – всё он! А Жанка – лодырюга, каких поискать! Муж на работу – она к подружкам. Обметёт хвостом всю улицу, за полчаса до прихода мужа прибежит домой, яичницу пожарит и на койку. Он с работы – Жанка лежит с перевязанной головой, постанывает. Дети росли, как трава, сами по себе. Вот и выросли. Старший – в тюрьме, младший женился на взрослой женщине, да ещё с двумя детьми. Лишь бы дома не оставаться. А уж как развалились колхозы и Колька потерял работу, Жанку прижало безденежье. Она-то привыкла швырять сотенные. Их, не заработанных собственным горбом, не жалко. А тут на тебе, Колька перестал доиться. Поголодала, обносилась баба. Вот и стала тогда спекулянткой, то есть, предпринимательницей. Деньги начали у неё водиться... От Николая перестало зависеть её материальное благополучие, и отправила она его из хаты в сарай. Жаль. Мужик работающий. Его бы в хорошие руки...

- Твоя правда, - сочувственно вздохнув, подтвердила Муся.

- Скоро упьются и замолчат, пойду управляться, - исчерпав своё вдохновение, прекратила речь Дуся, сразу став ниже ростом и незначительнее.

- Так мне тоже ж козе тыквочки дать надо, - внезапно вспомнила Муся и, распростившись с товаркой, шариком покатила по улице.

На этот раз победа осталась за верхними.

МАТЬ И СЫН

К Валентине приехал её сын, Ванюшка, худой, небритый, в вылинявшей майке и грязных джинсах. Он кинул спортивную сумку с вещами под стул и, тяжело вздохнув, сообщил матери, что ушёл от жены.

– Как же так? – всплеснула руками Валентина. – У вас же четверо ребятишек?

– Не могу больше. Запилила Ирка. Не пей да не пей! Как с ума сошла: орёт, дерётся, – раздраженно отозвался Иван.

– А зачем пьёшь, сынок? – повторила уже привычный вопрос мать, довольно пожилая рыхлая женщина с тёмными лицом и руками, словно выдубленными на степном солнце.

– Почему и не выпить после работы трудящемуся человеку? – возмутился сын.

– С каких это пор ты трудящийся? – вскипела Валентина. Она знала, что сын нигде не работает и перебивается случайными заработками. Мать часто передавала в станицу невестке и голодным внукам хуторские гостинцы.

Женился Ваня на своей ровеснице, с которой у него была любовь с восьмого класса, ещё до армии. Жена его, Иришка, к Валентине очень привязалась, наверное, потому что выросла без родителей, воспитывалась в семье старшего брата. Пока муж служил, она жила со свекровью и всячески угождала ей.

Иван попал в десантные войска. Видный был малый: высокий, широкоплечий, спортивный – капитан футбольной команды школы. Служил он в Чечне и вернулся оттуда, как и многие ребята, другим человеком. Внезапные вспышки гнева обуревали его, и тогда он уходил из дома. Долго не мог найти себе работу, а когда нашёл, тут же поссорился из-за какого-то пустяка с бригадиром. И вообще, часто уединялся, уходил в степь. Что там он делал, никто не ведает. Участковый как-то сказал Валентине, что подозревает Ивана в употреблении наркотиков. Но мать с возмущением отвергла его нелепые нападки. Она б, конечно, узнала об этом первая.

Через девять месяцев после возвращения из армии родился у молодых сын. А вскоре у Ирины умерла бабушка и завещала ей домик. Супруги переехали от матери с хутора в станицу – за шестьдесят километров. Валентина успокоилась и поверила, что жизнь у Ванюшки наладится. Иногда она наезжала в станицу и привозила продукты, игрушки внуку, подкидывала сотню-другую денег. Всё-таки корова давала кое-какой доход. И пенсия, хоть и маленькая, все же живые деньги. Иван и сноха в присутствии матери вели себя согласно. Потом родилась девочка. Валентина собралась было навестить детей и внуков, как вдруг невестка приехала сама. Да не одна, а с младенцем. Села на лавку во дворе под вишней и говорит:

– Всё, мама, не могу больше. Ванька совсем неуправляемый. Не работает, выносит вещи из дому, ревнует меня к каждому столбу, бьёт. Совсем зверь стал... – и она заплакала.

– А зачем второго-то рожали?

Вопрос Валентины был риторический. Она помнит надежды Ирины: одумается, посерьёзнееет...

С жалостью посмотрела на сноху. Та постарела, осунулась. На ногах выпукло обозначились синие вены. Застиранное платье, которое она носила ещё в хуторе, бессовестно задралось на не опавшем животе. Ребёнок и вовсе был завернут в немыслимое тряпье. Ирина сквозь слёзы затравленно посмотрела на свекровь и чуть слышно проговорила:

– Беременна я, мама...

– О Господи, – испугалась Валентина, – аборт никак нельзя?
– Большой срок. УЗИ уже прошла. Врач сказал, что будет двойня. Две девочки.
– Что ж не уговоришь Ваньку лечиться? В райцентре живёте.
– Он не хочет. Я уж пробовала своими средствами: и конский пот, и корни белого пиона, и порошки из панциря раков подмешивала в еду. Без толку... Нервное у него это. Вроде и не пьяный, а дурак дураком.

– Ну, дай, дай мне мою внучку поддержать. – Валентина бережно взяла девочку на руки и прижала к груди. Та безмятежно спала, причмокивая во сне. – Как называли-то ребёнка?

– Марина. Мариночка. Хорошая девочка, только беспокойная.

– Что ж это мы сидим во дворе? Проходи в дом, покормлю тебя, небось, с утра не ела, а грудью кормишь.

– Спасибо, мама. Есть не буду, а молочка бы выпила.

Валентина положила девочку на кровать, наскоро приготовила завтрак.

Пока Ирина ела, мать собрала ей пакет с продуктами. Вытащила из сундука отрез фланельки на пелёнки, детскую подушечку в кружевной наволочке, яркие игрушки и тоже положила в пакет.

– Вот приготовила... Собиралась к вам ехать, да уж теперь чего ехать. Внучку увидела. Новости ваши узнала, – поджав губы, мать замолчала и до самого ухода снохи больше не проронила ни слова. Чем успокоить Ирину, когда у самой горько на душе...

Однако при прощании она, болезненно кряхтя, полезла за божницу и вытащила оттуда пожелтевший свёрток. Отвернувшись от Ирины, повозилась с ним и, протянув снохе несколько тысячных бумажек, обречённо вздохнула:

– На, возьми. Себе на смерть собирала... Но, думаю, помру, не оставите протухать, как-нибудь закопаете.

Девочки родились болезненные, развивались плохо. Иван злился, бил жену, пропадал ночами, а днём отсыпался в сарае. И вот явился... Надо было прогнать его. Может быть, вернулся б в семью... Но Иван сказал, что Ирку с детьми видеть не желает. А если мать не примет его, поквитается с жизнью. И она пожалела сына.

Назавтра у него был день рождения, исполнилось тридцать пять лет. Валентина накрыла на стол, оставив от пенсии только на коммунальные платежи. Но, увидев гостей сына, убедилась окончательно, что Ванька непутёвый и толку из него не выйдет.

После затянувшегося «юбилея» она отнесла вещи сына в гараж, поставила там раскладушку и строго объявила ему:

– Живи здесь. И тебе спокойнее будет, и мне.

Спал Иван в гараже, но уже с обеда, как просыпался, начинал ходить по двору, шарить по сараям, чтобы найти, что вынести из дому. Правда, своими глазами мать этого не видела. Но кто ж, как не он? Из гаража пропали отцовы инструменты, два старых велосипеда, рубероид, четыре мешка цемента, который приготовила Валентина для штукатурки цоколя. Из огорода также Иван выносил всё, что поспевало, а в курятнике остался только петух, который должен и сам скоро сдохнуть от старости. Корову же – свою кормилицу – мать особенно берегла и охраняла от сына: боялась, что он её тоже сведёт со двора. И не зря боялась. Однажды, возвращаясь домой с пустыми стеклянными банками – разносила клиентам молоко – она увидела, как сын выгоняет из калитки корову Зойку. Валентина охнула и, выронив банки, бросилась на защиту кормилицы. Она выхватила из рук сына верёвку, которой он обвязал шею животного, и, задыхаясь от гнева, закричала:

– Что ты делаешь, поганец! Куда корову?

Иван, попытался вырвать у матери верёвку. Мать упала, но не выпустила её из рук. Она почти хрипела:

– Не дам Зойку! Сначала меня убей, ирод, потом бери, что хочешь!

И он отступил. После того случая мать и сын почти не разговаривали. Даже пищу Иван готовил себе сам.

Наступила зима. Иванов гараж отапливался масляным калорифером. Показания счётчика дали астрономический результат, и весьма расстроенная Валентина подумывала о том, чтобы перевести всё же на время холодов сына в дом.

На Николу Зимнего прибежала старшая дочь Валентины Наталья. Она рассказала матери, что ездила в районную поликлинику на рентген и видела там Ирину, которая оформляла документы младшим девочкам в специнтернат. Она сказала, что живёт без Ваньки даже очень хорошо, работает на кухне в кафе и с голоду не умирает. Дети тоже устроены: старший в продлёнке, а малышка в садике. «Так что, – говорит, – передайте Ивану, что буду подавать на развод».

– Ну и слава богу. Я рада за неё, – грустно произнесла мать и перевела разговор на другое.

Не смотря на мороз, снега не было. Иван достал дозу в соседнем хуторе, и в предчувствии блаженства спешил в своё холодное жилище. Шёл он более двух часов, а когда добрался до гаража и кое-как, трясясь и стеноя, открыл дверь, руки его так замёрзли, что потеряли чувствительность. Иван пришёл в бешенство. Как ширнуться? Придётся просить мать. Она не знает? Или догадывается? Шприцы есть в кармане. Уже легче.

Он, едва переставляя застывшие ноги, доковылял до матери и упал в тепло жилого дома.

– Что, допился? – спросила она, но вдруг заметила, что сын трезв. Это удивило её.

– Мам, – просящим голосом проговорил он, – сделай мне укол, – и жалобно добавил, – пожалуйста.

– Я тебе сделаю укол, я такой укол тебе сделаю! – в сердцах закричала мать и замахнулась на него тряпкой, которую держала в руках.

– Я руки отморозил, сам не могу, мам, пожалуйста, – злые слёзы покатались у него из глаз.

Валентина раздела сына, с трудом затащила на диван. Смазывая гусиным жиром обмороженные конечности, она тряслась от возмущения: «Прав, прав был участковый, её сын наркоман. Но откуда ей было знать? Она и в глаза не видела настоящих наркоманов, только по телевизору. Вот она, какая беда пришла!». Укол делать Валентина не стала, да и не понадобилось.

У Ивана поднялась температура, начался бред, а может быть, и ломка, о которой мать знала только понаслышке. Сын корчился на диване, мотая забинтованными руками и бешено водя зрачками, словно искал врага, и кричал:

– Убью! Не буду стрелять! Дети! Дети там! Расстрел! Не хочу!

Потом и вовсе понес околесицу.

Уже через три дня кисти рук и ступни почернели. Мать поняла, что за этим последует общее заражение.

Пришла соседка и, видя Ивана в таком положении, энергично заявила:

– Надо скорую.

– Не надо! – резко парировала Валентина, – помрёт и так.

Возмущённая соседка побежала на конец хутора к дочери Валентины, запыхавшись, выпалила ей:

– Ванька помирает, а мать ваша с ума сошла. Вызывай скорую.

У Натальи был телефон. Вызвав скорую, она быстро накинула пальто и платок и побежала к матери.

В больнице Ивана сразу же забрали в операционную и ампутировали пальцы на руках и ступни ног.

– Ещё ночь прошла бы, – говорил молодой хирург, – и ты покойник. Чудо, чудо, что остался жив!

Иван лежал в больнице почти месяц, перебирая прошлое, и думал о том, что впереди у него нет ни-че-го.

Он вспомнил старшину медицинской службы, в белом халате и с кудряшками пепельных волос. Как она, глотая слёзы, ширяла им, солдатам-первогодкам, «вакцину от трусости». А старший лейтенант, матерясь, гнал их на минное поле. Вспоминалась зачистка предгорного аула, когда надо было подорвать дом, в подвале которого прятались боевики. А в доме – женщины и дети. Как он звал их выйти, а они не выходили. Может быть, думали, что их пожалеют и не взорвут дом? Как же...

Вспомнил и первый год своей семейной жизни, счастливой, беззаботной, Иришку – юную старшеклассницу с задорной чёлкой. А ведь всё у них могло сложиться иначе, если бы... А дети? Голодные, жалкие... Их ждущие глаза, обращённые к нему, отцу. Что ж? И раньше он для них ничего не делал, а теперь и подавно.

– Инвалид, – криво усмехнулся Иван, – инвалид на голову.

Валентина забирала сына из больницы на телеге. Денег на машину не было: все ушли на лечение. Спасибо Магарычу, колхозному водовозу, у которого после развала хозяйства остался дряхлый мерин. Он взял плату натурой – сливками.

Ехали долго, не то что на машине. Дорогой лезли ей в голову невесёлые мысли: «Плохо, что сено у коровы кончается. Опять же неприятность – задолженность по свету растёт. Ванька беспомощный. Его кормить надо и ширинку расстёгивать-застёгивать. Не сможет он приспособиться к новому своему состоянию. Ирка, конечно, не возьмёт, уже, наверное, на развод подала. Куда он ей? А ещё неизвестно, как он сам себя поведёт, может, возьмётся за старое. Страшно! Духом-то Иван слабый, как его отец. Тот, потеряв работу, спился и умер от цирроза печени. До смертного часа всё не мог напиться».

Дома Валентина покормила Ивана с ложечки, напоила молоком, затем помогла помочиться. Друг с другом мать и сын не разговаривали, будто пребывали в нерешительности, не зная, как себя держать. Мать, подойдя к вешалке, накинула рабочую куртку и вышла. Иван услышал щелчок дверного замка. «Управляется», – подумал он. И вдруг его взгляд приковала стена, на которой, сколько себя он помнил, находилась его детская фотография. Вместо неё на гвозде висел его ярко-красный шарф. Он давно его не видел. После армии точно ни разу. Приглядевшись внимательнее, Иван заметил петлю на конце шарфа, словно приготовленную специально.

– Молодец мать, какая молодец! – подумал он, просовывая голову в петлю.

Валентина пришла два часа спустя. Следом прибыли милиция и скорая помощь.

ПО-ПРЕЖНЕМУ СВЕТИТ СОЛНЦЕ

Витька – чистый блондин, почти альбинос, только на подбородке торчат куцые волоски с едва заметной рыжиной. Несмотря на немалый рост, он из-за полноты и розового цвета кожи казался целлулоидным пупсом. Первую часть жизни наш герой прожил неплохо. Но дальше пошли трудности. К пятидесяти годам Виктор приобрёл огромный живот, который мешал ему видеть землю под ногами, и поэтому стала у него вырабатываться странная, какая-то спотыкающаяся походка. Однако пользовался Виктор ею мало, поскольку работал таксистом. Его толстые, будто обрубленные пальцы вальяжно лежали на руле, румяное от малейшего луча солнца лицо источало блаженный покой. Надо сказать, пассажиров привлекал его солидный вид, и клиентов всегда было много. Часто возил иностранцев. Случались дальние рейсы. Бывало, и до границы с Ираном доезжал. Как-то вернулся из такого рейса и говорит жене Галине:

- Поеду жить в Зимбабве.
- Чего это ради? – уставилась на него недоумённо Галка.
- Буду один там белый. Представляешь, какое для негров диво?
- В цирке, что ль, выступать будешь? – подколола его жена.
- Скажешь тоже, в цирке... Мне вообще ничего делать не надо будет, только командовать.

Почему он вбил себе это в башку, Галка до сих пор не понимает. Был он всегда, конечно, с ленцой: в квартире пальцем о палец не ударил. Но чтобы такие барские замашки взрастить в себе, одной лени маловато. Носился он с этой идеей месяца три. И совсем было собрался эмигрировать, ждал только выхода на пенсию. Но не пришлось. В Грозном, где он жил, случились неожиданные перемены, в результате которых Витькино семейство вместе со всем русскоязычным населением республики влилось в ряды вынужденных переселенцев. И Виктор, уже пенсионером, отправился совсем в другие края, несколько севернее Зимбабве, – на Ставрополье. За гроши продав двухкомнатную квартиру в Грозном, он купил хатёнку на хуторе – с земляным полом и балками-сволоками. Разумеется, если бы приложить хозяйские руки, можно было и это жилище благоустроить. Но весь вклад супругов в обустройство на новом месте свёлся к тому, что Галка набросила верёвку на перекошенную калитку, чтоб она не мотылялась раскрытая, да Витька поставил под окошком для себя чурбак, на котором проводил большую часть досуга.

Двор вокруг хаты был просторный, но какой-то нежилой: без сараев и огорода, заросший осотом и кустами. Мусор в доме и во дворе Галка время от времени, разумеется, собирала, но ссыпала у плетня, что придавало подворью бесхозный вид. Расставив кое-как мебель, чета переселенцев пригласила родственников на новоселье.

Надо сказать, что на этот богом забытый хутор Витька и Галка прибыли чуть ли не последними из многочисленной грозненской родни. Дорожку протоптала двоюродная сестра Галки, у которой невестка была родом отсюда. Она-то и поведала всем о баснословно низких ценах на дома в хуторе. Но когда покупал жильё Витька, цены выросли – за свои деньги ничего лучшего он приобрести не мог.

Хатка, расположенная в низине, почти у берега мелкого солёного озера, постепенно расползалась и выглядела раскорякой. Войдя в дом, гости провалились на полметра ниже порога, так просел глиняный пол, и почувствовали себя неуютно, точно в склепе.

– А давайте во дворе посидим, – кряхтя, заглянул в хату к гостям Виктор, – на свежем воздухе и аппетит лучше!

Гости расселись на чурбаках и табуретах вокруг косого стола, Галина расставила принесённую родичами снедь, поставила и своё угощение. Заросший двор благоухал сиренью, радовало слух соловьиное пение.

– Откуда у вас соловьи? – удивилась племянница. – Я уже второй год живу здесь и не слышала их ни разу.

– Ты чо? Как же ты можешь слышать? Вы же всё время строитесь, стучите, потом сварка, шум. А соловей покой, тишину любит. У нас ему благодать, – опрокидывая чарку казёнки в свой бездонный бурдюк, изрек Витька и смачно закусил водку хрустящей редиской.

После законных трёх тостов он изложил гостям и жене своё новое жизненное кредо: использовать заслуженный отдых по назначению (вкусно есть, сладко спать и смотреть телевизор!). Галка тридцать лет висела у него на шее, кормил, одевал, обувал её, теперь пусть она заботится о нём, пусть попробует почём фунт лиха.

Нельзя сказать, чтобы жена приняла это сообщение с энтузиазмом, но у неё хватило ума перевести слова мужа в шутку.

А он взаправду сел сиднем на продавленном диване перед столом, до которого можно дотянуться рукой, чтобы взять пульт от телевизора, кружку с компотом или маковую булочку. Ел Витька тут же, чтобы не затруднять себя переходом в тесную кухню, где обычно трапезничала семья. Поскольку дочь Витьки недавно выскочила замуж, сын уехал на заработки, а Галка при нём не ела, он и не заморачивался. Главное – чтобы ему было подано.

А у Галины жизнь превратилась в сплошную охоту за продовольствием, так как пенсии мужа на еду не хватало. Она часто навещала родственников и знакомых. Там на Витьку пожалуется – на жалость пробьёт, и дадут что-нибудь из продуктов, там займёт денег под пенсию. Смотришь, уже перед Виктором дымится миска с ухой, стоят блинчики с творогом, густой кисель... Ещё Галка приспособилась торговать соседским самогоном. Соседи-то не хотели, чтобы их внеурочно беспокоили, а Галке это на руку. Хоть какой навар шёл.

Сама она действительно никогда не работала на производстве, но регулярно ездила в центр, чтобы выбить какую-либо компенсацию или социальную пенсию. Некоторым это удавалось, и Галка не теряла надежду на благополучный исход хождений.

Однако с годами образ жизни супругов видоизменялся. Витька толстел и попадал во всё большую зависимость от жены. Сто девяносто килограммов очень осложнили его жизнь: он не мог сам подняться с дивана, возникли гигиенические проблемы – он был не в состоянии пользоваться туалетной бумагой, и тут нужна была Галкина помощь. И вообще, чем больше он прибавлял в весе, тем больше появлялось забот у жены. Опять же умывание, бритьё, одевание и прочие действия требовали времени, и на добывание пищи его катастрофически не хватало.

Галина совсем забросила себя и представляла собой жалкое зрелище: в замызганной Витькиной куртке, в калошах на босу ногу, а зимой на шерстяные носки, с неряшливо подрезанными седыми патлами, худая и сморщенная, она сновала челноком по хутору. Кому-то отнесёт арбузные корки для уток и получит от хозяев птицы булку хлеба, а от владельцев корок – арбуз. Или допоздна ощипывает соседских кур и притащит домой куриные лапки, а то и потроха на суп. А муж ещё недовольство высказывает:

– Где тебя черти носили? Называется жена. Заведется на целый день и забудет, что муж сидит голодный!

Галка пытается оправдываться. И слово за слово – начинается скандал...

Но с некоторых пор Витька обленился совсем, перестал даже разговаривать с женой, не то что ругаться. Толстой сарделькой указательного пальца он подаёт ей сигналы: есть, на горшок, выключить телевизор. Самое трудное для Галки дело – его купать. Она ставила

рядом печкой большое цинковое корыто, в него помещала табурет, на который усаживала мужа. Поливала его водой из ковша, строго следя за температурой воды. Витька любил погорячее. Купание, особенно летом, длилось по часу. К тому же Виктора мучили потница и опрелости. После купания он разваливался на диване, а Галка обсыпала его с ног до головы крахмалом.

Однажды она задержалась и не успела к его туалету. А к этому времени Витька уже оправлялся в комнате. Специально для него зять сбил огромный стул с отверстием посередине, под которым стояло ведро с крышкой. С горем пополам сделав своё дело, Витька ждал жену... Но она все не шла. В раздражении он схватил кочергу, которая приткнулась у печки, и намотал на неё туалетную бумагу. Но как ни исхитрялся он достать кочергой до нужного места, не мог. Вот тут появилась довольная Галка с тарелкой холодца. Витька, молча, запустил в неё кочергой. Однако промазал. А Галка кроме холодца принесла радостную весть, что ей назначили социальную пенсию.

Исполнив свой долг, Галка вынесла и помыла ведро, села за стол напротив мужа и съела весь холодец. Витька так опешил, что не мог слова вымолвить.

С тех пор жизнь супругов изменилась. Получив официально первые за свою жизнь деньги, Галка выкрасила волосы в чёрный цвет и сделала завивку. Перебрав грозненский сундук, она обнаружила массу старых кофт и юбок и сообразила себе «свежий» гардероб. Затем купила туфли на танкетке, и явилась во всей красе перед Витькой.

— Ты это чо? Куда? — открыл рот изумлённый супруг.

А она выставила перед ним тазик с нарезанным хлебом, кастрюлю с картошкой в мундире и графин с водой и равнодушно прокомментировала свои действия:

— На денёк съезжу в станицу, к сестре, — проведу её. А ты не сразу всё ешь, растяни продукты на день, понял?

Витька в сердцах запустил вслед ей пультом и сразу же пожалел об этом. Телевизор, сон и еда — три столпа, на которых покоится его теперешняя жизнь, рушатся. Даже поднять пульт — проблема. В полутёмной комнате, в абсолютной тишине сидел Витька перед пайкой часа два, а потом подвинул ближе кастрюлю с картошкой и. Еды ему не хватило даже до вечера, а Галка всё не возвращалась. Пришлось лечь спать на пустой желудок. С утра, как ни было затруднительно, он рыскал по дому в поисках пропитания. Холодильник пуст... Но Витька нашёл в кухне вилок капусты и сырые кабачки и съел, потом умял пакет пшена и выпил ведро воды, стоявшее в коридоре. В ход пошли также запасы соли и килограмм репчатого лука. На третий день затворник решился выползти во двор в стремлении найти что-нибудь съестное. Открыв дверь, он почувствовал, что закружилась голова. Витька здорово удивился, что по-прежнему светит солнце, поют птички и мир прекрасен.

А Галке так понравилось в гостях, что вернулась домой она гораздо позже, чем обещала. Витька с проваленными глазами и с какой-то жалкой, в складках, шеей, воровато взглянув на объёмистую сумку в руках супруги, послушно сложил руки на животе и умильно спросил:

— Как съездила, Галочка?

МАРФА ДАВИДОВНА

Марфа Давыдовна! При этом имени у меня появляется улыбка и, может быть, жалость в душе. Дальняя родственница, которая по молодости знать нас не знала или не хотела знать... Как же, главный бухгалтер обувной фабрики! Величавая сероглазая красавица, удачливая в работе, но не очень - в личной жизни. Имея двоих детей от разных мужей, она не страдала от одиночества и в разведённом состоянии. Всегда вокруг неё вилась пара-тройка поклонников.

Властная и эгоистичная тётка Марфа детей своих не баловала. Старший сын, ещё довоенный, не вынеся гнёта матери, уехал в Сибирь да там и умер. Младшая дочь Лида – моя ровесница – тоже поспешила замуж, правда, подарив Марфе внучку, и вскоре развелась. Но, слава богу, получила при размене квартиры мужа, доставшейся ему по наследству, две комнаты и была счастлива исполнять дочерние обязанности на расстоянии.

Марфа Давыдовна любила себя. Ей нравилось менять наряды, выезжать с начальством на пикники, ездить с отчётами в Москву. Она была украшением любой компании: весёлая, любящая шутки, хорошая певунья. За работой и гулянками Марфе некогда было подумать о будущем: об удобной квартире, мебели, белье и одежде про запас. Ей казалось, что всё ещё впереди, а пока длится праздник жизни, надо радоваться каждому его дню. И она, как попрыгунья-стрекоза, пела, радовалась...

Но, как всегда бывает в жизни, на смену одним красавицам приходят другие, более молодые и везучие, а у неё, глядь, появились морщины на лице, лишний вес и одышка. И не брали её больше на шашлыки, и в спину дышала юная бухгалтерская поросль.

Подойдя к критическому возрасту, Марфа Давыдовна оказалась у разбитого корыта, в жалкой комнатёнке дома с «удобствами» в крошечном дворике, огороженном низким штакетником. Дом был на двоих хозяев, и тётка Марфа владела его меньшей частью. Она всё собиралась улучшить свои жилищные условия, но так и не собралась. Единственное, что она сделала за все годы жизни здесь, так то, что в коридорчик провела воду и поставила миниатюрную газовую плиту, а в печку - газовую форсунку.

– На мой век хватит, – успокаивала себя тётка.

Только выйдя на пенсию, Марфа Давыдовна оценила блага, что она имела за свою зарплату и премии, которые сама себе начисляла. Приохотившись к «Столичной» водке и сигаретам с тем же названием, она долго пыталась перейти на дешёвую продукцию. С водкой это получилось. А вот от дорогих сигарет не смогла отказаться. И тогда Марфа Давыдовна стала варить самогонку, сама её пила, продавала, а на вырученные деньги баловала себя балычком и дорогими сигаретами.

Сама тётка Марфа никому не помогала, но могла заставить неведомым образом каждого чего-нибудь ей дать или сделать. И ей несли соседи, знакомые, Лидочкины подружки всё, что ни попросит. А уж саму дочь замордовала настолько, что та вставала и ложилась с мыслью, как выполнить очередное задание матери.

Конечно, тётка скучала, и тут она вспомнила о родне. Стала навещать нашу семью. Придёт Марфа, напомаженная, облитая духами, с крашеной смоляной косой, закрученной на затылке и увенчанной серо-буро-малиновым шиньоном:

– Да вот, шла мимо. Дай, думаю, зайду, проведу, – а сама, подмигивая левым глазом, как будто тайну какую знает, выставит на стол бутылку самогонки. Что ж делать? Не выгонишь. Надо угощать!

Папа не пил водку и терпеть не мог пьющих женщин. А мама скажет:

– Ой, давление замучило! Я бы поддержала компанию, да здоровье не позволяет, - и тоже откажется. Поставит на стол, что есть: квашеную капусту, холодец там или сала нарежет. Так Марфа Давыдовна сама выпьет бутылку, закусит хорошо... Вот и погуляла, правда, без песен.

Любила тётка и поучить жизни:

– Дура! Заглядываешь мужу в глаза.ловишь желания? Несамостоятельная ты, я скажу. Моя Лида послала своего куда подальше и теперь ни от кого не зависит.

Хотя к дочери она относилась очень взыскательно, но, наверное, по-своему любила. Главное для Марфы Давыдовны было исключить все варианты для соперничества её Лидочки с подругами. Это тешило её тщеславие.

Забегут молодые женщины проведать тётку Марфу, предложить помощь, грядку перед двором полить, она скажет обязательно:

– Спасибо, Таня (Женя, Люба). А какая шея у тебя морщинистая! У моей Лиды – нежная, гладкая.

Иногда заметит:

– Или ты толще моей Лиды, или платье на тебе плохо сидит. Сними его, не позорься.

Может походя бросить:

– Что-то дети твои плохо растут? Смотри, какая у нас Галка вымахала. А у тебя задохлики.

А ещё ей нравилось наказывать дочери и её подружкам, как они должны её похоронить:

– Чтобы и поп, и музыка. Платок не надевайте. Не хочу в гробу лежать, как бабка. Если уж в шляпке нельзя, повяжите косынку. И под бородой не завязывайте. Чтобы узла не было. На лоб бумажку не прилепливайте – весь вид испортит! Поминали чтоб в столовой, здесь все не поместятся. За деньгами на работу мою обратитесь. Помнят ещё там Марфу Давыдовну, не могли забыть.

Так она старела и матерела, но держалась. И волосы заставит дочь ей вовремя покрасить, и ногти обработать, и платье новое сошьёт. Со временем Марфа Давыдовна стала похожа на проходной персонаж пьесы. Амплуа её можно определить как «комическая старуха».

Наступило горбачёвское время. Город чернел. Уезжали русские, дома их занимали чеченцы. И вскоре на улице, где жила тётка Марфа, всего семей десять осталось русских. Только те, кому некуда было ехать или за чьи развалюхи ничего не давали. В числе последних оказалась и Марфа Давыдовна. Желających на её комнатку не было, ведь рядом за бесценник можно было купить кирпичный дом!

Дочка тётки, Лидочка, нового гражданского мужа нашла и накануне первой чеченской войны уехала на Север, пообещав, что скоро вернётся за ней.

Район, где жила Марфа Давыдовна, был тихий. До начала военных действий беспорядков в нём не наблюдалось. Вот только с продуктами было плохо. Магазиновые полки опустели. Иногда выбрасывали консервы с морской капустой да килькой в томатном соусе, и те моментально разбирали. Население тоже готовилось к войне!

Марфа Давыдовна, как и все, методично делала запасы. Выйдет на рынок к магазину, а там сидят чеченки в ряд, каждая со своим товаром. Чеченцы уважительно относятся к старикам. Глядишь, кто кочан капусты даст или подпорченный арбуз, что-то останется после торговцев – кусок хлеба, разбитые яйца. Тётка Марфа всё подберёт: капусту и арбуз посолит, хлеб посушит и яйцам найдёт применение.

А перед самой войной ей повезло. Еще пенсию тогда давали. Купила она у частника мешок сахару, на самогон. Но как русские разъехались, клиенты пропали – чеченцы в

основном не пьют, аллах не велел. А если кто и пьёт, то вино или коньяк. Про них ничего в Коране не сказано. И сахар стал её НЗ и неразменной валютой. В этом мешке, как она считала, вся её жизнь.

Зимой 2004 года в её домик попала бомба. Начался пожар. Когда Марфа Давыдовна выскочила от соседей, к которым зашла, чтобы «позычить»¹ сигарет (она всегда зычила, даже если они у неё и были), руины её жилища полыхали пламенем. Но мешок, который стоял в коридоре, не пострадал. Его, да ещё чуть подгоревший ковёр вынести она успела. Во дворе с незапамятных времён стояла тачка на одном колёсике. Тётка-погорелица подтянула к ней мешок, с горем пополам и соседским мальчиком Алиханом взгромоздила его на тачку, сверху прикрыла ковром и поехала вдоль улицы, выбирая место жительства. Она была уверена, что с мешком-то сахара её каждый примет! Её пожалели старики Хорошиловы. Хотя и не любили они гордую Марфу, а пожалели её в беде. Но она-то думала, что из-за сахара Хорошиловы согласились приютить её.

С тех пор она каждый вечер с дедом Хорошиловым «отдыхала» - пила дедову самогонку, курила дедов табак. Так она прожила месяца три, наверное. И весна уж пришла.

Хорошилиха была непьющая, и так устала она ухаживать за пьяницами, еду им добывать, что стала ворчать на Марфу, прогонять её из дому.

Как-то в их районе федералы проводили военную операцию, и случайным осколком снаряда Хорошилиха была убита. Закопали её Марфа с дедом в огороде. Сели, помянули.

Собрала она манатки, мешок и ковёр, взвалила на тачку и по улице покатила. Да только недалеко. Боялась она далеко от дома оседать: вдруг дочка за ней приедет и не найдёт. А какая дочка? Письма, телеграммы не доходили, пенсий не платили, люди с опасностью для жизни убегали из Грозного... Кто ж в Грозный-то поедет? Только сумасшедший. А Лида была женщина разумная.

Приняла на этот раз её бабка Кузьминична. Ей шёл девяносто шестой год. Старше Марфы на двенадцать лет, непьющая. Поэтому Марфин мешок её не заманил.

– Живи, - говорит Кузьминична, - в спаленке. Ты не помешаешь мне.

Житьё у бабки Марфе не понравилось. Всё её раздражало. Особенно бесконечные молитвы, которые Кузьминична возносила Богу. И главная печаль с утра у Марфы: где добыть курево и с кем бы выпить «на халяву».²

К обеду Марфа являлась домой навеселе и начинала учить Кузьминичну жизни. Старуха оказалась с характером и выгнала тётку из дому. И вот опять она бредёт с тачкой по улице. А русских уже и не осталось.

Подобрали Марфу Давыдовну чеченцы. Пожалели: все вокруг знали, что «бабушка дочку ждёт». Поселили в летней кухне. Из её окон было видно родное пепелище, и Марфа могла часами наблюдать, кто идет мимо.

- Так что дочку не прозеваете, - успокаивала её Медина.

Тётка Марфа прежде всего велела подросткам втащить в помещение свой мешок как гарантию права на жилище. Разумеется, её взяли не из корыстных побуждений, а просто уважив старость. Марфе исполнилось уже семьдесят девять лет.

Каждый день Медина приносила ей еду, всё то, что ели сами. На охоту за сигарками тётка, кряхтя и постанывая, выходила за калитку: из жалости или в шутку ей подавали сигареты. И Марфа Давыдовна, довольная, присаживалась на лавочку около двора и

¹ Занять.

² Даром.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

блаженно затягивалась. А вот выпить не было никакой возможности. Даже сварить самогон из своего сахара она не могла. Хозяин сам не пил и не позволял этого делать в своём доме. Медина предупредила:

– Если Хасан увидит, выгонит.

Даже на свое восьмидесятилетие Марфа не выпила, хотя намекала Медине. Та её поздравила с юбилеем и принесла, как положено старухам, мягких пряничков.

Свой мешок Марфа Давыдовна не трогала. Она думала: «Пока есть у меня сахар, есть и кров. С этим мешком я дождусь Лидочку». Все в доме видели её маленькие хитрости и относились к ним снисходительно.

Несколько лет прожила Марфа Давыдовна в этой семье в ожидании дочери, но та так и не приехала. Почувствовав скорую смерть, она попросила Медину похоронить её по-человечески.

– Как по-человечески? Батюшку звать? Это мы не можем. У нас свой мулла есть! Мы не знаем, как тебя хоронить. Если хочешь, прими ислам, и мы похороним тебя со всеми почестями.

Марфа согласилась. То ли почестей захотелось, то ли выбора не было. Перед смертью она попросила у Медины стакан водки. Осушив стакан до дна, она деревенеющим языком, прошептала:

– Ну, теперь принимайте меня в свою веру.

Её завернули в ковёр и похоронили на мусульманском кладбище. Правда, мешок опускать в могилу не стали, раздали людям на поминовение.

Владимир Любаров. Флэшмоб «Ласточка», 2012.

Холст, масло

ПРОЗА

Нина Роженко

(Кореновск, Краснодарский край)

МОЯ ТЫ УРОДА!

Когда Мите исполнилось пять лет, отец ушел из дома. Митя сидел на диване и расставлял шахматы. По вечерам они с мамой всегда играли в шахматы. Отец кинул большую дорожную сумку на стол. Аккуратно сложил в нее рубашки и трусы, забрал у Мити шахматную доску, так же аккуратно уложил шахматы. И любимых Митей коней с блестящими лакированными гривами - белыми и черными - тоже забрал и засунул в сумку.

Митя хотел заплакать, шахматных коней он любил. Но лицо отца, насупленное, покрасневшее, напугало мальчика. Он съехал в уголке дивана, не сводя с отца испуганных глаз.

Мама стояла в дверях, раскинув руки, словно собралась взлететь. Как птица. Но не улыбалась. И губы у нее дрожали, словно мама замерзла. Мите стало очень жалко маму. Еще жальче, чем шахматных коней.

Отец аккуратно застегнул молнию на сумке, пригладил растрепавшиеся волосы, сказал маме, махнув рукой в сторону Мити:

- Ты же ничего не можешь! Только уroda родить и смогла. Говорил же - оставь его в больнице. Предупреждал, что уйду! Не послушалась? Ну и нянчись теперь сама. А с меня хватит!

Когда отец ушел, Митя спросил тоненьким от волнения голосом, почему папа назвал его "урода"? Что это значит "урода"? И еще Митя сказал, что не хочет в больницу.

Мама села рядом с Митей, обняла его, поцеловала в теплую вихрастую макушку, и сказала ласково:

- Не бойся! Ни в какую больницу я тебя не отдам. А урода - это красота. На польском языке! Красота ты моя ненаглядная! Сыночка!

- А мы польские? - удивился Митя.

- Нет, мы русские, - улыбнулась мама. - И мы, и поляки — славяне, братья, поэтому у нас много общих слов.

Митя обрадовался и успокоился. Хорошо, когда у тебя где-то есть братья. Пусть даже такие не очень понятные, польские. Чувство тревоги, колющее, как муляшный ежик, свернулось в клубочек и спряталось до поры до времени. Митя в свои пять лет много размышлял. Он знал, что он особенный мальчик. Не такой, как все. Не хуже, не лучше. А просто другой. Так ему объяснила мама.

Мама Мите досталась удивительная. Ни у одного мальчика на свете не было такой мамы. Уж это Митя знал точно. Маленькая, худенькая, с короткой стрижкой и добрыми глазами. Она умела сочинять «отважные» истории. В этих историях Митя скакал на коне, чтобы догнать сумасшедший трамвай, побеждал грызуников, которые жили в подвале и

грызли трубы, спасал продавщицу хлебного магазина от нашествия мышариков. Митя в маминых историях становился смелым и ловким. Настоящий сказочный царевич.

Но когда Митя вспоминал насупленное лицо отца, мамы раскинутые руки, тревожный ежик снова начинал возиться, ворочаться, царапаться. Митя никак не мог понять, зачем мама хотела улететь. Она ведь умеет ходить.

Каждое утро мама уходила в больницу, где мыла посуду в больничной столовой. А за Митей, пока мама работала, приглядывала соседка Ивановна. Иногда, но не часто, мама приносила с работы холодные пирожки с картошкой и печенью. Разогретые на чугунной сковороде пирожки аппетитно шкворчали, по кухне плыл вкусный сытный дух, вскипевший чайник весело свистел носиком. Мама разливала чай в большие чашки с алыми маками, и они с Митей начинали пировать.

Митя любил эти вечерние посиделки. Мама рассказывала разные смешные истории, случавшиеся на больничной кухне. В такие минуты она казалась Мите волшебницей: такая маленькая и худенькая управлялась с огромными кастрюлями и котлами. Самый большой котел, на 50 литров, в котором варили суп, мама назвала Пыхтей Пыхтеичем. У него был сварливый характер, и если Пыхтей Пыхтеич бывал не в духе, он плевался супом, так что за ним был нужен глаз да глаз. Жила еще на кухне старая алюминиевая кастрюля Матильда, в которой варили картошку на пюре. И деревянная колотушка Марфушка. Матильда с Марфушкой не ладили, чуть что - дрались. То ли Марфушка завидовала Матильде, что та такая толстая да важная. То ли Матильда завидовала Марфушке, что та такая стройная да верткая. Кто ж разберет! Но шустрая Марфушка стучала по толстым бокам Матильды. И так охаживала, и эдак. А пока отношения выясняли, картошка уминалась, умягчалась, становилась пышная да вкусная. Мама не просто рассказывала, а показывала в лицах, как Марфушка охаживала толстые бока Матильды. Митя хохотал, и глаза его влажно блестели от удовольствия.

Когда отец ушел, мама подрядилась еще и полы в подъезде мыть. Прибежит с работы, быстро покормит Митю, расцелует в щеки - и на вахту. А Митя маму всегда дожидался, как бы поздно она ни приходила. Сидит на диване в уголке, картинки рассматривает в книжке. Соседка Ивановна подарила ему детскую энциклопедию. С яркими цветными картинками. И читать Митю научила. Сначала Митя читал громко, по слогам. Пока мама не сказала: "А ты, сынок, только глазками читай, про себя".

- Про меня? - удивился Митя, не понимая, где же в этой книжке про него, про Митю, написано. Мама рассмеялась и показала красивую картинку незнакомого города. Над домами с разноцветными крышами вздымалась ажурная, словно кружевная, башня. Такие кружева, легкие, воздушные, вязала крючком соседка Ивановна. Ее морщинистые пальцы так и мелькали. Митя любил наблюдать, как петелька за петелькой получались у Ивановны невиданной красоты узоры. Вот и башню в этом городе из книжки словно крючком связали, такая красивая получилась! А мама посадила Митю на колени и сказала, что город называется Париж, а башню придумал инженер Эйфель.

- Крючком? Связал? Как Ивановна? - восхищенно выдохнул Митя.

Мама опять рассмеялась и объяснила, что башня металлическая, очень высокая. Чтобы забраться на самый верх, надо подниматься по ступенькам. А ступенек этих много-много: тысяча! И еще семьсот! И еще девяносто две. Митя в свои пять лет уже умел считать до ста. Но представить себе так много ступенек на кружевной башне он не мог. "Интересно, - размышлял Митя, - это больше ста или меньше?" Но спрашивать у мамы не стал.

- Смотри, - говорила мама, - вот на этой площадке мы с тобой и стоим. Видишь, как много маленьких человечков! Мы с тобой тоже там. Когда ты вырастешь и ножки твои окрепнут, мы поедем в Париж, поднимемся на самый верх кружевной башни и оттуда будем пускать мыльные пузыри.

Митя безоговорочно поверил маме. Но как ни старался, разглядеть среди крошечных фигурок себя и маму не смог. И рассердился. И нахмурил светлые бровки. Ерунда какая-то! Мама, когда сердилась, тоже хмурилась и восклицала: «Ерунда!» Но Митя придумал, как справиться с этой ерундой. И пока мама мыла пол в подъезде, Митя нарисовал себя и маму прямо на картинке в книжке. Синей шариковой ручкой. Получилось очень красиво. Митя с мамой будто летели рядом с башней, как птицы. Сразу было видно: вот Митя в кудряшках спиральками, а вот мама в платье. Митя разукрасил мамино платье кружочками. Чтобы нарядная была.

Мама пришла бледная уставшая. Сняла спортивный костюм, надела ситцевый халатик и присела рядом с Митей. Митя погладил влажные мамины волосы и улыбнулся:

- Моя же ты уroda ненаглядная!

Каждый раз, когда Митя так называл маму, она смеялась и целовала его. Он счастливо жмурился и смешно морщил нос от удовольствия. Но в этот раз ему не терпелось показать маме картинку в книге, которая наконец-то стала правильной. Мама увидела два огуречных человечка. Тонкие ножки и ручки-прутики вразброс. Человечки улыбались и весело парили в небе над Парижем, как две диковинные большие птицы.

- Замечательно получилось! - вздохнула мама. И на следующий день купила Мите альбом и акварельные краски. Теперь Митя целыми днями рисовал.

Раньше Митя с нетерпением ждал, когда они с мамой пойдут на прогулку. Мама приходила с работы, они ужинали и шли гулять. Но теперь мама мыла подъезды, и гулять они ходили только по воскресеньям. Поэтому Митя рисовал днями и вечерами, дожидаясь маму. Мама раскладывала рисунки на столе и задумчиво рассматривала их. Митя выжидающе вглядывался в мамино лицо и радостно хохотал, когда замечал ее улыбку.

На его рисунках было много неба, щедро покрашенного голубой краской. По небу плыли причудливые облака, похожие на цветы. Они стройной вереницей огибали кружевную башню, верх которой неизменно украшало солнце, сочное, желтое, с толстыми лучами. Башня была украшена солнцем, как новогодняя елка звездой. Да и саму башню Митя рисовал канареечно-желтой. Для красоты. По небу летели птицы с большими человеческими глазами, они улыбались радостными человеческими улыбками.

- Почему ты рисуешь только птиц, сыночка? - как-то спросила мама.

- Потому что им не нужны ноги, чтобы летать, - объяснил Митя. Он верил, что, когда подрастет, обязательно научится летать. Как птицы. Митя представлял, как они с мамой будут ходить на прогулку далеко-далеко. Мама будет шагать по дорожке, а Митя будет летать вокруг нее кругами. То-то весело будет!

Самые красивые рисунки мама вешала на стенку. От этих ярких солнечных рисунков в комнате становилось веселее. Соседка Ивановна, рассматривая Митины картинки, качала головой и украдкой утирала слезы.

- Скоро моя уroda придет! - сказал Митя как-то вечером, старательно закрашивая небо над желтой кружевной башней.

Ивановна ахнула:

- Да как же ты можешь такое слово нехорошее на маму говорить! Замолчи сейчас же!

Митя испуганно дернулся, опрокинул стакан с водой, мутный поток побежал по листу, размывая нежный голубой цвет неба, ясный желтый цвет солнца. Бумага вздулась и размокла.

- У тебя мама умница, красавица, с тобой вот... - Ивановна замялась, подбирая слово, но так и не нашла, - работает на двух работах, а ты ее уродом назвал! Как у тебя язык-то повернулся! Дай-ка я воду подотру. Щас подсушим твою картинку, и будешь дальше рисовать.

Ивановна промокнула воду и ушла на кухню, а Митя, откинувшись на спинку дивана, задумался. Он, конечно же, не забыл, как отец кричал тогда это слово и тыкал в Митю рукой. И лицо у него было таким же сердитым, как в тот день, когда Митю стошнило. Праздновали день рождения Мити, счастливый именинник наелся торта с кремовыми розочками. И его стошнило прямо за столом. Мама не успела помочь. А отец брезгливо сморщился, отвернулся, а потом и вовсе ушел из-за стола.

Получается, Митя и есть урод. А кто ж они такие, уроды? Надо сейчас же спросить Ивановну. Та, улыбаясь, несла из кухни тарелку дымящейся манной каши.

- Бабушка Ивановна, я урод? - спросил Митя с любопытством.

Ахнула Ивановна, звякнула разбитая тарелка, манная каша белым дымящимся озерцом расплылась по полу.

С тех пор прошло двадцать лет. Давно уже нет в живых Ивановны. А Митя теперь точно знает значение слова "урод". И знает, что люди не могут летать. И о своей коварной болезни с таким звучным названием - болезнь Литтла - Митя тоже все знает. В одной из медицинских брошюр, где подробно рассказывалось о детском церебральном параличе, он как-то увидел фотографию британского ортопеда Уильяма Джона Литтла. Именно Литтл впервые в середине 19 века установил влияние трудных родов на умственное и физическое состояние детей. Митя долго вглядывался в умное открытое лицо английского врача. Ему казалось, что англичанин заглянул в его душу и все про Митю понял. Все разгадал. И страстную мечту Мити ходить разгадал, и его мечту побывать в Париже и своими ногами пересчитать ступеньки на Эйфелевой башне - тоже разгадал. И даже то, что Митя никогда не будет ни ходить, ни летать - и это знал доктор Литтл.

На фотографии Джон Литтл сидел в кресле, и Митя не мог видеть его ног. Но почему-то казалось Мите, что у англичанина, так же как и у Мити, ноги бессильны и немощны. Потому он так все хорошо знал и понимал про коварную болезнь и про самого Митю.

О том, почему судьба так обошлась с ним, Митя старался не думать. За окном их квартиры жили сплошь счастливые люди. Они легко и свободно двигались, бегали, играли в футбол, катались на велосипедах и роликах. Они жили! Иногда ругались, дрались, жаловались на судьбу. Митя удивлялся: неужели не понимают своего счастья? Эх, если бы он мог ходить!

Мама сильно сдала за последние годы. Поседела, как-то высохла. Стала почти бесплотной. Только большие глаза в пол-лица и остались от прежней мамы. Но Митя считал свою маму красавицей. Да и могло ли быть иначе! Разве бывают некрасивые матери?!

Как-то в минуту отчаяния Митя сказал маме, что лучше бы ему совсем не родиться. Сам мучается и ее замучил. Мама распахнула испуганные глаза, ахнула, заплакала.

- Да знаешь ли ты, - сказала мама, - что я самая счастливая женщина на свете, потому что у меня есть ты. Знаешь ли ты, сынок, что я каждый день благодарю Бога за то, что он дал мне тебя. Как же ты можешь так говорить! Как такая мысль могла прийти тебе в голову! Ты мое счастье, Митенька! Мне без тебя не жить.

- Мам, прости меня! Прости! Я урод! Не плачь, пожалуйста!

И мама, как в детстве, обняла сына, поцеловала в макушку и улыбнулась:

- Ты не урод. Не говори так. Ты моя урод, красота моя ненаглядная!

В ту же ночь Мите приснился сон. Яркий, как фантик праздничной конфеты. Он в каком-то незнакомом городе. Маленький двухэтажный отель из белого камня на высоком берегу реки. Митя стоит на балконе внутреннего дворика и видит, как уступы, поросшие травой, уходят к самому берегу. И деревянный мостик, необычный, волнами, как спина двугорбого верблюда, спускается к реке. Мостик в никуда. Митя перебегает на другую сторону балкона, чтобы разглядеть, что же там, за стеной отеля. И вдруг понимает, что он ходит сам! Сам! С радостным удивлением Митя смотрит на свои ноги, твердо стоящие на полу. Он притопывает, подпрыгивает, ощущая упругость движения. Огромное, ни с чем не сравнимое счастье захлестывает его. Он наслаждается, упивается удивительным ощущением собственной свободы. Митя радостно смеется и свешивается с балкона. Ему надо непременно все рассмотреть. И видит в нескольких кварталах от себя башню, словно сплетенную из темного кружева. Она парит над крышами, устремленная ввысь, в небо. Да это же Париж! Неужели он в Париже? Сейчас он спустится вниз. Бегом! И пойдет искать башню. Пешком! Потому что он теперь такой же, как все! Он теперь тоже в стане счастливых людей. Свободных людей. Он поднимется на башню. Сам! По ступенькам! 1792 ступеньки. Теперь-то он их преодолееет. Ведь он умеет ходить.

Митя выбегает на улицу, все еще радостно удивляясь силе и ловкости своих ног, и сразу попадает в шумную веселую толпу горожан. Мимо едут цветные цирковые вагончики, гремит оркестр, кувыркаются акробаты в ярких трико, разноцветные клоуны машут Мите пестрыми платками, и он бежит за ними и успевает заскочить в последний вагончик. Его окружают дети, наряженные белыми ромашками, и клоуны. Они что-то весело говорят ему по-французски. Митя смеется и от полноты чувств запевает: " Широка страна моя родная!.."

- О-о-о! Так ты русский? - удивляются клоуны.

- Русский! - с гордостью говорит Митя. - И я умею летать!

Вагончики въезжают под своды Эйфелевой башни. Запрокинув голову, Митя смотрит на башню своего детства, голова его кружится от предвкушения. Вот он бежит по лестнице. Вверх! Вверх! Дети-ромашки и клоуны бегут следом. И каждый шаг - ступенька к счастью. На смотровой площадке Митя подходит к самому краю, широко раскидывает руки, словно хочет обнять и этот город внизу, и весь огромный солнечный мир.

- Лети, Митя! - кричат клоуны, приплясывая. Митя оборачивается, улыбается и, взмахнув руками, взлетает. Клоуны и дети прыгают и машут руками. А Митя жалеет, что его чудесный полет не видит мама. Он медленно, большой легкой птицей, облетает вокруг кружевной башни и взмывает ввысь, к солнцу.

Митя просыпается весь в слезах и долго не может успокоиться. Уткнувшись лицом в подушку, он беззвучно, чтобы не разбудить маму, плачет. Но мама приходит из своей комнаты, садится рядом, молча слушает сбивчивый Митин рассказ.

- Не плачь, сыночка, - задумчиво говорит она, - мы будем учиться ходить. Знаешь, если очень сильно захотеть, все получится. Надо только очень сильно захотеть. А летать ты уже умеешь. Душа твоя летает. Не горюй, сын. Ты верь!

Мама утешает сына, гладит его по голове, шепчет ласковые слова, подбадривает, убеждает. Она старается не думать, что станется с Митей, когда придет ее черед умирать. Может, Господь сжалится над нею и заберет их обоих? А может, случится чудо, и ее ребенок выздоровеет. Ведь бывают же в жизни чудеса.

Митя успокаивается. В душе его робко оживает надежда. Он много читает и по-прежнему много рисует. Карандашами, мелками, акварельными красками. Но теперь на его

рисунках, где все так же много неба и света, он рисует не птиц, а людей, которые легко, как птицы, раскинув руки, парят в небе. И вот ведь что удивительно: люди на его рисунках всегда улыбаются. У них светлые лица и большие сияющие, как у мамы, глаза.

Когда появляется свободное время, Митя с мамой упорно учатся ходить. Вопреки доктору Литтлу, вопреки всем маловеерам. Мама терпеливо одевает Митю, потом садится на диван. Митя крепко обнимает ее за шею, прильнув к спине своим худым немощным телом. Мама, держась за стол, поднимается и подхватывает Митины ноги. Убедившись, что сын крепко держится, мама мелкими шажками спускается во двор, усаживает сына на скамейку у подъезда, а сама возвращается домой за костылями. Она помогает Мите встать, и они отправляются в путь. Шаг. Еще шаг. Мама перетягивает костыль чуть вперед. Митя опирается на него, а мама подтягивает второй костыль. Митя, навалившись всем телом на оба костыля, подволакивает ноги. Шаг. И еще шаг. И опять мама берется за костыль. Они не разговаривают. Они сосредоточенно трудятся. Преодоление - тяжелая работа. Иногда они останавливаются отдохнуть и замирают посреди двора. Мама терпеливо ждет, пока сын отдохнет. Митя, запрокинув голову, обессиленно висит меж костылей. Он тяжело дышит. Но вот легкая улыбка трогает его бледные губы. И они снова делают шаг.

Владимир Любаров. Я умею летать!, 2003.
Холст, масло

ПРОЗА

Владимир Борисов

(МОССАЛИТ, Москва)

И СНОВА ОСЕНЬ, или ПЛЯСКА РЫЖЕГО КОНЯ

*«...И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем
дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга;
и дан ему большой меч».*

(Откровение Иоанна Богослова)

Росный ковыль медленно приподнимался над приплюснутой степью навстречу не по-утреннему жаркому солнцу. Высокое полинялое за лето небо опускалось к далеким холмам, желтым от вытопанной, высохшей травы и, смешивая блеклые краски, отсвечивало зеленоватым на размытом жаркой дымкой горизонте. Раскаленный воздух, насыщенный запахом крови, подсыхающего конского навоза и свежей, вывернутой наизнанку орудийными снарядами земли, стеклянисто колыхался над пыльной дорогой, извилисто уползающей в сторону голубоватых округлых Златоустовских гор, густо поросших сосновым и кедровым лесом. В глицериновой вязкой тишине, как в болотной трясине, тонут и суховатый треск саранчи, и одинокие посвисты ширококрылой хищной птицы, парящей над опустевшим полем боя. И посвисты ее, не то жалобные, не то требовательные, странным образом походят на человеческий стон:

- Пить, пить, пи-и-и-и-ть...

Сентябрь в этом году выдался на Южном Урале на редкость жарким и сухим. То тут, то там среди измочаленных конскими копытами зарослей татарника и душицы валялись раздетые до исподнего, а иной раз и совершенно голые мертвяки. Ни оружия, ни обмундирования, ни лошадей – народ, опустившийся за годы войны, легко переходит грань человеческого достоинства, опускаясь до грабежа и мародерства. Тишина и безветрие... И пыль. Красная невесомая пыль висит в воздухе часами, словно неведомый шалый конь огненно-рыжей масти мечется по пролысинам степи, поднимая ее, веками копившуюся на местных солончаках, точеными своими огненными копытами. Совершив еще несколько широких кругов вокруг поля и не заметив ничего для себя съестного, птица, явно брезговавшая падалью, скрылась где-то среди жиденьких туч, голубеющих над казахскими степями. Унылое солнце, надежно утвердившееся в зените, равнодушно смотрело на землю, искореженную войной, не замечало бредущего по горячей дорожной пыли человека, почти голого, в одних кальсонах с пятнами зелени на коленях и грязными замахившимися тесемками.

1.

Город открылся совершенно неожиданно, как-то вдруг, сразу. Всего четверть часа назад вокруг бредущего человека еще шумела казавшаяся бесконечной первозданная уральская тайга, и вот уже прямо перед ним серый, прокопченный приземистый вокзал, извилистые железнодорожные нитки, сворачивающие за невысокую скалу красного обомшелого гранита, высокое кирпичное здание водокачки. А за перроном, за чахлыми кустами ирги и корявого вишняка начинался непосредственно древний купеческий город.

Человек вернулся в лес и по чуть заметной тропке пошел к примеченной им скале. В таких скалах частенько можно отыскать если не пещеру, то хотя бы нору, где можно без опаски отсидеться до наступления сумерек. Нора и в самом деле нашлась: чуть ниже тропки, бегущей по щебенистому обрыву, гранит нависал длинным широким козырьком, под которым превратившаяся с годами в труху хвоя образовала мягкую и теплую подстилку. Человек забрался в нору, с протяжным стоном вытянул усталые ноги и, с минуту повозившись, уснул тихим, беззвучным сном. Мимо него, спящего, улыбающегося во сне, надсадно кашляя белесым паром и громко гремя железными сочленениями, проносились паровозы с составами, груженными лесом и орудиями, прикрытыми рваным выцветшим брезентом. Черный, лоснящийся мазутом мастодонт-бронепоезд с наскоро замалеванными двуглавыми орлами на клепаных бортах, украшенный красными звездами и гирляндами из сосновых лап, ошетилившись пулеметами и стволами легких орудий, уходил на юг, в сторону Уфы.

*«...Я не кадетский, я не советский,
Я не партийный большевик,
Цыпленок жареный, цыпленок пареный,
Цыпленки тоже хотят жить...»*

Разношерстная, пестро одетая группа полупьяных и крикливых, вооруженных трехлинейками мужиков вразнобой, не в ногу, уходила вдоль железнодорожного полотна в противоположную сторону. Торговки жареными семечками и отварным рубцом, изредка лениво переругиваясь, торчали возле своих мешков и прокопченных казанов, исходящих выбивающим голодную слюну паром. Начальник вокзала в дореволюционном кителе, с красной тряпичей на впалой груди чем-то зеленым натирал сверкающий золотом колокол, висевший на цепи под большими, лишенными минутной стрелки часами. Город, вернее вокзал, жил нормальной, насыщенной жизнью тех бестолковых времен, а полуголый, с золотистой щетиной на запавших щеках человек спал, свернувшись по-щенячьи, спал крепко, до тягучей слюнки, со странно мечтательной улыбкой на растрескавшихся губах.

Солнце, словно спохватившись, торопилось убратся за потемневшие кроны сосен. Удручающая жара спадала, приближался вечер, тихий, теплый, богатый на росу... Спящий заворочался, до хруста в костях потянулся, удовлетворенно зевнул и окончательно проснулся. Он выбрался из-под гранитного козырька и, расслабленно откинувшись на теплый шероховатый гранит, принялся с удрученным видом рассматривать вокзал с погашенными уже лампами внутри здания и с трудом читаемой в полумраке вывеской, установленной на самой крыше, между двумя застывшими флюгерами в виде двугорбых верблюдов.

- Челябинскъ, – прочел он вслух недоуменно и вновь надолго задумался. Ни верблюды-флюгера, ни название города ничего не говорили этому странному человеку, который, за исключением двух последних суток блужданий по тайге, ничего, абсолютно ничего не помнил. Кто он, как оказался в одних кальсонах на обожженной солнцем, перемолотой сотнями лошадиных подков пыльной дороге, приведшей его в конце концов к челябинскому вокзалу, – все было вымарано из его памяти...

Мужчина сплюнул и аккуратно, чтобы не поранить босые ноги о гранит и щебень, начал спускаться вниз, к железнодорожному полотну. К вокзалу примыкала прямая улица, засаженная высокими широколиственными тополями, состоящая в основном из крепких, добротных одно- и двухэтажных кирпичных домов под крытыми железом крышами. На многих домах возле дверей поблескивали бронзовые таблички, небольшие, но чрезвычайно солидные: «ДОМ СВОБОДЕН ОТ ПОСТОЯ». Ночь, безлунная и темная, наконец-то упала на город, и человек в белеющих кальсонах уже более смело шлепал по мощенной деревом улице. Окна в домах гасли одно за другим, и лишь тусклые огоньки лампадок в красных углах несколько оживляли уснувшую улицу. Собак не было, их ленивый перебрех слышался лишь иногда в еще более темных и мрачных переулках, где чернели ветхие деревянные постройки. Метрах в трехстах от вокзала возвышался черной глыбой католический костел, дома здесь были более богатые. По площади, освещенной несколькими кострами, взад и вперед сновали какие-то люди, устало всхрапывали лошади, слышался мат и вызывающий смех пьяных женщин.

Мужчина в таком виде идти в ту сторону не рискнул и свернул в приоткрытую калитку небольшого ладного домишки с едва освещенным окном. Обогнув сваленную возле крыльца кучу угля, неизвестный прижался лбом к стеклу, восторженно рассматривая непритязательно обставленную комнату с голландской печкой, облицованной молочно-белыми изразцами, и широкой кроватью с железными шарами. На кровати, вольготно раскинувшись, спал мальчик лет шести, ногами скомкав в жгут стеганое из пестрых лоскутков одеяло. Никого из взрослых в комнате не было, и мужчина, осмелев, поставил локти на прохладный жестяной слив и застыл в немом восторге.

Казалось, он готов был стоять так всю ночь, радостно глядя на чьего-то сына, спящего спокойно и безмятежно, на пухлые подушки, на печь с приоткрытым черным поддувалом, на небольшой домашний иконостас с темными, любовно протертыми маслицем, строгими старого письма ликами. Позади него что-то чуть слышно скрипнуло, похоже, дверь, но он, кажется, совершенно не придавал этому значения и все также заворочено разглядывал кусочек чужой жизни.

- И долго так стоять собираешься, болезный? Продрог, небось? - вдруг услышал он позади себя негромкий женский голос, вздрогнул от неожиданности и настороженно обернулся.

2.

На невысокой скамеечке, под черной рваной тенью раскидистого кустарника - должно быть, сирени - он вдруг заметил сидящую молодую женщину. У ее ног в траве, поблескивая жалом, лежал топор.

- Ну, так рассказывай, чего ты там в моем доме высматривал, филер противный, гороховое пальто? И что это за маскировка такая - бродить по городу совсем неглиже? Или у вас в охранке деньги закончились на содержание таких типов?

Он подошел к скамейке, присел и, всмотревшись в ее плохо различимое в ночи лицо, проговорил медленно, словно тщательно обдумывая каждое слово:

- Я хочу есть, и я очень грязный...

Женщина коротко хохотнула и постаралась отодвинуться от незнакомца как можно дальше, насколько позволяла длина скамейки:

- Покормить-то я, пожалуй, тебя покормлю, но вот насчет мытья... В колонке вот уже неделю как воды нет, говорят, где-то что-то пушкой повредило. Приходится на реку ходить,

там по берегу ключи бьют - вот оттуда воду и берем. Но уж больно далеко, оттого только для питья бережем. Ну да ладно, пошли, помою как ни то.

Она нагнулась, прихватила с земли топор и, не оглядываясь, пошла к дому. Мужчина спохватился и поспешил за ней, внимательно глядя под ноги – куски угля или кокса, затерявшиеся в траве, нещадно ранили его измученные ступни.

- И потише, Сережку разбудишь, сынишку моего, - предупредила она и, приоткрыв дверь, пропустила ночного гостя в дом. Задержав полупрозрачной занавеской кровать, она провела мужчину на кухню и, засветив керосиновую лампу, уже более серьезно оглядела чужака.

- Александра Петровна Решетникова, – представилась женщина и, усадив гостя на венский стул с витой спинкой, стала неторопливо выискивать что-то на полках и в ящичках шкафчика, укрепленного над приземистой русской печью. - А ты кто? – Решетникова наконец нашла то, что искала: граненый штоф темно-зеленого волнистого стекла, наполовину опорожненный.

- Не знаю... - признался мужчина и горько вздохнул. - Кто я, что я? Ничего не помню...

- Контузия, что ли?

- А я знаю?! – уже более раздраженно буркнул он и устало уставился на свои грязные оцарапанные ноги, рваные и грязные кальсоны. Александра (по виду ей было не более двадцати пяти лет, и она наверняка прекрасно пока еще обходилась без отчества) поставила посреди кухни большой медный таз, а рядом на табуретку – штоф и скатанную в бинт марлю, явно бывшую в стирке.

- Ну, вставай, орел, в таз, - приказала хозяйка, задерживая занавески на небольшом оконце. - Исподнее снимай и отбрось к печке. Не хватало еще вшей нам через тебя заиметь... Да не стесняйся, не сглажу.

Мужик покраснел, но перечить не стал, и грязные кальсоны отлетели прочь. Александра, нимало не смущаясь, подошла к обнаженному, старательно прикрывающему причинное место мужчине, и обильно промочив марлю самогоном, хоть и настоящим на каких-то травках, но все равно сильно отдающим сивухой, стала протирать голову, шею и тело незнакомца.

- Да ты не дергайся, мужик! - увещевала она его, когда тот, зажимая руками то задницу, то мошонку, пытался увернуться от ее умелых и сильных рук. - Не дергайся, говорю, и не стесняйся. Я, между прочим, два года в сестрах милосердия проходила. Сначала курсы, а уж потом и госпиталь в Перми. И не таких, как ты, красавцев отмывала... То гной, то кровь... Прости, Господи! - Она перекрестилась и, бросив в таз почти черный от грязи тампон, вышла ненадолго из кухни и вернулась со сложенными вдвое чистыми рубахой и кальсонами. - Одевайся, казачок... Да не брезгуй, это мужнины.

- А где он? - запрыгал на одной ноге раскрасневшийся после спирта незнакомец, неловко пытаясь натянуть тесноватые кальсоны.

- Погиб, должно быть, Мишенька мой. - Пожала плечами она и, присев за стол, устала на огонек керосиновой лампы. - Он у меня геолог был. Мы раньше в Перми жили, его по горному ведомству сюда в семнадцатом перевели. Прошлой весной ушел куда-то к Таганю, да так и не вернулся. Их пятеро было: два геолога да с ними еще три мужика, рабочие. Никто не вернулся. Может, медведь в тайге поломал, может, банда какая, а может быть, кто из его партии грех на душу принял. А что? Очень даже просто. Нашли случаем большое золото, вот кто-то и не удержался. Золото, оно людей запросто портит. Я этим летом по тем местам пробежалась - ничего не нашла. Даже копей свежих не видела. Да и то сказать: где искать-то, тайга - она тайга и есть...

Чистый, пропахший самогоном незнакомец присел за стол напротив девушки. На кухне повисла тишина, лишь потрескивал фитиль под прокопченным надтреснутым стеклом лампы да под потолком отливающая в зелень муха чистила лапки, иногда коротко взжигивая, должно быть, от удовольствия... Александра встряхнула головой с тяжелой толстой светлорусой косой, старательно уложенной в крендель.

- Ну, ладно, как тебя там. Ты есть-то не расхотел? Ставить чайник или нет?

Он помолчал, глядя на Александру странными для мужика ярко-голубыми детскими глазами, словно прислушиваясь к своему организму и, слегка пригнувшись над столом, прошептал:

- Вы знаете, Александра, я готов сгрызть собственную руку. И запить вашим жутким самогоном...

Он, а следом и Решетникова, рассмеялись, и хозяйка, все еще посмеиваясь, принесла из сеней ополовиненный пирог, прикрытый чистым полотенцем, даже в холодном виде вкусно пахнувший кисловатым деревенским тестом и отварной рыбой с жареным луком.

- Ух ты! - вскричал ночной гость и, разломив пирог надвое, тут же, позабыв о стоящей над ним женщине, принялся за него, откусывая и глотая, почти не прожевывая, большие куски неожиданного угощения.

- У меня в этот раз тесто не удалось... - начала было она оправдываться, но, заметив, с какой жадностью он расправляется с ее стряпней, замолчала, думая о чем-то своем, грустном.

3.

Уже неделя прошла как поселился незнакомец у вдовой Александры, а все что-то не то, все ж не дома. Иной раз забудется, с сынишкой ее в шашки да в карты, в «акулину» на щелбаны сыграет, но все больше у окна сидит. И то сказать, когда в памяти полная пустота, когда ты не знаешь, кто ты и откуда, радоваться особо нечему. Но сегодня что-то должно случиться. Это уж как пить дать. И настроение у него веселое да радостное, будто праздник какой в душе случился. А все оттого, что в дверь утром еще залетела пестрая, нарядная бабочка. Покружилась по комнате да напрямик к нему. Села на плечо, лапками своими перебирает, крылышками помахивает. Разве что не мурлычет по-кошачьи. Тут на кухню хозяйка заглянула. Молча пальчиком поманила – выходи, мол, во двор, поговорить нужно. Вышел он, а Александра уже на скамеечке своей сидит. Серьезная такая, важная даже. Присел и он. Помолчали, и тут она возьми да и выдай, хоть стой, хоть падай. Да и было, честно говоря, отчего.

- Слушай, парень, - начала она как обычно негромким своим голосом. - Я вот что решила. Будешь моим мужем, Михаилом Ивановичем Решетниковым. Ну, хотя бы до той поры, как память к тебе вернется. Ты не подумай, мне не для постели муж нужен. Совсем даже наоборот...

- А для чего? – Новоявленный Михаил Решетников улыбнулся, жалко и растерянно.

- Я ж тебе говорила в свое время, - продолжила Александра, глядя перед собой сосредоточенно и даже хмуро, - что мы сюда недавно переехали. Соседи Мишеньку моего, пожалуй, и не видели. А в горном ведомстве мне сказали, что все начальство поменялось. Никого из прежних-то и не осталось. А у тебя через всю спину несколько шрамов свежих, сабельных, скорее всего. Судя по всему, ты, парень, из военных будешь, а может, и из казаков. Но, видишь ли, Мишенька, - она невесело улыбнулась, - можно эти шрамы за медвежьи выдать. Очень даже запросто. От этого ты, дескать, и память потерял, что медведь

тебя в тайге поранил. Тебе все равно, под каким именем ходить, а мне за твое увечье и пенсию выхлопотать шанец имеется. Ну, как, здорово я придумала?

Он покачал головой, улыбнулся и спросил, так, скорее уже сдаваясь и соглашаясь с этой дурацкой ее затеей:

- А чем вы до меня жили? Я имею в виду, после пропажи настоящего Михаила.

- Чем жила? – она взглянула на него, щурясь от яркого полуденного солнца. - Золото мыла. Так, помаленьку, здесь же, на реке Миасс, в черте города. А как вода похолодеет, так за гроты сажусь.

- За гроты? - искренне поразился мужчина. – А это что еще такое?

Женщина вспорхнула со скамейки и метнулась в небольшой сарайчик, стоящий поодаль, рядом с уборной.

- Смотри, парень!- в голосе ее зазвучала нескрываемая гордость.

Честно говоря, было чем гордиться. На ее ладошке возвышалась небольшая горка из кусочков частично отполированных поделочных камней. В самом центре горки красовался небольшой грот - вогнутая друза мелких кристалликов светло-фиолетового цвета – аметистов. От гротика вверх, к снежно-белой сосулке натечного халцедона вели малюсенькие ступеньки темного отполированного малахита с проступами из розового родонита. Солнце играло на всех гранях этой занимательной безделушки, превращая ее в таинственный и прекрасный грот.

- Правда, здорово?- прошептала она, любясь своей работой. - У меня их раньше и в Перми, и в Екатеринбурге лучшие ювелирные магазины с руками отрывали. Даже от Пороховщикова. А теперь все, война, нету спроса, говорят... А жалко...

- Жалко, - согласился он, любясь не столько камнями, сколько ее маленькой, но сильной ладонью с розоватыми, коротко обкусанными ноготками.

- Хорошо, - поднялся он со скамьи и направился к дому, в тень. - Я буду вашим мужем. Как вы говорите, Михаил Иванович Решетников? Во-во, именно так: Михаил Иванович Решетников. - Он рассмеялся и, оборачиваясь к Александре, спросил, впрочем совсем не надеясь на согласие:

- А может быть, я на правах мужа иногда...

- Нет, не может быть! - прервала она его и вновь обратилась к своей поделке. - Да, кстати, Мишаня, – уже в сенях догнал его звонкий и веселый женский смех, - у нас принято жену на ты величать... А у вас?

- Если б я помнил... - заметил новоявленный хозяин дома и захлопнул двери.

Как ни странно, но суета и неразбериха, царившие в то время в челябинском филиале горного ведомства, послужили на пользу новоявленным супругам Решетниковым. Начальник отдела товарищ Хвостов, полноватый коротконогий мужик, судя по всему, бывший полковой писарь, байку про потерю памяти у геолога Михаила Решетникова, приключившуюся после неудачной встречи с медведем, принял на веру. И кроме небольшого, но ежемесячного денежного пособия «до полного выздоровления», выписал одноразовый мандат на предъявителя на центральный продовольственный склад. Видимо, бывший писарь товарищ Хвостов увлекался литературой, так как бумага эта составлена была довольно занятым образом: «Выдать геологу и рудознатцу Михаилу Ивановичу Решетникову, потерявшему здоровье в почетном деле розыска полезных ископаемых (золота и иных руд) для ради скорейшего обогащения молодой Советской республики, следующие продукты: 1. «Соль – 1 фунт. 2. Сахар - 1 фунт. 3. Мука-крупчатка – 5 пудов. 4. Рыба (селедка) – пятнадцать штук. Начальник отдела тов. Хвостов А. Я. 14 октября 1919 года от Рождества Христова. Гор. Челябинск».

Продукты, полученные со склада, они вместе с Александрой довели на нанятой за гривенник пролетке, нарочито долго разгружались, а после, рассчитавшись с извозчиком, еще более долго переносили в дом, еле сдерживая смех, исподволь наблюдая за соседями, подглядывающими за ними из-за занавесок соседних домов. Сережке по настоянию Михаила они приобрели довольно большую грифельную доску и несколько карандашей, громко гремевших в жестяной лаковой коробочке-пенале.

- Пора мальчишку грамоте обучать, большой уже, меня в карты обыгрывает... - сердито напоказ ворчал новоиспеченный супруг, протягивая Александре деньги перед бакалейной привокзальной лавкой. С сыном ее у Решетникова после покупки этой доски отношения быстро начали переходить в доверительные, почти родственные. И если иной раз мальчонка, увлекшись рисованием, называл этого мужчину папой, прося о помощи, сердце Александры сжималось в сомнении: она не знала, как себя вести при подобных оговорках – радоваться или огорчаться... Впрочем, Михаил вел себя довольно тактично: помогал ей по дому, в постель не набивался и ежедневно по несколько часов занимался с Сережкой письмом и арифметикой. Но чаще всего он, пока еще на дворе стояла сухая погода, сидел на их скамеечке и читал толстые мужнины книги по геологии, горному делу и химии, разложив на дощатом полу комнаты полустертые на сгибах карты, ползал над ними с большим бронзовым компасом, делал только ему понятные заметки. К стыду своему, молодая женщина, украдкой наблюдая, как Михаил с врожденной грацией двигается по дому, занимается чем-нибудь с ее сынишкой или читает учебники, полные диаграмм и формул, называла его про себя не иначе как «муж мой». Она втайне страшилась того часа, когда в его лобастой голове что-то щелкнет и память полностью вернется к столь дорогому теперь для нее мужчине.

Что-то подсознательное, интуитивное, чисто женское подсказывало Александре, что Михаил, вернее, тот, кого она называла Михаилом, в действительности окажется человеком из совсем иной жизни, иного сословия, воспитания и достатка. Вот и сегодня он, рисуя на грифельной доске для малого зверушек и птиц, нарисовал вдруг такую вздорную и наглую ворону, словно живьем прилетевшую на эту доску, что она чуть было не вскрикнула:

- Кыш! Кыш, проклятая...

Сережка радостно хлопал в ладошки, а Александре отчего-то хотелось упасть лицом в подушку и плакать, плакать, ожидая прикосновения доброй и мягкой мужской руки.

Сухая и не по-уральски теплая осень постепенно пошла на убыль, небеса затянуло плотной серой мешковиной туч, на город обрушился долгий, многодневный проливной холодный дождь. Дождливая погода, казалось, внесла еще большую сумятицу в обстановку, царившую в районе всего Каменного пояса. Газет издавалось мало, и лишь слухи, один другого невозможнее и безумнее, бродили по улочкам и переулкам Челябинска. Никто ничего не знал наверняка, никто толком не мог сказать, что происходит за городской чертой. Иногда на вокзальном перроне неведомо откуда появлялись взводы чехословацких пехотинцев в куцых рыжих шинелях, а уже через несколько часов вдоль железнодорожного полотна скакали казаки, да не просто казаки, а присягнувшие трехцветному знамени... Откуда? Куда? Зачем? Да кто тут разберет... Александра в последнее время несколько замкнулась, старалась больше обычного уделять внимания сыну. Михаил объяснял это своей несостоятельностью, считал себя обузой, незаметно старался есть как можно меньше. Пособие, выписанное ему начальником отдела Хвостовым, в действительности оказалось более чем скромным, к тому же сибирский рубль по сравнению с червонцами царской чеканки, которых у молодой семьи не было и в помине, с каждым днем проигрывал все

больше и больше. Белый хлеб в семействе Решетниковых из повседневного медленно, но верно переместился в разряд редкого лакомства.

Однажды в ноябре, ближе к вечеру, когда Михаил, в очередной раз отогнав лопатой от берега ноздреватую наледь, предшественницу ледостава, озябшими руками вновь взялся за лоток, его арестовал патруль и под конвоем провел через весь город в дом купца Ляхова, где совсем недавно обосновалась ЧК под началом Федора Семеновича Степного, двадцати семи лет от роду.

4.

В просторном кабинете с камином, богато украшенным экраном каслинского литья и темно-зеленой, в разводах, малахитовой каминной доской, над которой разместились большая, известная далеко за пределами Урала коллекция курительных трубок, собирать которую начал еще отец Ляхова, над колышущимися языками огня грел озябшие короткопалые руки держащий в страхе весь округ чекист Федор Семенович Степной.

- Ну, проходите, проходите, Михаил Иванович, присаживайтесь в кресло, поближе к огню. Погрейтесь. Замерзли, небось? - Вместо приветствия проговорил Степной, обернувшись навстречу вошедшим, не вынимая из тонких бледных губ потухшую папиросу с обмусоленным промокшим мундштуком. - Вы свободны, товарищи, - отпустил он солдат, доставивших геолога в ЧК, и вновь протянул руки к теплу. - Еще в германскую отморозил, и вот теперь чуть непогода - пальцы как клещами выламывает...

Он сел в кресло, стоящее напротив того, где уже расположился Решетников, и словно невзначай бросил, старательно раскуривая свою папиросу:

- А вы, Михаил Иванович, где служили?

Разомлевший было Михаил внутренне напрягся и точно так же небрежно ответил чекисту:

- Я, товарищ Степной, не служил. Горное ведомство, как известно, своих специалистов на воинскую службу не посылало, республике нужны уголь, нефть, металлы, золото.

- И что? - Федор Семенович встрепенулся и даже нервно запахнул скрипнувшую новеньким шевро черную тужурку. - Много золота у нас на Урале?

- Много, товарищ Степной, - кивнул Михаил, мысленно перелистывая страницы недавно проштудированных книг пропавшего без вести мужа Александры. - В районе озер Кисегач, Чебаркуль и Тургоряк - богатые верховые залежи наносного золота. Там без драг не обойтись. В урочищах Вишневых гор, вблизи населенного пункта Пласт, встречаются крупные самородные образования. Там нередки самородки весом в фунт и более, а катыши в два-три лота вообще дело обыкновенное.

- А откуда вам это известно, товарищ Решетников? - вскинулся недоверчиво председатель ЧК. - Мне говорили, что вы полностью потеряли память.

- Это так, - улыбнулся Михаил, внимательно рассматривая своего собеседника. - Я не помню ничего из своей прошлой жизни: кто я, как меня зовут и чем я раньше занимался, но моя супруга, Александра Петровна Решетникова, многое рассказала мне обо мне, простите за каламбур, и я, естественно, вновь засел за учебники. Скоро весна, открывается новый полевой сезон, и я должен вновь овладеть теми навыками и знаниями, которые имел прежде. Семью кормить я обязан, несмотря на потерю памяти. Я мужчина.

- Похвально, похвально, - пробурчал Степной с определенным скепсисом в голосе, вскакивая и торопливо подходя к двери. - Пригласите ко мне Граббе, - крикнул он кому-то в коридоре и вновь направился к своему креслу. В кабинет неслышно вошел пожилой

розовощекий упитанный человечек маленького роста в белоснежном накрахмаленном халате.

- Людвиг Карлович, - чекист обратился к врачу, продолжая в упор разглядывать геолога, - будьте добры, осмотрите нашего гостя и скажите, в действительности ли шрамы на спине товарища Решетникова оставил медведь и могли ли они послужить причиной потери памяти? Будьте любезны, Михаил Иванович, разденьтесь, наш доктор вас осмотрит. Да не стесняйтесь, среди нас женщин нет.

Михаил хмыкнул и, повесив на спинку кресла свою куртку, перешитую из мадьярской шинели, подошел к немцу. Тот долгим и внимательным взглядом всмотрелся в лицо Решетникова, вздохнул и попросил Михаила повернуться.

- Ну что сказать, Федор Семенович? - Врач дохнул на запотевшие линзы очков, протер их краешком полы халата и вновь водрузил их на вздернутый нос в прожилках. - Шрамы на спине нашего пациента длиной более пяти вершков в последней стадии заживления. Они вполне могли быть оставлены когтями крупного хищника, скорее медведя, чем, например, рыси... Что до амнезии, частичной или полной потери памяти, то человеческая психика настолько хрупка и ранима, что сбои в ней могут произойти и от менее серьезного стресса, чем встреча с диким зверем. Остается надеяться, что домашняя обстановка, полноценное питание и определенные физические нагрузки послужат быстрейшему выздоровлению госпо..., простите, товарища...

Врач вновь протер линзы и, подслеповато щурясь, спросил чекиста:

- Вам, товарищ Степной, мое заключение в письменном виде подавать или нет особой необходимости?

- Подайте, Людвиг Карлович, подайте, - бесцветным голосом проговорил тот и вытянул новую папиросу из самодельного портсигара. - Товарищ Решетников, - Степной угостил Михаила куревом и, дождавшись, когда за врачом захлопнется дверь, продолжил:

- А не желаете ли, Михаил Иванович, послужить нашей молодой республике в качестве работника Чрезвычайной комиссии? Пока рядовым сотрудником, а потом и начальником отдела. Нам нужны, нам очень нужны молодые и грамотные кадры. Вы подумайте, не сейчас, так через месяц медицинская комиссия признает вас годным к строевой, и пойдет рядовой красноармеец Михаил Иванович Решетников топтать пыль фронтовых дорог. А война, она война и есть. И кто знает, вдруг супруга ваша, Александра... м-м-м... Петровна, вновь овдовеет, но уже бесповоротно? Что скажете?

«Геолог» не торопясь докурил папиросу, так же неспешно загасил окурок в большой мраморной пепельнице и только потом, весело глянув на начальника Челябинского ЧК, выдохнул дымом:

- А что, давайте попробуем... - И показалось ему на миг, что в оранжевых завихрениях на горящих в камине поленьях, среди искр и всполохов, пляшет и вертится конь рыжий, великолепный в своей стати, с развевающейся огненными языками длинной гривой и опаленным хвостом.

5.

Служба в ЧК оплачивалась много больше, чем пенсия по здоровью в горном ведомстве. И хотя к настоящей оперативной деятельности Михаил пока еще допущен не был и занимался только бумажной работой (восстанавливал и систематизировал архивы царской охранки, доставшейся чекистам «по наследству»), но, словно по мановению волшебной палочки, в доме появился определенный достаток. Помимо пачек хрустко-упругих облигаций, не без самодовольства вынимаемых Решетниковым из кармана новенького офицерского

галифе, в семье нет-нет, да и случались сюрпризы. Сюрпризы не без приятности и для самого молодого чекиста: то хмурый, молчаливый сотрудник привезет и свалит перед калиткой воз крупно напиленных березовых чурок, а то вестовой доставит мешок крупчатки, несколько фунтов мороженой конины или ведро толстоспинной упругой сельди.

Часами беседовал со своим новым сотрудником Решетниковым лично Федор Семенович Степной, с каждым часом все более и более убеждаясь, что для революции именно такие, лишенные памяти, а значит, и убеждений, люди просто находка. Михаил, хотя и посмеивался про себя иной раз, слушая пространные разглагольствования малообразованного Степного, тем не менее впитывал все утверждения и доводы своего начальства словно чернила промокашка, ни на миг не усомнившись в их правильности и несомненной объективности. К тому же что Федор Семенович постоянно подсовывал Решетникову ту или иную книжку с торчащими среди страниц спичками вместо закладок на самых важных (по мнению руководства ВКП (б) и, естественно, самого Степного) моментах. Александра, ясно сознавая, что во всей этой круговерти, случившейся с ее новым мужем, есть и ее вина, к решению Михаила стать чекистом отнеслась довольно спокойно, тем более что и сынишка ее, Сережка, искренне привязался к Решетникову. Впрочем, был еще один немаловажный фактор, заставляющий умудренную жизнью женщину не спорить с мужем. Вот уже с месяц как она уверилась, что в ней зарождается и растет новая жизнь. Александра понесла. Однако, несмотря на то что обстановка в городе все еще оставалась непонятной, а со снабжением положение становилось с каждым днем все хуже и хуже, она ни на миг не жалела о случившемся. Рождения общего ее с Михаилом ребенка женщина ожидала с радостным нетерпением. Александра ясно осознавала, что мужчина этот с неизвестным для нее прошлым не просто случай, заурядное событие, происшедшее на фоне братоубийственной войны, а божье провидение, подарок всевышнего ей, недостойной, впавшей в глубокое уныние с момента пропажи ее настоящего мужа. До сих пор она с улыбкой вспоминала их первую по-настоящему супружескую ночь.

Михаил, как обычно, спал на кухне, на мохнатом тулупе, брошенном на дощатый пол. Спал беспокойно, разметавшись, постанывая и посмеиваясь. Вдруг он совершенно отчетливо произнес что-то на незнакомом для Александры языке, вновь рассмеялся и перевернулся на живот.

- Oui vous la coquette, la cousine... Regardez, le papa apprend³... - сказал он уже более глухо и засопел, уткнувшись носом в овечий воротник тулупа.

- Oui vous la... - повторила она в ужасе и как была в тонкой льняной застиранной рубашке опустила на пол. Полная луна заливала холодным серебристым светом кухню, и Александра вновь увидела страшный шрам на спине спящего.

- Да кто же ты, Господи? – ее прохладные пальцы скользнули по узловатой, бугристой коже шрама. Михаил проснулся, мгновение внимательно смотрел на залитую лунным светом фигурку женщины, а через мгновение его руки уже настойчиво, хотя и негрубо блуждали по ее изголодавшемуся по мужской ласке телу, срывая призрачную льняную преграду... На следующий день Александра вынесла тулупы в сени, а на ее постели, появилась вторая подушка.

³ Да вы кокетка, кузина... Глядите, папа узнает...

6.

- Откройте, ЧК, - привычно говорил Решетников и отступал в сторону. В распахнутую дверь врывались его коллеги в шинелях и бушлатах, а он, с головы до ног в новенькой, вызывающе скрипящей коже, заходил в квартиру обычно последним, выбирал для себя место, откуда бы он мог наблюдать за всеми, как своими, так и подследственными, молча садился и за все время обыска не произносил ни слова. Как ни странно, но именно его молчаливая фигура производила самое угнетающее впечатление на растерянных и испуганных внезапным вторжением людей. Михаил сидел и, казалось, безучастно наблюдал за всем происходящим, вспоминая разглагольствования своего наставника, председателя ЧК Федора Семеновича Степного.

- Вы знаете, товарищ Решетников, отчего такой богатый город, как Челябинск, который с легкостью мог бы полностью экипировать более пяти тысяч казаков, сдался нам практически без боя? Нет? Да все очень просто. Белогвардейцы, зная, что город держат в основном выходцы из купцов-староверов, распускали про нас, большевиков, страшные слухи... Мол, они, христопродавцы, с детей шкуры спускают, жен в общее пользование отдают, ну и прочую ерунду. А мы, прежде чем начать войсковые операции, пустили агитационные телеги, на которых совершенно бесплатно раздавались как лубочные картинки, так и наши газеты и прокламации, и что самое интересное, телегами этими управляли обычно женщины, да такие, у которых румянец в пол-лица. Представьте себе, горожане ожидали увидеть под красными знаменами зверье в человеческом обличье, а тут бабы, веселые радостные... Люди в большинстве своем доверчивы и наивны. Запомните это, Михаил Иванович, основательно уясните. Чем откровеннее вы будете разговаривать с людьми, даже если слова ваши сплошное вранье, тем скорее и вернее собеседник вам поверит. Разговаривайте с врагом, веря в то, что вы ему говорите, - и он ваш. Главное - вера и убежденность.

Первыми в списках на обыск с последующим арестом значились ювелиры, владельцы небольших чаеразвесочных фабрик, купцы всех гильдий и известные врачи, обладавшие широкой зажиточной клиентурой. Обычно после обыска их сажали на несколько дней под замок на хлеб и воду, после чего выпускали и через пару-тройку недель вновь к ним наведывались. И так несколько раз, а уж после, полностью опустошенных, вместе с семьями грузили в вагоны и увозили прочь. Их дальнейшая судьба, честно говоря, Решетникова не интересовала. Следующими интерес ЧК вызывали актеры местного театра, художники и священнослужители. Но недолго смог начальник отдела Михаил Иванович Решетников оставаться сторонним наблюдателем. Атмосфера вседозволенности и безнаказанности заражала, словно испанка, и уже довольно скоро он наравне со своими подчиненными переворачивал шкафы, распарывал перины и подушки, походя давал в зубы особо несговорчивым «клиентам». И Михаилу это нравилось. Однажды, когда шерстили бывшего владельца швейной мануфактуры Лялина, Решетников в детской комнате сына промышленника заметил возле окна мольберт, в лапках которого стоял каркас с натянутым загрунтованным холстом. Михаил с любопытством подошел к мольберту и коснулся пальцами туго натянутого холста. Ему на миг показалось, что чуть слышное шуршание ногтя по упругой грунтованной ткани для него не внове, но крики из зала, где его сотрудники избивали упрямого богатырски сложенного Лялина, отвлекли Решетникова. Он поморщился, но тем не менее приказал вбежавшему слегка кривоногому красноармейцу, потирающему окровавленный, со ссадинами от зубов промышленника кулак, прихватить мольберт, краски, заготовленные холсты и картон с собой.

- Занесешь ко мне домой, на Привокзальную... - распорядился Михаил и, не оборачиваясь, направился к выходу.

А в городе уже основательно и прочно обосновалась весна...

Заросли сирени возле католического собора с наглухо забитыми дверями изошли на неправдоподобно пахучую кипень, высокие черемухи уже собирались распустить свои гроздья, грозя обязательным похолоданием. В свободные вечера Решетников с Сережкой ходили на берег реки Миасс, на этюды. Михаил терпеливо - и откуда все взялось? - разъяснял парнишке, как надо смешивать краски, как делать набросок, как класть мазки на загрунтованный картон. Рисовал и сам. Однажды под вечер он вбил в стену гвоздь и повесил уже обрамленную в строгую черную раму довольно большую, еще пахнущую красками и лаком картину, подошел к Александре и, ласково приобняв женщину за большой, округлый живот, попросил:

- Ну-ка, Сашенька, взгляни, что получилось.

Тяжело ступая, женщина подошла к картине и с удивлением и возрастающим восторгом принялась рассматривать работу своего мужа. Кусок полуразрушенной каменной кладки, утопающей на заднем плане в зарослях крапивы и конопли, легкие мостки, уходящие разбухшими досками под прозрачную воду, а на противоположном берегу, на возвышении, небольшая беленая церквушка с покосившимся куполом-луковкой. И такой тишиной, замешенной на великой вселенской тоске, веяло от этой картины, что Александра даже попятилась слегка и шепотом спросила мужа:

- Мишенька, да неужели это ты сам нарисовал?

- Сам! – гордо проговорил Решетников, присаживаясь на стул и закуривая. - Ты знаешь, Сашенька, я, как только это место увидел, это за бывшим Дворянским собранием, заброшенный спуск к реке, так просто влюбился, да что там влюбился, заболел, можно сказать, этим уголком города... Такое ощущение даже появлялось, что я здесь уже бывал, и не раз. Глупо, наверное, но вот, тем не менее, так... - Он помолчал, загасил папиросу и уже самым обыденным голосом спросил ее:

- Ну, ладно, мать, а ты нас с Сережкой ужином-то кормить собираешься или как?

Александра еще раз окинула картину взглядом, отчего-то полным тоски, и поспешно начала собирать на стол.

А на следующий день Решетникова вызвал к себе председатель челябинской Чрезвычайной комиссии Федор Семенович Степной. Михаил постучал в дверь и, услышав разрешение, вошел. Перед Степным на темно-зеленом сукне стола лежал, поблескивая смазкой и воронением, револьвер.

- Проходите, Михаил Иванович, присаживайтесь.

Простое мужицкое лицо председателя ЧК казалось непроницаемым. Решетников на внезапно отяжелевших ногах подошел к столу и сел напротив Степного. Обычно совершенно пустой стол, стоящий между ними, сегодня, с лежащим на нем пистолетом, показался Михаилу унылым и страшным, словно пустое, безжизненное поле, на котором когда-то очутился неведомым для себя образом.

- Скажите, товарищ Решетников, как вы относитесь к оружию, в данном случае к огнестрельному?

Михаил неопределенно хмыкнул и, пожав плечами, проговорил бесцветным голосом:

- Да как вам сказать, товарищ председатель Чрезвычайной комиссии? Ровно. Как пацаненок от восторга не прыгаю, но и особо не тяготясь... А что случилось?

- Так отчего же мне уже в который раз сигнализируют, что, мол, начальник отдела Михаил Иванович Решетников на задание ходит с пустой кобурой? Как это понимать, милейший? Вы что ж думали, мы здесь в бирюльки играем? Ан нет, совсем даже наоборот... Мы защищаем революцию. Да, да, именно так. Революция должна уметь себя защищать, и

время уговоров прошло. Я подозреваю, что вы просто не умеете обращаться с оружием, но это нестрашно. Это поправимо. С завтрашнего дня вы и еще несколько человек из новых сотрудников поступаете под начало нашего военного инструктора, Паустова Сергея Сергеевича. Он из казаков, унтер-офицер, и на нашу сторону перешел совершенно сознательно. Он вас обучит стрелять, обращаться с саблей, шашкой и штыком. Думаю, недели вам хватит. И еще, возьмите ваш револьвер. Он при стрельбе несколько забирает вверх, но, мне кажется, вы приналовитесь.

Решетников шел домой и думал: какая же сука из его подчиненных стучит на него? Полигон находился в Никольской роще на большой округлой поляне, огражденной колючей проволокой. На время стрельб Михаил был освобожден от основной оперативной работы и проводил со своей Александрой больше времени, чем обычно. Сережка, по-мальчишески недоверчиво поглядывая на округлившийся живот матери, сблизился с Михаилом еще больше, часами просиживал с ним за грифельной доской, терпеливо заучивал «азы и буки». Александра смотрела на сына, с нетерпением ожидающего возвращения с полигона «тятеньки», и не знала, что ей делать: радоваться или ревновать... А Решетников, отстрелявшись, возвращался домой, по пути между делом забежал в магазин Ахунова на Азиатской улице и покупал для Сережки то большого сахарного петушка на длинной палочке, то до одури пахучие полоски вяленой дыни в шуршащей пергаментной бумаге. Не забывал он и Сашеньку. Кто-то ему сказал, что беременным полезно сладкое красное вино, и с тех пор кагор в их доме не переводился. Хотя справедливости ради нужно сказать, что к вину Александра тяги не имела и если и выпивала иной раз маленький стаканчик, так только для того, чтобы Мишенька не расстраивался. И хотя от Уфимской улицы, упирающейся в Соборную площадь, до дома было не более четверти часа неторопливого ходу, будущий отец предпочитал проехаться на конке «Бельгийского анонимного общества», тряском и необычайно популярном в городе транспорте. Конка в Челябинске была двухэтажной, с открытым верхом, с огромным количеством рекламных щитов и революционных лозунгов. Особенно умиляла Решетникова надпись, украшающая экипаж: «Пять коп. и не тря!» Хотя тряски, особенно на стыках рельсов, было предостаточно. Ну, а ко всему прочему мандат ЧК позволял пользоваться конкой совершенно бесплатно. Неделя пролетела незаметно, и в августе Михаил вновь вернулся в свой кабинет в доме купца Ляхова уже обученным стрелком.

7.

В церкви по случаю буднего дня прихожан было мало, да и те, заметив вошедших людей в черной коже при оружии, поспешили ретироваться. Очень высокий, много выше Решетникова, и худой какой-то нездоровой, чахоточной худобой пожилой протоиерей подошел к чекистам.

- Негоже, братья, в святой храм с оружием приходить... Грех это...

- Да что вы, святой отец, раскудахтались, право слово. Грех, грех... Кто у вас тут главный? Пригласите его сюда побыстрее. Скажите ему, что его хочет видеть начальник отдела городской ЧК товарищ Решетников...

- Если вы, товарищ Решетников, имеете в виду настоятеля храма, то он перед вами. Если вам желательно кого-либо постарше, то они все вокруг вас. Кто вас больше интересует, Бог и его окружение или его недостойный служитель?

- Слушай, ты, церковная крыса! Прекрати здесь балаган устраивать, тут тебе не шапито, да и сотрудники мои никудышные зрители. И если к вам в храм пришли работники ЧК, замечьте, сами пришли, значит, вопрос и в самом деле довольно серьезный.

Он обернулся к своим сослуживцам, сбившимся в кучку возле Царских ворот, и приказал:

- Погуляйте пока, товарищи, нам с батюшкой поговорить надобно. Кстати, отец святой, как мне к вам обращаться, я что-то от вас ни имени, ни фамилии не услышал?

- Обращаются ко мне чаще всего запросто - отец Даниил, но можно и по фамилии, тогда уж лучше так: протоиерей Даниил Яблонский. А впрочем, как вам заблагорассудится.

- Ишь ты, Яблонский... - хмыкнул Михаил пренебрежительно. - Из дворян, небось?

- Из них, из них, - согласился старик, оправляя цепь наперсного креста.

- Так вот, гражданин Яблонский. Учитывая, что храм ваш крупнейший из православных и к тому же расположен в самом центре города, мы можем предположить, что его по большим церковным праздникам да и просто по воскресеньям посещает самый разнообразный люд. Это так?

Протоиерей согласно кивнул седой головой:

- Да, храм наш посещаем, слава Богу. Не забывают о вере прихожане. Спасибо им за это.

- Вот и славно, гражданин священнослужитель. Я так и думал. Тогда мы с вами поступим следующим образом: вы через молодого человека, нашего сотрудника, который будет постоянно находиться при церкви в качестве, ну, например, дьякона, алтарного или регента, раз в неделю будете сообщать нам наиболее интересные и важные факты, слухи, предположения, одним словом, все то, что можно услышать во время исповеди. Идет?

- Нет, не идет, - рассмеялся отец Даниил и сверху вниз посмотрел на чекиста. - Тайна исповеди неразглашаема, это не обсуждается. К тому же и регент, и диакон, и алтарный в храме уже есть. И если это все, молодой человек, что вы имели мне предложить, я вынужден откланяться. Мне еще к заутрене готовиться. - Священник повернулся и даже приоткрыл небольшую дверцу, ведущую в алтарь.

- Стоять, вражина! - громким шепотом приказал Решетников, расстегивая кобуру. - Я тебя еще не отпускал.

Протоиерей отец Даниил вновь рассмеялся, еще более громко и, как посчитал Михаил, дерзко.

- Да вы что, юноша, всерьез предполагали меня своей пукалкой склонить к подобному греху? Господи, до чего же вы наивны. Да за подобное предложение я вам - до семинарии, естественно - просто по щекам надавал бы. Мальчишка! Пугать решил! Он перекрестился и пригнулся, чтобы войти в низенькую дверцу.

- А ну, б..., стоять! - в бешенстве закричал Решетников и выстрелил три раза подряд в большую изогнутую от времени икону, висевшую над алтарной дверцей. На склоненную фигуру священника неправдоподобно медленно посыпались обломки расколотой иконы и штукатурка. На звуки выстрела чекисты, дожидавшиеся на улице, вбежали в храм и столпились возле своего начальника. А тот, уже не сдерживая мата, приказал, размахивая револьвером:

- И эту старую суку, протоиерея, и всех, кто сейчас в церкви, в машину. Всех в подвал. Там с ними уже по-другому поговорим. - Теперь уже рассмеялся он и, закашлявшись, сплюнул на обломок иконы, упавший к его ногам.

Георгий Победоносец, восседая на огненной лошади, воздев копьё, пронзал свернувшегося спиралью чешуйчатого гада.

- Молодец, Михаил Иванович, хорошо провел арест, - похвалил его Степной, впервые обращаясь к Решетникову на «ты». - То, что протоиерей не согласился нам помогать, не беда. Этого следовало ожидать. Голубая кровь, дворянин... Ну, да и пес с ним. Для молодой России сейчас богатства, хранимые в храмах и монастырях, дорогого стоят. Голод приближается, а

только в этой церкви одного серебра навскидку более сорока пудов наберется. Представляете, сколько хлеба можно на эти деньги купить, сколько голодных накормить? Он опять перешел на «вы», впрочем, не акцентируя этого. - Допросами, я думаю, займутся другие, а вам, Михаил Иванович, предстоит небольшая служебная командировочка.

- Далеко? – удивился Решетников. - Я-то, конечно, не против, но у меня, знаете ли, жена может родить в любое время, как бы не прозевать...

- Не прозевайте, товарищ Решетников, - улыбнулся, обнажив темные, прокуренные зубы Степной. Он с удовольствием отметил, насколько быстро из молодого интеллигентного геолога этот человек превратился в холодного, циничного, опытного чекиста, легко поставившего на одну доску скорые роды жены и служебную необходимость. - Поездка займет едва ли больше двух недель.

Председатель ЧК приоткрыл ящик стола и бросил перед Михаилом пухлый конверт из плотной темной бумаги, запечатанный темно-коричневым сургучом.

- Вот вам пакет. В нем все, что нужно: фотографии, имена, адреса, паспорт. Несколько французских фраз, написанных русскими буквами... Два дня на изучение, и в субботу пожалуйста ко мне на последний инструктаж. Степной простился с Михаилом за руку, и Решетников, все так же недоумевая, отправился домой.

8.

Михаил плотно поужинал в привокзальном буфете, выпил пару стопок водки, к которой приохотился, служа в Челябинской ЧК, и с уверенным видом вышел на привокзальную площадь. Париж с его раскидистыми каштанами и акациями, небольшими летними кафе, с пестрыми зонтами над крошечными столиками и узкими мощенными брусчаткой улицами неожиданно не приглянулся Решетникову. Родной уральский город с краснокирпичными купеческими домами под зелеными крышами, просторными полупустыми базарными площадями и вечнозеленой тайгой, подступающей к самым городским окраинам, казался чекисту много привычней и милей. Не удержавшись от соблазна, он от вокзальной площади до нужного ему места надумал проехаться на автомобиле, но уже через несколько минут горько пожалел о своем решении. Такси постоянно дергалось, что-то в его железных шестернях все время заклинивало, приторно воняло спиртом...

В полутемном подъезде дома, где проживал Львов, Михаил забился в угол за полукруглую массивную пилястру и, присев на расстеленную газету, решил дожидаться ночи. Сон как назло не шел, и Решетников вновь и вновь прокручивал в голове последний свой разговор с председателем Челябинской ЧК.

- Запомните, товарищ Решетников, - напутствовал его перед отъездом лично Федор Семенович Степной. - Господин Львов - это не просто бывший глава Временного правительства. И не просто бывший крупный помещик и даже как будто приятель Льва Николаевича Толстого. Нет. Это идейный враг, хитрый и подлый, пытающийся даже оттуда, из-за кордона, руководить Белым движением в России. Мы, чекисты, не палачи и не мстители. И если даже бывший дворянин или там, положим, офицер, придет к нам, искренне раскаявшись, отречется от своего подлого и гнусного прошлого, а тем паче предложит нам свои умения и знания, то мы их, как правило, не трогаем. Примером может служить наш инструктор. Если у вас не получится доставить гражданина Львова Георгия Евгеньевича живым в Россию, особо не переживайте: решением Реввоенсовета данный гражданин уже давно заочно приговорен к высшей мере. Вы все поняли, Михаил Иванович? Если да, то ступайте, получайте согласно мандату деньги и билеты. Валюту особо не жалеете, но и разбрасываться ею тоже не следует. В Советской России трудные, голодные времена. Тем

более вам по приезду придется отчитаться за каждый потраченный франк. И еще: в отелях лучше не светиться. Нам известно, что Львов живет сейчас один, охраны нет, консьерж в противоположном крыле дома, так что дело сделали, отдохнули денек где-нибудь в Булонском лесу - и домой. - Федор Семенович коротко хохотнул и, пожав Решетникову руку, отпустил его.

Где-то за спящими каштанами большие часы на городской ратуше пробили полночь, и Михаил поднялся, направился к лифту. Он не без волнения, чутко прислушиваясь к подъездному полумраку, осматривал дверной замок.

В это самое время за несколько тысяч километров отсюда, в ярко освещенном кабинете председателя Челябинской ЧК Степной широко раскрытой ладонью хлестал по полным трясущимся щекам инструктора по стрельбе Паустова:

- Ты что же, сучье племя, так долго молчал? Отчего не сообщил о своих подозрениях в первый же день? Чего дожидался, гад? Чего? Чего?! На кого не надо стучишь, гаденыш, а на явного врага - нет! За жизнь свою опасался, сука трусливая?

Каждый вопрос рассвирепевшего Степного сопровождался громкой увесистой пощечиной. Инструктор широко раскрывал по-рыбы пухлые губы, носом громко всасывал в себя кровавые сопли, но трясущиеся руки, брошенные «по швам», так и не посмел оторвать от дрожащих, по-бабы полных ляжек.

- Товарищ председатель Челябинской Чрезвычайной комиссии, - причитал он, преданно заглядывая в глаза Степного, - да я же видел его всего один раз, да и то ночью, когда они к штабному вагону вдоль насыпи шли. Вот и сумлевался. Да мы, если честно, все больше на его превосходительство генерал-майора Акутина Владимира Ивановича смотрели, а не на его адъютанта... Не каждый день мимо тебя живые генералы ходят...

- Генералы... - передразнил избитого инструктора Федор Семенович и, оттолкнув его от себя, привалился к столу. - Скажи, Паустов, отчего ты решил, что Решетников и тот офицер одно и то же лицо?

Инструктор наконец-то решился вытереть окровавленное лицо рукавом гимнастерки и, уже слегка успокоившись, ответил:

- Понимаете, Федор Семенович, уж больно курсант Решетников умело с револьвером обращается. Я бы даже сказал, с шиком обращается. Разве что через курок его не вертел тогда, на стрельбах. Да и по результатам видно, что стрелок отменный: с любого положения хуже девятки не выбивал. Из трехлинейки так себе, как все, а вот с наганом явно знаком...

Чекист закурил и, выпустив дым носом, как обычно ровным голосом поинтересовался:

- Ну, а все-таки, Сергей Сергеевич, отчего вы так поздно просигналили о ваших подозрениях?

Паустов потоптался, глядя в пол, и шмыгнув носом, выдавил... - Опасался я, товарищ председатель, что обознался... Видел, что Решетников с вами как бы в приятелях ходил, вот и опасался...

- Да не опасались вы, Паустов, а от страха ..., - отмахнулся Степной, и, отпустив инструктора, крутанул ручку телефона:

- Алло, барышня, соедините меня с двадцать четвертым... Да, да... Алло, это Шигобуддинов? Это Степной на проводе. Слушай, Шигобуддинов, возьми человечка и дуй на Привокзальную, в квартиру нашего сотрудника Решетникова... Знаю, что его нет... Так вот, прихвати его сучку, баба у него на сносях, и сюда... Да, да именно сейчас, и пацаненка, сына ее, не забудь... Давай, дуй! Да на хрена она мне здесь нужна? В подвал!.. Конечно, по разным.

Федор Семенович подошел к черному окну и удивленно протянул:

- Вот, значит, кто вы такой, господин-товарищ Решетников!? Личный адъютант его превосходительства генерал-майора Акутина Владимира Ивановича, штабс-ротмистр Колчанов Владимир Петрович... Ну-ну, ваше благородие, шутник, мать твою... Ты только возвращайся поскорей, мальчоночка, а уж мы с тобой по-другому пошутим... Ох, по-другому...

Отмычки, сработанные в Чебаркуле мастером воровского инструмента под непосредственным надзором местной ЧК, не подвели, и Михаил, даже не имея опыта в подобных делах, с дверным замком справился довольно быстро. В спальне никого не было: хороший слух молодого человека с легкостью бы уловил дыхание спящего. Тесная кухня, завешанная сковородками и связками шуршащего лука, тоже оказалась пуста.

- Ушел, сука! - мысленно ругнулся Решетников и, стараясь наступать на носки мягких полуоткрытых туфель, подошел к окну. Неожиданно в глубине кабинета на дубовом письменном столе вспыхнула лампа, и растерявшийся Михаил увидел сидящего в жестком кресле Георгия Евгеньевича Львова собственной персоной. Тот, словно наслаждаясь замешательством Решетникова, неспешно выбрал длинную папиросу из серебряной папиросницы, прикурил и, выпустив облако плотного терпкого дыма, ухмыльнулся в густые, все еще черные усы.

- Не ожидали, молодой человек, застать меня в кабинете в такой поздний час? Сочувствую... Но прошу простить, бессонница. Ничего не помогает, да и годы уже, наверное, дают о себе знать. - Он близоруко сощурился, разглядывая ночного непрошеного гостя, и наконец, устало махнув рукой, предложил:

- Да вы присаживайтесь, пожалуйста. Что уж тут стоять? Меня пристрелить вы всегда успеете... - Львов глухо рассмеялся и, поперхнувшись дымом, надолго закашлялся. Решетников присел на предложенный стул, стоящий в углу кабинета, куда не падал свет лампы, и словно ненароком опустил руку в карман своего легкого пальто, где носил оружие. Бывший глава Временного правительства, заметив это, вновь рассмеялся:

- Да бросьте вы свой, что у вас там, - пистолет, нож, кастет? - к чертям собачьим. Бросьте. Лифт в нашем доме отвратительно громко дребезжит во время движения, да и замки в дверях давно уже не смазывались, так что о вашем приближении я уже довольно давно предупрежден, и если бы я, мон шер, имел желание вооружиться, поверьте старику, у меня было для этого время.

Решетников подавленно молчал: убить человека, сидевшего за столом, вот так, запросто, он, пожалуй, не смог бы. Молчал и Львов, негромко постукивая подушечками сухих старческих пальцев по полированной поверхности стола. Тягучая тишина, повисшая в кабинете, лишь слабо разжигалась мерным тиканьем больших напольных часов, стоящих по правую руку хозяина кабинета.

- Вот так, значит, - заговорил наконец Львов. - И по мою душу ЧК пришло. - Михаил нетерпеливо завожился на своем стуле, но Георгий Евгеньевич движением руки успокоил его. - То, что я приговорен в России нынешней властью, для меня отнюдь не неожиданность, но то, что исполнителем приговора, палачом моим, будет личный адъютант его превосходительства генерал-майора Акутина Владимира Ивановича - вот это уже нонсенс.

Решетников вскочил было, но Георгий Евгеньевич, все также невозмутимым бесцветным голосом продолжил:

- Да-да, господин Колчанов, Владимир свет Петрович, к чему лукавить? Я вас узнал сразу же, как только вы появились в моем кабинете. Еще бы: блистательный дворянин, штабс-ротмистр, превосходный рисовальщик с европейским именем и образованием... А каков кавалер! Все девицы на выданье после бала, данного генерал-губернатором Екатеринбурга в

Дворянском собрании по случаю дня ангела своей младшей дочери, по вас с ума сходили. А вы тогда все фронтом бредили, переживали, что всю кампанию при штабе проведете... Уж лучше бы в штабе... Какова карьера, прости, Господи...

Львов снова закурил, печально разглядывая растерявшегося Михаила.

- Вы... вы ошибаетесь... - хрипло заговорил наконец Решетников. В его голове все спуталось, казалось, окончательно: адъютант, дворянин, художник, бал в Дворянском собрании, дочка генерал-губернатора... Бред...

- К неведомому мне Колчанову я не имею никакого отношения. Вы явно ошиблись. Хотя это, по большому счету, и неважно...

Львов громко рассмеялся. При этом усы его, густые и черные, хищно зашевелились, словно жили отдельной от остального лица жизнью.

- Я ошибаюсь? Ну, положим... Тогда, может быть, вы, когда убьете меня, соизволите прогуляться на улицу Друо, что на Больших Бульварах, где на аукцион выставлены несколько ваших работ? Вдовствующая княгиня Белосельская-Белозерская от нужды кое-что из имущества своего распродает. Золото давно уже с молотка ушло, теперь вот картины, в том числе и ваши, вы уж простите ее, господин Колчанов. Там же, кстати, и автопортрет ваш лицезреть сможете, если его, конечно, уже не продали...

Низвергнутый министр раздавил окурок в пепельнице и, застегнув верхнюю пуговицу белой сорочки, пожевал крепкими зубами нижнюю слегка отвисшую губу, привстал и попросил чекиста:

- Вы, молодой человек, пожалуйста, предупредите меня перед выстрелом. Я, знаете ли, человек штатский. Я глаза закрою, мне, пожалуй, эта моя маленькая слабость простительна... Как вы думаете, Владимир Петрович, простительна?

Решетников, побелев лицом, подбежал было к нему, трясущими пальцами выцарапал револьвер из кармана пальто, и, зачем-то крутанув барабан нагана, прошипел, с ненавистью глядя в лицо Львова:

- Живите пока что, но... Я сейчас же, сегодня же, хотя нет, уже ночь, так, значит, завтра утром обязательно проверю все, что вы мне здесь наплели... Но знайте, если хоть на йоту этот бред не подтвердится, я вернусь. Вы слышите, господин бывший министр? Я обязательно вернусь. Но уж тогда, гражданин Львов, глаза вы прищурить точно не успеете.

Он выбежал из кабинета, через мгновение громко и разочарованно звякнул замок в двери, обиженно загремела кабина лифта, уходящая вниз. Львов расслабился, вновь расстегнул верхнюю пуговицу, ослабил узел галстука и подумал, вслушиваясь в тишину квартиры:

- Нет, все-таки художник явно доминирует над офицером в этом молодом человеке. У него слишком тонкая натура для обыкновенного вояки...

9.

Господин Лурье, лысоватый пожилой человечек необычайно маленького роста, неспешно перебирал короткими ножками, добираясь до дома под номером восемь, что выходил свежевыкрашенным в желтый цвет фасадом с высокими стрельчатыми окнами на улицу Друо. Дом этот был приобретен еще его дедом в 1830 году, и тогда же в нем прошли первые аукционные торги. Господин Лурье любил приходить сюда задолго до персонала, когда в небольших залах аукциона царили тишина и утренний полумрак. Аукционщик варил для себя кофе и не торопясь бродил с опустевшей чашкой от одного лота к другому. К девяти часам обычно собирались служащие: курьеры, эксперты, грузчики, престарелая

уборщица, и таинственное очарование тихих комнат пропадало, наполняясь шорохом бумаг, топотом ног, обрывками фраз и шлепаньем мокрой тряпки по мрамору пола в фойе.

Ототкнув замок, господин Лурье неожиданно увидел рядом с собой довольно молодого, не старше сорока лет, мужчину в строгого покроя модном демисезонном пальто. Лицо незнакомца можно было бы назвать красивым, если не обращать внимания на воспаленные потрескавшиеся губы и красные, словно от недосыпа, глаза.

- Que voulez vous, monsieur? ⁴ - Аукционщик первым прошел в дом и включил верхний яркий свет. Мужчина, тяжело дыша, все так же молча осматривался, отдавая явное предпочтение развешанным по стенам картинам.

- Vous etes interessé; de quoi de peinture, de gravure, sculpture, peut tre les livres et les manuscrits? ⁵

- C'est les toiles du peintre russe Kolchanov de la collection de la princesse Belosel'sky – Belozersky que m'interesse... ⁶ - начал было Михаил и вдруг пораженно умолк, внезапно осознав, что он, человек без имени и прошлого, только что ответил этому смешному коротышке на его вопрос по-французски. Решетников обессилено опустил на небольшую обитую вытертым бархатом скамеечку и, обхватив голову тонкими длинными пальцами, потерянно застонал.

Господин Лурье выждал, пока его визави несколько успокоится, и подошел к простенку, где висело всего два небольших полотна в строгих темного дерева багетах.

- Vous evidemment le connaissez. Le peintre Kolchanov se rapporte l'ecole magnifique classique, mais ses tableaux sont extremement rares chez nous. Disent qu'il est mort, c'est tres triste, bien sur. Ses tableaux sont achetés beaucoup et tres volontiers. Il nous restait seulement deux toiles. Deux paysages et un nature-mort avec les pavots ont vendu exactement deux jours en arriere ⁷.

Михаил поднялся, сдвинул свою соломенную шляпу на затылок и, пытаясь успокоиться, расстегнув одну за другой пуговицы пальто, подошел к аукционщику.

...Кусок полуразрушенной каменной кладки, утопающей на заднем плане в зарослях крапивы и конопли, легкие мостки, уходящие разбухшими досками под прозрачную воду, а на противоположном берегу, на возвышении, небольшая беленая церквушка с покосившимся куполом-луковкой...

Если бы не небольшая бронзовая табличка, темная и тусклая, на которой рука гравера начертала имя художника, Решетников, несомненно, принял бы этот пейзаж за свой, тот самый, что совершенно точно висит сейчас в их с Александрой доме. «Х-к Колчанов В. П. «Городские мотивы». 1916 годъ» - Михаил внимательно рассмотрел гравировку и, хмыкнув, подошел ко второму полотну, несколько большего размера.

...Молодой офицер в парадном гусарском доломане, увлеченно читает Библию, раскрытую на странице, заложеной тонкой муаровой ленточкой. Левая рука его изящно,

⁴ - Что вам угодно, мсье?

⁵ - Что вас интересует: живопись, гравюра, скульптура, а может быть, книги и рукописи?

⁶ - Меня интересуют полотна русского художника Колчанова из коллекции княгини Белосельской-Белозерской.

⁷ - Вы явно знаток. Художник Колчанов относится к великолепной классической школе, но его картины крайне редки у нас. Говорят что он погиб, что, несомненно, печально. Его картины покупаются очень и очень охотно. У нас осталось всего два полотна. Два пейзажа и один натюрморт с маками продали буквально два дня назад.

непринужденно упала на черный с золотыми деталями эфес шашки, явно выполненной в златоустовских мастерских, правая рука легко подпирает голову. Художник выполнил автопортрет в искусной классической манере, явно подражая старинным мастерам. Каждая складка материи, каждый узор серебряного шнура, которым украшен доломан, поражали достоверностью и точностью линий. Казалось, при желании можно пересчитать все шелковые нити крученой богатой кисти, украшающей эфес шашки. Слегка наклонив голову, Решетников даже сумел прочесть первые строки Священного писания в лежащей на столе перед офицером книге: «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч». Но не страшное пророчество, столь искусно выписанное славянской вязью, ни парадный мундир, ни даже ярко-красный камень, сверкающий на мизинце гусара, не могли, отвлечь взгляд Решетникова от лица, изображенного на портрете. Несомненно, более молодое, более уверенное и ухоженное, оно тем не менее в мельчайших подробностях повторяло лицо чекиста. Тот же высокий лоб, те же голубовато-зеленые глаза, те же светло-пепельные, слегка выющиеся волосы. «Х-к Колчанов В. П. «Автопортрет с Библией», 1917 годъ». Михаил как-то вдруг ослабел в ногах, сунулся было за папиросами, но тут же, по-видимому, забыв про них, вновь перечитал надпись на бронзе...

- Так вот, значит, как... - протянул он и только сейчас услышал, как пораженный сходством портрета и неизвестного гостя маленький француз, всплескивая ручками, повторяет раз за разом:

- Mon Dieu, que vous etes semblables! C'est vous - meme, monsieur Kolchanov?... Je ne comprends rien⁸.

Словно пьяный, Колчанов качнулся, оперся было о стенку рукой, но тут же выпрямился и, не оглядываясь, все более и более внутренне зверея, направился к выходу.

- Allez vous? Que se qu'il passe?⁹ – заторопился за ним аукционщик, но тот, досадливо дернув плечом, процедил уже перед самой дверью:

- Да оставь же ты меня в покое, старик. Все в порядке. Вот теперь уже точно все совершенно в порядке... Брысь!

Небольшой колоколец над дверью прощально звякнул, а господин Лурье, маленький удивленный аукционщик, провожая взглядом сквозь окно окаменевшую спину Колчанова, вслух недоумевал:

- Oh, vraiment ces Russes... Apres tous celui-ci est de tranquilles...¹⁰

Весь последующий день Владимир Петрович Колчанов пил. Бездумно, тупо глядя под ноги, брел он по огромному, хмельному, залитому летним солнцем городу. Шел, не обращая внимания на шарахавшихся от него прохожих, клаксоны редких автомобилей, топот лошадей и пронзительные свистки жандармов, останавливаясь только тогда, когда до слуха доносились плач гитары либо простенькие балалаечные мелодии. Тогда в сознании Владимира словно что-то прояснялось, и бывший штабс-ротмистр, небрежно бросая мятую купюру на стойку, проходил в глубь зала очередного ресторанчика или бистро. Уже довольно скоро вслед за ним настолько же пьяные, как и сам Колчанов, потянулись гораздые на дармовое угощение парижане, грязные и оборванные. Они шли, громко обсуждая необычный загул этого мрачного русского, отчаянно жестикулируя, спорили, куда, в какой

⁸ - Боже, как вы похожи! Да ведь это же вы собственной персоной, господин Колчанов... Ничего не понимаю...

⁹ - Куда же вы? Да что с вами?

¹⁰ - Ох уж эти русские... Хотя этот из спокойных...

кабак и на какую улицу приведет их сейчас этот случайно подвернувшийся поводырь... Впрочем, уже через пару часов пьяная кавалькада сама собой рассосалась: пить водку не закусывая, а Владимир заказывал только ее, французы явно не умели. Ближе к ночи в небольшом русском ресторанчике Колчанов почти насильно усадил за свой столик фиглярски разодетого полового, как оказалось, бывшего урядника Даурской казачьей сотни.

- Ты мне скажи, мон шер. Домой, я хочу сказать, в Россию, хотел бы вернуться? Только правду, непременно правду. Я по глазам пойму, если соврешь...

- Шли бы вы отсюда, ваше благородие, - почувствовав в надоедливом посетителе офицера, терпеливо уговаривал его тот. - Что вы мне душу будоражите? Домой, домой... Да куда домой, когда последний пароход с пожелавшими вернуться в Россию казаками был на пристани под Керчью расстрелян большевиками-чекистами? Всех до одного положили, а их, казаков, там более трехсот человек было. Всех из пулеметов... А вы – домой. Нет, видно, уж здесь придется доживать. Найду себе какую-нибудь мамзель французскую почище, с квартирой, женюсь, а там, глядишь, и детки пойдут... Своих, которых в станице оставил, кажись, и не увижу боле...

Половой поднялся из-за стола и, понурившись, не прощаясь, направился к себе в каморку под лестницей, где ютился последнее время.

- Даже он, половой, и то не захотел со мной разговаривать... - подумалось тяжело пьяному художнику. - Даже он почувствовал во мне всю мою иудскую, продажную сущность, даже он... - Колчанов вновь наполнил граненую стопку теплой и оттого еще более горькой водкой, выпил с придыхом и вместо закуски закурил. - Господи! - Владимир приподнялся, упираясь в стол побелевшим кулаком, с трудом поднял стакан на уровень глаз, с омерзеньем рассматривая искаженные граненым стеклом безмятежные лица парижан. - Да отчего же вам всем на все наплевать, господа французы?! И на войну, которая все еще идет где-то там? И на великую бедную Россию? И на меня, сукиного сына и подонка... Ну, отчего вы все такие сытые и равнодушные?

Он вновь рухнул на стул и что есть мочи грохнул кулаком по столу:

- Водки! Водки, мать вашу, водки!

...Память к нему вернулась как-то сразу, еще тогда, в том небольшом зальчике аукциона, как только он увидел свой пейзаж с церквушкой. Вспомнилось все: и легкая мазурка на балу в Дворянском собрании Екатеринбурга, и страшный бой с красными в тот зимний вечер под Кызыл-Кутом, где его от души полоснул шашкой по спине узкоглазый казах, а самого генерал-майора Акутина большевики взяли в плен. Вспомнил он и Катеньку Кудрявцеву, молоденькую сестру милосердия, своей заботой и нескрываемой любовью необычайно скоро поставившую его на ноги, получившую вскоре смертельное ранение в Екатеринбурге во время чехословацкого мятежа. Но особенно ярко виделся сейчас засыпающему штабс-ротмистру тот последний его бой под Златоустом, когда и у белых и у красных от необычной жары, столь поразительной для уральской осени, из потных пальцев выскальзывали пики и шашки. А кони, исходя плотной вонючей пеной, от жажды падали замертво на жесткую вытопанную траву, подминая под себя всадников. Вспомнил Владимир Колчанов и тот близкий взрыв, выбросивший его из стремян и надолго лишивший малейших признаков памяти. Но все эти видения, всплывающие одно за другим в его голове, словно апрельские хрупкие сосульки, упавшие с высоких крыш, разбивались о те мерзости, аресты, допросы и обыски, в которых он, бывший штабс-ротмистр Колчанов Владимир Петрович, дворянин и художник, принимал непосредственное участие. Колчанова стошнило прямо на скатерть, и он, с трудом передвигаясь, побрел сквозь ночь к набережной Сены, манившей его странно русским речным освежающим духом.

Вечно неунывающий полупьяный город засыпал медленно и трудно. Сначала поблекли огни Эйфелевой башни, растворившись в утреннем тумане, а после, словно по команде, один за другим начали гаснуть окна многочисленных небольших ночных кафе и бистро. Сонные официанты лениво стряхивали крошки с белых скатертей прямо на пол, поднимали стулья на столы. Ночные кокотки устало брели в дешевые квартирки на улице «Котариболова», плохо выбритые жандармы, неодобрительно посматривая им вслед, курили, сплевывая сквозь зубы на мостовую. В ближайшем полупустом русском ресторанчике сильно пьяный тапер, подыгрывая самому себе на расстроенном пианино, пел вполголоса таким же, как и он, пьяным посетителям:

*«Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы, все время мимо,
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.*

*Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою...
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда»...*

Где-то на западе, в предместьях Парижа, тускло и однообразно зазвонил одинокий колокол. Утро все ярче вставало над городом, сонным и равнодушным. Колчанов, так и не протрезвевший, с отвращением отбросил недокуренную папиросу, перекрестился и почти бесшумно соскользнул с парапета.

- Эх, исповедаться бы, Сашу бы поцеловать... - запоздало мелькнуло в голове Владимира, но вода, смывая желания и бесполезные сожаления, хлынула свободно, в широко распахнутый в предсмертном крике рот. Широкие зелено-бурые ленты речных растений тяжело колыхались в грязной, с масляными переливами воде, словно прощаясь с легкой соломенной шляпой-канотье, неторопливо уплывающей под каменный мост. Через минуту над серой, влажной от росы глыбой моста появилось равнодушное парижское солнце.

ПРОЗА

Александр Балтин
(Москва)

ПРОПАВШИЕ ДЕТИ

Среди искристо пламенеющего леса, среди языческого хоровода огромных деревьев с целыми ярусами ветвей, среди живого гербария спокойной, мерно-величавой листы высокий пенёк, усеянный опятами и обведённый бархатной кромкой мха, казался аналогом в приделе торжественного храма. Пень был трухляв, точно вознесённый из недр земли таинственной мощью, неведомой бродильной силой; готов был уже обратиться в прах, слиться с землёй, которой не уступал и цветом. В полуразвалившихся корявых структурах, хранивших бесщётную мелкую жизнь, как экзотические цветы или замершие гномы, толпились нежные бледные грибы. Хрупкие и изящные, с шатко изогнутыми ножками, замшевой кожицей, одеты они были нежным розоватым свечением. Великое их множество расплзлось вверх, вдоль щербатых боков чернеющего развала; скученные, неустойчивые, вздрагивающие как будто, они теснились, наплзали друг на друга, точно колония мха, продолженная от нижних ярусов земли, и глухой отзвук ее таился в их зыбкой плоти.

- Гляди! — захлебнувшись восторгом, жадно выдохнул пятилетний бутуз, и пухлый палец, перепачканный неведомой грязью, замер, указывая в сторону пня. — Сколько их! — басовито гудел он, продолжая раз взятую ноту и мерно наливаясь не столько радостью, сколько предвкушением, волнообразно вздымавшимся из глубин его нутра. — Скорее, скорей, ну скорей же, — торопил он себя влажным шёпотом; трава зашевелилась, мелькая то жёлтым, то сиреневым, — в противовес собственным словам бутуз выбирался очень медленно.

Как только он выбрался из пышного тайника кустов и трав, выяснилось, что разговаривал он не сам с собой, и не с незримым обитателем леса, существующим только в его воображении: в просвете расступившихся стеблей тотчас появилась крохотная рожица, подвижная и необыкновенно смешная, причём возникла она так быстро, будто только широкая спина бутуза и мешала выбраться ей на свет. Тоненькие косички, торчавшие в разные стороны, выдавали в беспокойном мышонке девочку, спешно пропищавшую: Осторожно! - вдогонку ускользающему бутузу.

- Иди сюда! — не оборачиваясь, кричал он, вплотную подбираясь к пню. Уже почти достигнув его, он запутался в сложных переплетеньях травы, упал, весело хохоча, и тотчас поднялся, а в спину ему летела крохотка женской укори́зы:

— Говорила тебе, осторожней! Никогда ты не слушаешься!

Бутуз, отирая перепачканные пальчики о жёлтые шорты, бормотал в ответ:

- Кого? Тебя слушаться? Малявка! - и, быстро подняв румяную физиономию, добавил: — Трусиха!

- И вовсе нет! – возмутилась девочка, и шустрые косички запрыгали в такт мимолётному возмущению. – Сам ты... - и девочка, выбравшись из укрытия, засемила к пню.

А бутуз уже всю обрывал грибы, ломал их прохладную поросль, и они, мягкие, превращались в его ладонях в розовато-серую кашу.

Девочка, присев, очутилась у истоков трещины, возле густого скопления опят, и, запустив обе руки в недра пня, стала снимать грибы целыми пригоршнями.

Бутуз, видя, что сестрёнка опережает его, загудел недовольно:

– Отойди! Это я нашёл пень! – загудел так, будто желал защитить владения, которые считал своими. В голосе его появилась суровость – суровость, подслушанная у недовольных взрослых, отчитывавших его за разбитую чашку или лишний кусок торта, суровость, усугубляемая обидой – скорее, на себя, на свое бессилие противостоять крохотному, суеяземому внизу существу.

- Не твой пень, не твой, - пищала девочка, теряя крохотные грибы, ломая их и продолжая работу.

Между тем бутуз отвлёкся, обнаружив на пальце какую-то крохотную букашку с тончайшими усиками, и, побросав обломки шляпок и ножек, стал следить за ней, пробиравшейся по тонким канальцам его ладони.

Перестала трудиться и девочка, и, не поднимаясь с корточек, спросила, замирая от внезапного, резкого, сладкого ужаса:

– А как мы пойдём назад?

Бутуз, стряхнув радужно сверкнувшую букашку, отозвался:

– Не знаю.

Торжественная поляна молчала, переливаясь всем богатством цветового спектра.

- Ну? – безжалостно произнёс мужчина, закуривая десятую сигарету, и тотчас устыдился неоправданного напора, туго обозначенного в его голосе.

- Не знаю, не знаю, не знаю, - твердила женщина монотонно, глухо, с тупым, омертвелым отчаянием. – Говорю тебе: я задремала; солнце, духота – разморило, просыпаюсь – их нет. – Она заплакала, прижала ладони к лицу, но сразу отёрнула их, потёрла виски – механически, нелепо, будто такой набросок действия мог что-то прояснить. Мужчине показалось, что лицо её плавится, как сахар, и тугое кольцо нежно и люто сдавило ему сердце.

- Ладно, не плачь, - сказал он. – Ну... не плачь, говорю тебе.

Они сидели в машине, было душно, жаркий воздух, мешаясь с сизыми клочьями дыма, колыбался тяжёлым маревом; атакуя неуступчивое стекло, ныли крупные слепни. Сквозь широкий размах лобового стекла яркий лес представал роскошной панорамой, и каждый вход в него, чернеющий среди деревьев, казалось, вот-вот отдаст пропавших детей.

- Ладно, - сказал мужчина. – Далеко они уйти не могли. Может, спрятались где-то в окрестных кустах и сами выберутся на эту поляну. Возможно, отправились вдоль дороги и находятся сейчас где-то внизу, на пути в деревню. Оставайся здесь, только попробуй не психовать, а я пойду к деревне. – Он попробовал обнять женщину, но та отстранилась. – Ну, найдём, найдём мы их! Ну?

Она не отвечала, тупо мотая головой.

- Я пошёл. Жди.

Он выбрался из машины и пошёл по замшелой колее.

Бурая глина, застывшая суммарным отпечатком различных следов, сливалась в непонятный орнамент, мнившийся символом пути, и одновременно указывающий этот путь.

Мужчина шёл, выкрикивая имена детей, он знал, что рядом находится дорога, по которой они, ничего не предчувствуя, и съехали в лес, и думал – может, стоит выйти на неё, поднять руку, остановить кого-либо из проезжающих, попросить о помощи. И вдруг стало ясно – помощь не придёт, и... что остаётся? Только идти и звать и уповать. Вся прелесть осеннего леса казалась бессмысленной, подавляющей, он шёл, кричал и вспоминал... Он вспоминал умильную рожицу бутуза, неловкую ладность его движений, он вспоминал то щемящее ощущение умиления, охватывавшее его, когда девочка забиралась к нему на колени, он шёл, выкрикивая их имена, и страх, наполняя, леденил душу.

Дети устали. Долгая возня, солнце, страх – всё сливалось в одно - неясное, томящее, клонящее в сон. Бутуз сидел, привалившись к стволу толстого дерева, а девочка спала, положив голову ему на колени. Лес обступал плотной густотой запахов, цветовой массой, лес подавлял, ничего не обещая; бутузу представилась большая кружка молока, сдобный коржик, и тихая тёплая слеза поползла по пухлой щеке.

Девочка спала. Он принялся теребить её. Она невнятно бормотала в ответ, пока он не дёрнул её сильнее, и тогда она вздрогнула, проснулась, посмотрела на него недоумевающее, спросила:

– А где мы?

- Не знаю, - ответил бутуз. – Пойдём куда-нибудь.

Слегка отряхнувшись, они двинулись наугад, пробираясь в низкой траве и тщательно оглядая овраги, бутуз сшиб толстый боровик, поднял его, но тут же бросил, потянулся к кусту, чтобы сорвать ягод, но девочка остановила его, он послушался, и они шли дальше, всё больше уставая, путаясь, пугаясь.

Лес поредел чуть-чуть, и в просвете показалась поляна. На середине этой поляны серел корпус грузовика.

- Смотри, - прошептал бутуз, будто забыв о неведомом пути, и наливаясь восторгом – почти таким же, как при виде пня.

Он ускорил шаги, тяжело дыша и размахивая руками. Девочка, ничуть не заинтересованная, последовала за ним, угодила по пути не то в огромную лужу, не то в крохотное болотце, но выбралась и вот уже лезла за братом в разбитую кабину.

Чёрные полудужья на месте отсутствующих колёс зияли, как устье деревенской печи, дверь висела, свороченная набок, а содержимое кабины представляло собой неприглядную картину отслужившего механизма: клочья жёлтого поролона торчали из разодранных сидений, а панель управления с выдавленными стёклами и погнутыми стрелками походила на старую карту. Руль был цел.

Дети устроились на сиденье, и девочка снова стала дремать, теснее прижимаясь к бутузу, а тот шептал что-то, призывая отца, шептал, веря, что их найдут, понимая, что двигаться дальше у них нет сил.

Скрестив на руле ладони и уткнувшись в них лицом, женщина думала:

– Неужели, неужели, неужели... - слова сливались в долгую, непрерывную линию, она тянулась бесконечно, серея тупостью и страхом. - Как так могло получиться? Почему со мной? За что?

И мелко, нервно, жутко, разрывая линию мысли, перекачивались новые слова:

– А вдруг, а вдруг, а вдруг? Никогда...

Хотелось бежать куда-то, кричать, что-то делать, но делать ничего было нельзя, а только ждать – ждать и надеяться, и бесконечно изводить себя нелепыми, ничего не объясняющими, не помогающими словами:

– Неужели? А вдруг? За что?..

Бутуз, приникая к сестре, тоже задрёмывал, потом вздёргивался, и опять плыл, уходил в тёплую, тёмную дремоту. Ему хотелось есть и мерещился – так явно, так отчётливо – стол, накрытый в деревенском доме, бабушка, разрезающая жареную курицу, дымящаяся картошка, налитое в кружку молоко. И опять реальность текла зыбким маревом дрёмы, и опять его выдергивало из неё лапой страха, и сквозь пространство, где было когда-то лобовое стекло грузовика, он видел кусочки леса, всё такие же красиво-пёстрые, но уже только пугающие.

...и была тёмная масса сна, пологом накрывшая сознание. Потом её края зашевелились, раздвинулись, превратились в траву, тихонько шуршавшую в опаловых сумерках, и из них – из сумерек этих – вышел большой, знакомый человек, шагавший легко и сильно, шелуша коронки лесных орехов, вышел отец, такой родной и тёплый, и бутуз рванулся вперёд, но за ним рванулась и темнота сна, разлетевшаяся в момент, чтобы он, бутуз, стукнулся лбом о приборную доску и замер, понимая, что никто не идёт...

ЧАЙКА НАД КЛАДБИЩЕМ

Есть места, где время будто бы замирает или замедляет свой ход, и такие понятия, как воля, или внутренняя сила, или целеустремлённость кажутся пустыми, нелепыми, и сам человек, создавший эти понятия, забывает, что было с ним до прихода сюда, и не думает о том, что будет после.

Возле сильной реки находилось ветхое кладбище. Клином вторгался в течение реки уголок зелёной суши, и на нём живым протестом против хода часов и дней покоилось забытое кладбище за деревянной, чудом сохранившейся церковью, над которой уснуло несколько старых ив.

Было туманное утро ранней осени. Возле реки влажно пахло водою, и чувство реальности отступало перед видом старых крестов.

Миновав лес и поле, человек оказался один на один с церковью, окружённой чахлыми кустами. Кладбища он поначалу не заметил. Кресты открывались лишь вблизи церкви. Возле них пахло ветром, который наполнял собою окрестность, вступая в затейливую игру с действительностью.

Таких церквей сейчас и не встретишь, подумал он, подходя к ней, и только тогда увидел кладбище, ничем не удивившее его. Дверь церкви была заколочена, но доски разошлись, их было легко оторвать, и из всех щелей, не заросших травой, настороженно-пугающим взглядом смотрела темень. Он отодрал две доски, вошёл в церковь и оказался во времени – или в чистом запахе его, в чистом дыхании метафизики.

Суть церкви сохранилась – запечатанная в сосуде времени, она излучала спокойствие и умиротворение, но казалось, что сияния её не может выдержать душа, покуда вмещённая в тело.

Человек вышел из церкви.

Прямо против неё начинался спуск к реке, чьи свинцовые воды плавно и тихо, будто не совершая никакой работы, ускользали – от взора, яви, кладбища – ускользали, почудилось, в бесконечность, выраженную небесной мощью, неясной властью гигантской надмирной сферы. По ходу реки был ещё один островок, на нём, точно оправдывая его существование, выросло дерево неразличимой породы и стояло, покачиваясь, споря с ветром, стесняясь своего одиночества, которого не могли разделить даже облака.

Человек спустился к реке. Вдоль берега тянулась тонкая кромка жёлтого, волглого песка, а вдали, там, где уже невозможно было различить, где кончается река и где начинается небо, всё сливалось в одну светлую бесконечную массу.

Он поглядел на противоположный берег. Насколько хватало глаз, была видна только зелёная равнина...

Захотелось выкупаться, а верней - приобщиться к незримому ходу течения, к силам, обеспечивающим бытие водного простора. Он решил доплыть до островка и коснуться рукой одинокого дерева.

Он разделся и стал медленно входить в воду. Песок быстро кончался. Вязкая грязь покрывала дно реки – она засасывала, тянула в себя миллионами мягких крохотных пальцев.

Было прохладно. Сильное течение сбивало с ног. Он оттолкнулся, вырвался из ила и поплыл к острову. Плыть по течению было легко: вода несла сама, наполняя звенящей лёгкостью, вода была другом, приняла в себя его тело, и казалось даже, проходила сквозь него, взаимодействуя с кровью.

Доплыву ли до острова, подумалось внезапно, и хватит ли сил вернуться назад? Страх тронул сердце, и человек, развернувшись в воде, ощутил тугую, плотную силу течения, препятствующего теперь.

Он выбрался на берег, и стоял, обсыхая, и смотрел в небо, на массивные облака – желтовато-серого оттенка, они кое-где расступались, образуя просветы, синие, лазоревые, и еще каких-то других, неизвестных и как будто манивших цветов.

Потом он оделся, немного прошёл вдоль берега, подобрал тугую, обросшую водной травой раковину, замкнутую так плотно, что никакая сила не могла б разомкнуть эти створки.

Моллюск жил внутри, храня свою жизнь в неприкосновенности.

Человек бросил раковину в воду и поднялся к церкви со стороны кладбища, и только теперь рассмотрел его. Покосившиеся кресты были серы и одиноки, иные почти вросли в землю, и надписи стёрлись, невозможно было разобрать ни одной.

Человек поднял голову и в глубине неба увидел белую чайку. Изящно выгнутые крылья, казалось, сами несли её, и она будто не летела, а плыла – плыла, чтобы вскоре исчезнуть, как мимолётная улыбка неба, как символ нашей всеобщности, который можно почувствовать, но нельзя надолго сохранить в сердце.

Владимир Любаров. Ветер перемен, 2006. Холст, масло

ПУБЛИЦИСТИКА

Гелий Грант (Хьюстон)

Гелий Грант (Гелий Грантович Мирзоев) родился в Москве в 1932 году. В 1942 г. был угнан вместе с родственниками в Германию, где находился по май 1945. Вернувшись в Москву, окончил школу (1952) и затем геологический ф-т МГУ (1957). Работал в Заполярье (Якутия), на Памире, в Саянах, в Джунгарском Алатау, на Карпатах и Северном Кавказе, по всей Средней Азии и Сирии. Работал в ВНИИГазе, а затем ВНИГНИ (нефтяной институт). Кандидат геолого-минералогических наук (1968), открыватель ряда месторождений нефти и газа.

С 1988 г. живет в США (Техас), где в 1990-1997 гг. работал в нефтяной компании, а выйдя на пенсию в 1997 г., создал в Хьюстоне консультативно-технологическую компанию по разработке и внедрению в нефтяную индустрию новых технологий.

(Подробнее об авторе можно узнать на сайте «Семь искусств» <http://7iskusstv.com/Avtory/Grant.php>)

ДОЛГИЕ «КАНИКУЛЫ» ¹¹

*О военном детстве московского мальчика,
угнанного из Таганрога в Германию в 1942 году*

Таганрог

В мае 1941 года наступили мои первые школьные каникулы. Позади был первый класс, а впереди необъятное лето и от этого огромная радость. Снова свобода, игра и веселье. А тут еще к Первомайскому празднику в Москву из Таганрога приехала жена маминого дяди Надежда Викторовна с сыном Игорем, моим сверстником, который при первой же встрече объяснил мне, что я «сын дочери брата его отца» и моложе его, Игоря, на год, месяц и день. Я решил эту головоломку, согласился, и мы подружились. Приехавшие родственники остановилась у вдовы маминого отца, Софьи Моисеевны, на Тверском бульваре. В это время там уже находилась 20-летняя старшая дочь Надежды Викторовны Таня, приехавшая в Москву для поступления в театральное училище. 3 мая Игорю исполнилось 10 лет, и я подарил ему собственноручно сделанную из газеты треуголку. В то время в нашем возрасте такие подарки были в порядке вещей.

¹¹ Материал был также опубликован в журнале "Семь искусств", Мюнхен, № 6, июнь 2012
<http://7iskusstv.com/2012/Nomer6/Grant1.php>

В одной из двух комнат квартиры Софьи Моисеевны стоял большой концертный рояль моего деда, занимавший почти четверть комнаты. Мы с Игорем устроили себе под ним обособленное от взрослых убежище, затащив туда матрац и подушки, в общем, расположились с полным комфортом, если, конечно, не забываться и резко не вскакивать. Рояль, прежде такой живой и мелодичный, больше не звучал. На нем все еще лежали ноты деда, теперь немые, и на них накапливалась пыль. В этой комнате стоял также огромный шкаф, с полу до самого потолка набитый книгами. Но детских книг здесь не было, и поэтому мы играли с машинками и оловянными солдатиками, которые, конечно, шли на войну.

Гулять нас одних не пускали, потому что у этого дома не было двора, и детей из окна тоже нигде не было видно. Через месяц после приезда Надежда Викторовна с Игорем собрались возвращаться к себе в Таганрог, и на семейном совете взрослых было решено отправить меня с ними на летние каникулы. А мама должна была позже взять отпуск и тоже приехать в Таганрог. Однако все получилось иначе.

* * *

Был жаркий, солнечный день, когда московский поезд на Батуми на две минуты остановился на станции Марцево, от которой к Таганрогу шла короткая местная линия. На платформе нас встречала Ира, младшая 18-летняя дочь Надежды Викторовны. Она, бронзово-загорелая, высокая и стройная, в белом воздушном платье радостно бежала по платформе вслед нашему замедляющему ход вагону и с комичным недоумением размахивала полученной в этот день поздравительной телеграммой по случаю чьего-то дня рождения. Оказалось, что моего, и это поздравление вдогонку пришло от мамы. Так обозначилась точная дата моего приезда в Таганрог: 4 июня 1941 года. Мне исполнилось 9 лет. До начала войны оставалось 18 дней. Но этого никто не знал.

Наши родственники снимали большую квартиру в частном доме № 68 по улице Антона Глушко. Глава семейства, младший брат моего деда, врач-рентгенолог Анатолий Дмитриевич Покровский, был высокообразованным человеком, прекрасно играл на рояле и пользовался уважением и любовью окружающих. В числе его друзей был живший одно время в городе известный художник Петр Петрович Кончаловский. Надежда Викторовна в ранней молодости занималась скульптурой и была, говорят, лучшей ученицей знаменитой Голубкиной. Но, встретив во время Гражданской войны в Белой армии молодого военврача Анатолия, она в 19 лет, бросив родительскую семью и искусство, осталась с ним навсегда. Её родители, отец - немец, мать - русская, уехали на родину отца в Германию, и с тех пор связи с ними никакой не было. Впоследствии выяснилось, что они умерли в конце 1930 годов. Покровские же, сами родом из Луганска, осели в тихом городе Таганроге. Анатолий Дмитриевич работал в железнодорожной больнице, Надежда Викторовна растила троих детей. Обе дочери к 1941 году уже окончили школу, а Игорь перешел в третий класс.

Но все это была взрослая жизнь, наша же, мальчишеская, проходила во дворе, преимущественно на стоявшей посреди него огромной шелковице, и на море, куда мы с Игорем и соседскими ребятами бегали по пять раз в день и купались до посинения в любую погоду. Кроме того, ловили бычков и раков, собирали раковины и камни, а однажды нашли на берегу человеческий череп и решили попугать им нашу сверстницу и соседку по двору Риту. Вечером, уже в темноте, Игорь набросил на себя простыню и, держа над собой череп с горящей внутри него свечой, стал под наше многоголосное завывание ходить по двору.

Эффект был ошеломляющий: Ритка визжала так, что сбежались взрослые. Ну и нам, конечно, попало, но не остановило нашу буйную фантазию: мы с Игорем стали по ночам между домом и близким к нему забором искать клад. Дело в том, что в нашем дворе жил одинокий старик, который раньше, говорят, был купцом, и Игорь божился, что старик закопал где-то клад, так как сам видел через окно, что тот считал пачки каких-то странных старинных денег. Однажды в полночь, вооружившись лопатой, ведром и свечой - ну всё, как у Тома Сойера и Гекльберри Финна, - мы рылись за домом в земле, измазались, как могли, но ничего, конечно, не нашли, кроме огромного удовольствия от приключения. О наших похождениях я писал маме Жене в открытках. Мне нравилось ее уютное имя, и я часто ее так называл. Отец, или папа Грант, вызывал у меня трепет, и я не лез к нему со своими откровениями.

Как-то раз Анатолия Дмитриевича вместе с нами пригласил за город его знакомый и благодарный пациент, у которого был большой яблоневый сад и много ульев. Вечером нам, пацанам, поставили на веранде на стол целый таз свежего меда и корзину отборных яблок. Это был настоящий пир, и мы так напировались, что потом маялись животами. Но память сохранила этот день навсегда.

Иногда мы с Игорем ходили через весь город на набережную к знаменитой в городе Каменной лестнице.

В бархатный южный вечер, у моря раздавалось:

Саша, ты помнишь наши встречи

В приморском парке на берегу...

Неповторимый голос Изабеллы Юрьевой пел:

Как много в жизни ласки.

Как незаметно бегут года...

Песня проникала в сердце и обволакивала все вокруг волшебством любви. По набережной прогуливались стайки девушек в белых платьях, звучал звонкий беззаботный смех, стрекот цикад. Отдельно с прибаутками и коленцами шли парни. Все их внимание привлекали хохотуны. Воздух был пропитан молодостью, здоровьем, любовью и устремлением в безоблачное счастливое будущее. Была середина июня 1941 года.

Мало встретишь современников начала войны, кто бы навсегда не запомнил во многих подробностях первый ее день.

22 июня был великолепный солнечный воскресный день. Анатолий Дмитриевич, Игорь и я рано утром на трамвае поехали гулять на окраину города, в Дубки - парковую дубовую рощу. Мощные дубы с корявыми, неохватными стволами стояли не часто, но их высокие густые кроны создавали общую прозрачную тень. Казалось, что это громадные светло-зеленые залы. Солнце прорывалось сквозь листву и яркими пятнами ложилось на высокую сочную траву. Воздух был свежий и легкий, а наша жизнь полна радости и веселья.

В середине дня, возвращаясь домой, мы увидели бегущую по улице растрепанную хозяйку нашего дома Степаниху. Она иступленно кричала: «Война! Война!».

В один миг все изменилось и рухнуло. Жизнь раскололась на «до» и «после». И та счастливая жизнь, которую даже не осознавали как счастье, никогда уже больше не вернулась. Она навсегда осталась там, в начале июня 1941 года. А само написание этого года - «1941» - стало роковым и зловещим, и мало кто уже вспоминал (да многим и не пришлось больше ничего вспоминать) прекрасное начало этого ужасного года.

Счастливо поколение, прожившее свою жизнь без войны. Но таких поколений мало.

Через два дня Анатолия Дмитриевича как врача взяли в армию. От него стали приходить треугольники писем, где он писал про «розовые на закате ручьи». Это были потоки крови. Под Киевом ему чудом удалось выйти из окружения.

Несмотря на войну, мы, дети, продолжали свою обычную жизнь: ходили на море, играли в саду и на дворе, читали книжки. Для нас атмосфера по-прежнему была легкой, летней. Казалось, что война – случайность и ненадолго. Плакаты обещали скорую победу. Мы пели о том, что «гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход»... Карикатуры на немцев делали их смешными и несерьезными. Многие взрослые по простоте своей вначале думали, что война вот-вот кончится и все опять будет светло и радостно.

Но в начале августа из Москвы вернулась Таня. Она рассказывала, что по железной дороге идут в основном воинские эшелоны, а обычных поездов очень мало, они переполнены людьми, движутся медленно и нерегулярно. Выяснилось, что мама¹² приехать за мной не сможет, и не только потому, что она была одна с моим трехлетним братом Ленеи, - её просто не отпускают с завода, который в одночасье объявили оборонным. Отец мой¹³, который в это время с нами уже не жил, работал в оборонном конструкторском бюро, о его приезде за мной также не могло быть и речи. Я, однако, к этому тогда отнесся легко и бездумно, ведь для меня-то жизнь шла как будто по-прежнему.

Но было уже велено в саду выкопать так называемую щель – подобие окопа, перекрытого жердями с наваленной сверху землей и служившего нам бомбоубежищем. И действительно как-то ночью в начале сентября всем жителям нашего двора пришлось сидеть в этом убежище, когда над городом кружили немецкие самолеты, по черному небу шарили лучи прожекторов, тянулись цветные нити трассирующих пуль, слышались звуки выстрелов и глухие удары от разрывов небольших бомб. Я не совсем понимал происходящее и поэтому стремился все время вылезти из щели, куда меня загоняли старшие. Старик с нашего двора тоже не полез в щель. Он стоял рядом и то стучал суковатой палкой по земле, то замахивался ею в небо и сердито ворчал: «Ишь, до чего доигрались!». Зимой, при немцах, он умер от голода. Однако в сентябре ещё никто не представлял себе, что будет дальше.

Но вот однажды улицы, примыкающие к базарной площади, заполнились красноармейцами. Усталые, запыленные солдаты в обмотках, с бритыми наголо головами, что делало их почти неразличимыми, сидели и лежали на тротуарах. Некоторые из них спали в пыли прямо под палящим солнцем, другие писали письма-треугольники с надеждой, что они дойдут по полевой почте домой.

И вдруг все резко изменилось. Солдаты с улиц исчезли, и над городом повисла гнетущая, выжидательная тишина. Как-то мимо нашего дома в сторону моря проехала полторка с красноармейцами. Я вышел на мостовую и смотрел им вслед, когда промчавшийся по улице вихрь отбросил меня назад к тротуару. В ту же секунду с той стороны, куда ушла машина, раздался резкий звук взрыва. Я убежал во двор. Игорь в это время спрятался в стоявшей около забора уборной. Мне тоже хотелось спрятаться куда угодно, но мой враг - любопытство, оказалось сильнее, и я снова выглянул за ворота. На улице мелькнул мотоцикл с коляской и двумя солдатами в касках и в незнакомой грязно-зеленой форме с погонами. Это были немцы.

Они прошли по берегу Таганрогского залива в обход жидкой цепи красноармейцев, прикрывавших город с суши, и захватили Таганрог без боя - просто зашли в тыл наших

¹² Покровская Евгения Леонидовна (1910-1987), русская, родилась в Кракове, Польша, в семье революционеров, бежавших из вечной сибирской ссылки. Окончила Московский текстильный институт.

¹³ Грант Андреевич Мирзоев (1906-1961), армянин из Нагорного Карабаха. Окончил Московский текстильный институт.

окопов. Кого постреляли, кого взяли в плен, а местным жителям велели собрать раненых и убрать убитых. Пристреливать раненых на месте немцы в победном для себя 1941 году не стали, и окрестные женщины по их указанию свезли истекающих кровью красноармейцев в город в опустевшую железнодорожную больницу, стоявшую на высоком обрывистом берегу залива. Нашлись старик-фельдшер и несколько прежних пожилых работниц больницы, начавших из сострадания выхаживать раненых солдат.

Наступил день, когда есть оказалось нечего. У меня в руках была одна лишь луковка без всякого хлеба. Вспомнилось, как мама перед отъездом в Таганрог упрасивала меня съесть клубнику со сливками, а я шумел: «Зачем ты сказала, что это сливки?». Я их тогда терпеть не мог. А теперь от голода подводило живот. Настали черные времена. Наши, бросая город, подожгли продовольственные склады, чтобы запасы не достались врагу, и тем обрекли население на подачки от немцев и голодное умирание. Над городом поднимался черный, жирный столб дыма – горел хлебозавод. Морская вода стала сладкой от утопленного в ней сахара.

Некоторые семьи пытались бежать на малых суденышках через залив, но были потоплены пикирующими юнкерами.

Кто-то из соседей принес весть, что на Ленинской, главной улице города, народ взламывает двери магазинов, разбивает витрины и растаскивает все, что только можно унести. И ещё: что некоторые девушки вышли на улицу в нарядных платьях с цветами. Город наполнили бесчисленные грузовые машины, бронетранспортеры, танки, самоходки, тягачи с пушками – целая механизированная армада, занявшая все улицы и дворы. Везде раздавалась гортанная, лающая немецкая речь.

В тот же день в городе случилось страшное: на Ленинской кто-то открыл люки канализации, и из них стали вытаскивать множество «свежих» трупов мужчин и женщин. Мертвых клали на подводы и везли по главной улице за город в общую яму. Прошел слух, что это работа НКВД, перед спешным отступлением ликвидировавшего всех заключенных, среди которых было много случайно задержанных. При бегстве из города девать их было некуда. Не отпускать же, чтобы самим оказаться на их месте. И поэтому их, скорее всего, спешно уничтожили.

Вскоре мы увидели немцев вблизи. К нам в дом вошли два высоких эсэсовца в длинных шинелях и фуражках с изображением черепа. Они спросили у перепуганной Надежды Викторовны, есть ли у нас золото и кольца. Но таких вещей в этой семье никогда не было. Эсэсовцы вспороли своими длинными ножами несколько подушек, отчего белое облако пуха и перьев разлетелось по всей комнате, и, ничего не найдя, ушли.

Под вечер во двор на мотоцикле заехал запыленный пехотный офицер. Остановившись на ночь в нашей квартире, он, заметив голодных детей, принес откуда-то хлеба и два котелка с густым гороховым супом. Утром он уехал.

На следующий день на стенах домов появились первые приказы немецкого командования для населения. Напечатаны они были по-русски на листах с орлом и свастикой и касались в основном евреев. Наказанием за невыполнение приказов был расстрел. Мои родственники стали опасаться, что меня, похожего на еврея, могут схватить на улице, поэтому они никуда меня не пускали (о том, как мне пришлось близко столкнуться с Холокостом, расскажу позже).

В городе усиливался голод. Магазинового снабжения не было. На рынке боялись продавать и обменивать вещи на продукты. Многие за паек стали работать у немцев. Мы с Игорем иногда ходили на море за бычками, но в октябре было уже очень холодно, рыба ложилась на дно и ловилась плохо. Теперь днем и ночью город подвергался

артиллерийскому обстрелу с другого берега Таганрогского залива. Били по скоплению немецкой техники, но гибли в основном простые жители.

Таня стала медсестрой в железнодорожной больнице, где раньше работал ее отец, и ухаживала за нашими ранеными солдатами. Но вскоре больницу накрыл залповый огонь тяжелых батарей. Случилось это днем, в Танину смену. Разрывы ложились густо. Легкораненые, кто мог, выскакивали из палат, чтобы спастись в окопах около здания, но прикованные к кровати оставались и умирали на месте. Таня видела, как один молоденький солдатик выполз из обрушившейся палаты, таща за собой вывалившиеся из распоротого живота кишки, и умолял медсестру его прикончить. На той стороне, откуда летели снаряды, хорошо знали, что в больнице свои раненые, но приказ есть приказ, и они стреляли по своим.

Около нашего дома тоже упал один снаряд и разрушил часть стены. Жить в доме стало очень холодно и опасно. Через несколько дней мы перебрались в пустую квартиру в четырехэтажном доме рядом с Ленинской улицей и заняли там три комнаты. Позже в другую часть этой квартиры вселились два немецких солдата - двадцатитрехлетний Рольф и семнадцатилетний Гюнтер.

В большом дворе этого дома немцы устроили бойню коров. Мы с Игорем и мальчишки с окрестных улиц, сидя на высоком кирпичном заборе, наблюдали, как солдат в одних трусах бил обухом топора корову в лоб и, когда она падала на колени, ножом перерезал горло. Под черную дымящуюся струю крови подставляли ведро. Собирали. Мясо, конечно, шло только немцам. Мы его не видели. Питались горохом, картошкой и чем придется. Иногда мне везло, и я, сгибаясь от тяжести, подтаскивал к машине канистру с бензином и за это получал кусок хлеба.

На базарной площади немцы поставили виселицу и вешали людей, в основном за воровство. Даже детей.

Как-то на улице меня остановил бородатый заросший дед, или он показался мне дедом. Под мышкой у него была доска с большим гвоздем. Он спросил, откуда я. «Живу здесь», - ответил я. «Ты считать умеешь?» «Конечно». «Тогда посчитай, сколько вон на той улице стоит машин».

Когда я вернулся, «дед» ждал меня в подъезде соседнего дома, он сказал, что я молодец - правильно сосчитал. Я встречал его ещё много раз и рассказывал ему о том, где и что видел. Но потом он исчез и больше не появлялся.

В нашем новом дворе и вокруг на улице валялось много патронов и даже целые небольшие снаряды с гильзами. Мальчишки их собирали, отделяли с помощью молотка от гильз и добытым таким способом толком и порохом наполняли одну большую гильзу. К ней продельвалась тоненькая пороховая дорожка. Все прятались, а один из нас поджигал эту дорожку и мчался к укрытию. Гильза, как ракета, с воем зигзагами летела по улице и шлепалась о какой-нибудь забор или стену дома. И хотя за это можно было поплатиться, если поймают, мы были в восторге.

Я и на соседних улицах собирал патроны и тащил их домой. Вскоре Рольф обнаружил мой уже довольно большой склад и стал гоняться за мной с ремнем. Я увернулся и выскочил из квартиры, а он битый час, набивая карманы патронами, незаметно для окружающих выносил их из дома. Мне, можно сказать, крупно повезло, но понимание этого пришло только после гибели одного из моих товарищей, в руках которого разорвался снаряд и разнес его на куски. Больше мы в эти игры не играли. Однако всю войну я протаскал с собой как талисман острый, зазубренный осколок шириною в три пальца, который как-то раз днем на улице шлепнулся рядом со мной в стену дома. За миг до этого я услышал леденящий душу нарастающий звук падающей бомбы и вжался около дерева в газон, а после взрыва еще

долго плохо слышал. При этом крошечный кусочек железа на излете все же угодил мне в тыльную часть левой кисти и так навсегда в ней и остался. Талисман же свой, отвративший, как тогда думалось, худшее, я потерял уже в 1945 году.

В конце октября начались сильные, пронизывающие до костей ледяные ветры. Одежда на мне была только летняя: короткие штаны, рубашка и какая-то легкая курточка. От хронического голода и холода сил становилось все меньше и меньше. Согреться можно было только в кровати под ватным одеялом. Там, укрывшись с головой и создав себе таким образом логово, мы с Игорем грезили, сочиняя всякие волшебные истории, в которых было много еды и тепла. Но иногда охватывала апатия, чувство безнадежности и обреченности: будь что будет, изменить ничего нельзя. На ногах уже появлялись синие пятна.

Недалеко от нашего дома образовалось отделение полицаев. Откуда только взялись эти здоровые парни в черной форме с дубинками в руках? Где они были, когда немцы захватывали город? Их боялись и сторонились. Говорили, что они могут забить насмерть.

В сильные ноябрьские морозы во многих местах полопались водопроводные трубы. К тому же снарядом была нарушена водонапорная башня и водопровод не работал. Жители вынуждены были с ведрами ходить за водой к заливу. Благодаря Дону она была пресной, здесь водились даже раки. Весь залив покрылся толстым слоем льда. Воду черпали из проруби. С нашего, «окультуренного» берега залива, вниз к набережной вела широкая Каменная лестница – около 200 ступеней. До войны это было популярное место вечерних прогулок молодежи, теперь же она скорее походила на иллюстрации Доре к кругам ада, описанным Данте. Вверх и вниз, как муравьи, по ней ползли люди с ведрами и бадьями: вниз порожние, вверх – с тяжелым грузом расплескивавшейся воды, от которой лестница на морозе покрывалась льдом. На каждом шагу люди рисковали поскользнуться и скатиться вниз, увлекая за собой других. Но иного выхода не было.

Однажды, когда я находился наверху, у начала лестницы, на идущей вдоль набережной узкоколейке появился одинокий паровозик. Тотчас с другого берега залива долетел звук «бум!» и вслед за ним, с завыванием разрывая воздух, домчался снаряд. Он врезался в середину каменной лестницы, и по ней вниз покатались тела людей, потекли кровь и вода. Паровозик быстро исчез, но снаряды продолжали лететь. Я бегал вокруг стоявшей на краю обрыва трансформаторной будки, стараясь по приближающемуся звуку определить недолет или перелет очередного снаряда, чтобы упасть на землю там, где будка защитила бы меня от осколков. Дети при таких обстоятельствах быстро взрослеют. О том, что творилось на обледенелой лестнице, невозможно говорить даже десятилетия спустя. Тогда погибли многие, пришедшие к заливу за питьевой водой.

Однако лед залива для некоторых смельчаков был и мостом к своим. Ночью, накрывшись простыней, они переходили на другой берег. Там их встречали выстрелами, а те, кому удалось уцелеть, попадали в штрафные батальоны. Танин однокашник Николай, раздобыв где-то пистолет, дошел до своих, воевал, остался жив и после войны рассказал о своем переходе. Это был безвестный подвиг в числе миллионов других.

В конце года немцы начали забирать и отправлять на работы в Германию молодых, здоровых женщин, а иногда и детей для соответствующего перевоспитания. При комендатуре появились пункты вербовки, куда надо было являться после получения повестки. На ней после проверки ставили печать: «годен» или «не годен» человек к отправке, то есть она становилась важным, освобождающим от повинности документом, который надо было предъявлять властям по первому же требованию. После разрушения железнодорожной больницы Тане пришлось работать на таком пункте. Она знала, что некоторым работникам удавалось иногда выкрасть у пожилого начальника-немца печать и поставить на повестке

знак «не годен», тем самым освобождая некоторых людей от угона. Когда это обнаружилось, немцы вывели всех работников пункта во двор и у них на глазах в назидание остальным, расстреляли троих заподозренных в подделке документа. Но в повестках по-прежнему появлялась печать «не годен». Может быть, кто-то и ехал в Германию добровольно в надежде на лучшую жизнь и спасение от голода, но таких было мало. Люди боялись неизвестности и немцев – своих жестоких врагов.

В феврале 1942 года немцы в панике стали упаковывать свои учреждения: со стороны Ростова шло неожиданное и такое желанное наступление Красной армии. Но оно захлебнулось и откатилось назад.

В 1966 году я был в Таганроге в отпуске и жил на море в пригороде Приморское. Хозяйка дома, где я остановился, была свидетельницей того наступления и гибели сотен красноармейцев. Она говорила: «Как легко отдали и как тяжело брали назад свое». Советское военное командование пыталось повторить маневр немцев с проходом по берегу залива, но не учло, что немцы сами его осуществили. Поэтому наступавших встретил кинжальный перекрестный огонь нескольких умело расставленных железобетонных дотов (долговременная огневая точка). Красноармейцы шли основательно выпившие и были перебиты.

Я видел эти доты и глубокие овраги, на краю которых они вросли в землю. Сломить такую оборону можно было только тяжелыми ударами с воздуха или прямой наводкой из танков. Но ни того, ни другого не было, а были только приказ и водка, и, главное, безжалостное отношение к своим солдатам: «мы за ценой не постоим». И цена порой была в разы выше немецкой. Что-что, а это азиатское неуважение к жизни и достоинству каждого отдельного человека у нас в крови было, есть и, наверное, ещё долго будет.

Угон в Германию

Когда в начале 1942 года в Германию забрали Таню, всем нам стало страшно за неё и за себя тоже. Но вскоре наступила очередь Иры. Надежда Викторовна ни за что не хотела её отпускать и, не найдя другого выхода, опрометчиво предложила взамен себя. Взяли обеих, а вместе с ними и нас с Игорем – на перевоспитание. Всех посадили на грузовые машины с брезентовым верхом и по грунтовым дорогам повезли на запад. На равнине в какой-то момент машины остановились, нам велели выскочить и лечь на землю. Вдали было заметно передвижение серых точек и взрывы. Это была танковая атака наших. Но вскоре все кончилось, нас снова загнали в машины и повезли дальше. Потом где-то пересадили в товарные вагоны-теплушки. В них было много соломы. Можно было, зарывшись в неё, укрыться в уголке, стать незаметным. Под непрерывный стук колес ехали мы долго. Было привычно холодно и голодно. Станции и остановки мелькали, не оставляя никаких впечатлений. Мне становилось все безразличнее, что со мной происходит, куда везут и что будет дальше. Из всего этого пути запомнился один только польский город Люблин, да и то лишь тем, что там всех из состава погнали в баню. То, что это только баня и дезинфекция одежды, стало ясно позже, а поначалу было страшно, когда, отделив немногочисленных пожилых мужчин, женщинам велели раздеться и повели голых (среди них оказались и мы с Игорем) в большой сарай. И только там все облегченно вздохнули, поняв, что это действительно баня. Такое количество обнаженных тел я больше никогда не видел. Среди женщин в одних трусах, сапогах и пилотках с ведрами в руках ходили и гоготали немцы. Они звонко хлопали некоторых молодых женщин по заду. Одни шарахались, другие визгливо и заискивающе смеялись, хотя было совсем не весело.

Потом нам вернули «прожаренную» одежду, на которую теперь были нашиты синие ромбики, со словом Ost (Восток), что означало «восточный рабочий». И снова всех повели на поезд, но на этот раз уже не в теплушки, а в обычные пассажирские вагоны. Дальше пути пересыльных расходились. Нас отправили в Берлин, поскольку Надежде Викторовне удалось каким-то образом выяснить, что именно там находится Таня.

Берлин

В Берлине мы были совсем недолго, и в памяти сохранились лишь отдельные улицы и дома, а также наземное метро. К счастью, мы быстро нашли Таню. Она находилась в какой-то немецкой семье, где служила домработницей. Когда нас всех через неделю отсылали в Польшу, отпустили с нами и ее.

В апреле 1942 года на улицах Берлина я увидел боязливо прижимающихся к стенам домов людей с жёлтыми шестиконечными звёздами на груди и на спине. В середине звезды стояло слово Jude. Помню, как хозяйка одного маленького кафе злобно прогоняла согнутую буквально пополам старушку с такой звездой. Мне стало её жалко, но, конечно, с этим ничего нельзя было поделать. Так я второй раз соприкоснулся с геноцидом евреев. Впервые это произошло еще в Таганроге.

Холокост

В Таганроге, когда в город вошли немцы, я вдруг узнал, что среди обычных окружающих нас людей есть такие, которых называют евреями.

На следующий день стало известно о приказе всем евреям-мужчинам надеть на рукав белые повязки, а еврейкам – белые платки. За невыполнение приказа – расстрел. Но я тогда не очень чётко понимал: *что это* и *как это* – расстрел.

У нас с Игорем был товарищ – Серёжа. Наш ровесник. Он приходил из соседнего двора, перелезая через забор, и мы таким же образом ходили к нему. У них во дворе жил большой тёмно-рыжий сеттер, бывший тоже участником наших игр. Мы вместе с Сережей проводили много времени у нас на шелковице, вместе бегали на море. И вдруг я узнаю, что Серёжина мама – еврейка, и она вместе с другими евреями должна прийти на указанный сборный пункт (это был новый приказ немцев), и оттуда всех куда-то повезут на машинах. Серёжина мама послала сына к его неподалеку жившему русскому отцу, с которым она недавно разошлась. Но отец не оставил у себя сына, и тот ушёл со своей мамой на этот зловещий сборный пункт.

После войны мне стало известно, что тогда всех евреев немцы вывезли за город к безымянному оврагу и там их расстреляли из пулемётов. Мой послевоенный школьный друг Витя Жук сообщил мне, что в 1955 году во время его отдыха в Таганроге одна знакомая рассказала ему, что во время оккупации некоторые местные женщины встречались у какого-то оврага, где собирали одежду расстрелянных немцами евреев. Так и остался друг нашего детства Серёжа «вечным мальчиком». И это могло случиться со мной.

В польском городе Лодзь. Гетто и расовый контроль

В Польше нас привезли в город Лицманштадт - так немцы переименовали польский город Лодзь, - и направили в пригород Пабианице (Pabianice), где поместили в больших красных кирпичных домах, принадлежавших швейной фабрике под названием, насколько я помню, «Мартин и Норенберг», на которой работали все жившие там, пригнанные из разных мест женщины. Мужчин не было. Квартал был окружен колючей проволокой. Комнаты были почти пустые. Я не помню в них никакой мебели, кроме двухъярусных деревянных нар с соломенными тюфяками. Кормили нас по звонку - ведро жидкой баланды, называемой супом, на комнату. В этих домах мы жили несколько месяцев. Я тогда сильно болел краснухой, но поправился. Нам, детям, разрешали выходить за колючку, и мы бродили по соседним кварталам. Они были безлюдны. В окружающих домах никого не было. Я заглядывал в разбитые окна первого этажа: в комнатах было пусто. Лишь в двух местах я увидел на подоконнике грязные хрустальные вазочки. В мёртвых кварталах было жутко. Потом кто-то сказал, что раньше там жили евреи, и вскоре я увидел, куда делись эти люди.

В Лодзи существовали пригороды-сателлиты, между ними и основной частью города ходили большие как бы междугородные трамваи. Однажды мне пришлось ехать на таком трамвае. Большая часть его пути проходила по улице, вдоль которой с обеих сторон тянулась в два ряда колючая проволока, а за нею находилось еврейское гетто. Страшнее этого я в своей жизни ничего не видел. За проволокой находились оборванные, невероятно худые и грязные, умирающие люди. Они ходили, что-то делали, но печать смерти была на всех лицах, особенно на лицах лежавших на земле детей. При виде этого моё сердце разрывалось на части. Так я ещё раз узнал о том, что существуют евреи, но, конечно, не понимал: почему они так существуют¹⁴.

Как-то раз в Пабианице специальная медицинская комиссия проверяла живших в красных домах женщин и детей в отношении их расовой принадлежности¹⁵. Для меня это освидетельствование было критическим и страшным, так как решался вопрос - не еврей ли я, поскольку в то невеселое время ходил я, свесив голову на тонкой шее, всегда смотрел исподлобья, а мои большие армянские глаза и нос не отличались от черт лица, считавшихся еврейскими. Поэтому, когда меня повели на осмотр, где, как помнится, люди в белых халатах измеряли мою голову деревянным циркулем, знакомые всё время твердили, чтобы я голову держал прямо и не глядел затравленным зверьком. Вспоминая об этом десятилетия спустя, я думаю, что тогда меня, голого, не признали за еврея по очень простой причине - я не был обрезан.

Возможно, это сохранило мне жизнь.

Через какое-то время многих, живших в нашем лагере «красных домов», перевели на разные работы в Лодзь, и меня как относящегося к категории «восточных рабочих» поместили в Лодзи же в детский дом-интернат.

¹⁴ В Пабианице до 1939 года, до войны, проживало до 9 000 евреев (примерно 27% населения городка). В 1940 году после оккупации Польши немцы согнали евреев в гетто и 16 мая 1942 года всех уничтожили. Эта акция известна как «марш смерти».

¹⁵ Расовый контроль был осуществлён накануне вышеуказанной акции.

Детдом

Этот мужской интернат для сирот, потерявших родителей на войне, и детей, привезенных из разных мест, находился в большом трехэтажном здании с высокими потолками и окнами, с широкими, во всю длину здания коридорами, в которые выходили большие комнаты-спальни на 20-24 кровати. Дети младшего возраста, от 8 до 12 лет, помещались на третьем этаже, старшие, до 16 лет – на втором. Нижний этаж занимали классы и столовая. Вероятно, раньше в этом здании была больница. Но при немцах его приспособили под интернат.

Порядки здесь были суровые: сильный, то есть старший, был всегда прав. Как среди зверей. При поступлении в свои 9 лет я был худой и слабый, да еще родился в Москве и числился русским. Это, когда узнавали, вызывало шок, поскольку основной состав детей был польско-немецким. Так что приходилось в этой стае отстаивать себя кулаками. Унижение я переносил гораздо тяжелее, чем боль, и дрался отчаянно до крови, пока меня, что называется, не вырубали. По этой причине не так уж часто и задевали. К тому же я пристрастился к боксу. Но после того как мне два раза сильно разбили мой большой нос, с боксом пришлось расстаться.

Старшие воспитанники интерната довольно часто с песнями маршировали по окрестным улицам. Шли они строем в форме гитлерюгенда, опоясанные портупеей, и орали любимые в армии скабрезные куплеты вроде:

«Какой молочник в нашем Кошмари!

Эта большая свинья

Берет молоко у своей жены».

Или нацистский гимн:

«Знамена выше.

Ряды плотней сомкните...»¹⁶

На зависть детдомовской малышне у самых старших на поясе были настоящие широкие, кинжального типа ножи, вполне пригодные к делу.

Кормили в интернате плохо и мало. С утра это был кусок полусырого тяжелого черного хлеба с едва различимыми следами маргарина. В день давали 100 граммов хлеба. Пили желудевый несладкий «кофе». Хорошо еще, что горячий. В обед часто давали такую отвратительную то ли кашу, то ли суп из каких-то скользких полупрозрачных шариков наподобие рыбьей икры или чешуи, что даже при постоянном голоде есть это было невозможно - вырвет. Все были вечно голодны, но раздобыть какую-либо еду было негде. А вот били за каждую провинность. Доставалось и от старших, почти взрослых парней.

«Воспитанники» дома были фактически на самообслуживании, если не считать того, что на кухне работали польки, – сами убирали помещение, чистили картошку, штопали носки. Но особенно строго нас заставляли убирать кровати. Одеяло должно было лежать совершенно ровно с прямыми, как по линейке, ниспадающими краями, подушка ровно взбита, а полотенце требовалось аккуратно вешать на спинку кровати. За нарушение порядка полагалось строгое наказание - порка.

Воспитатели и учителя были только из немцев. Они муштровали детей как солдат и вдалбливали в голову свои нацистские порядки и воззрения. Фюрер был почти богом. Нас обучали чтению, письму, арифметике и героической истории немецкого народа начиная с

¹⁶ Перевод с нем. автора.

раннего средневековья. До сих пор помнятся рассказы о битве готов с гуннами в 451 г., о сокрушении германскими племенами Рима. Обучение велось, разумеется, на немецком. Этот язык, как и польский, я освоил играючи, в детском возрасте это обычное дело, и владел им в полной мере.

Позади интерната находился небольшой парк для прогулок. Зимой там была горка для катания на санках. Однажды на этой горке я поскользнулся и упал под катившиеся сверху санки с ребятами, и они проехали по моей голове, вдавив ее в снег. Сутки я был без сознания. Товарищи, однако, говорили, что я тут же вскочил, но вел себя странно – все время просил зеркало, чтобы увидеть насколько сплющилась моя голова. Пришел в себя только на следующий день.

Развлечения в той среде были под стать воспитанию. Например, однажды несколько ребят, навалившись на одного маленького мальчика, натерли ему голый зад черной сапожной ваксой. Но чаще поступали иначе: после отбоя, когда в спальне гасили свет, двое-трое мальчишек постарше и посильнее вооружались полотенцами с завязанными на одном конце большими узлами и крались в темноте к своей жертве, мальчику поменьше, который, как было известно, писался в кровати. И начиналось его избиение этими узлами на полотенцах. Поднимался шум, крики, рев. В коридоре раздавались быстрые шаги, и в спальню с ремнем в руках входила немка-воспитательница. Зажигался свет, но все лежали тихо, укрывшись одеялами и стараясь не дышать. Все же немка кого-нибудь вытаскивала из-под одеяла и, положив свою жертву поперек кровати, порола ремнем. При этом нельзя было ни плакать, ни кричать, иначе порка могла затянуться до полного изнеможения самой воспитательницы. Экзекуциям я никогда не подвергался и сам в них не участвовал, но все же как-то раз мне досталось пряжкой ремня, когда меня поймали за кувырками через спинку кровати.

Однажды утром в спальню вошла взволнованная воспитательница и сообщила, что в Нормандии высадились вражеские англо-американские войска. «Но мы их, конечно, сбросим, как раньше¹⁷, в море», - сказала она. Значит, это было 6 июня 1944 г. Прошло три года с моего отъезда из Москвы, а казалось, что вся жизнь. Так нашлась еще одна веха в моем военном детстве.

Другим важным событием, о котором нам тогда сказали, было покушение на Гитлера. Неудача заговорщиков расценивалась как знамение и залог победы в войне.

Я всегда с нетерпением ждал дня, когда разрешалось выйти в город, чтобы побыть вне стен этой тюрьмы для малолетних. Отпускали только тех, кто был старше 10 лет и у кого кто-нибудь из родных или знакомых жил в городе. И я иногда ездил к Надежде Викторовне и Игорю, которые тоже находились в Лодзи. Игорь ходил в польскую школу и жил со своей мамой, которая зарабатывала на жизнь изготовлением тряпичных кукол и глиняных миниатюрных статуэток, выразительнее которых я никогда потом не видел. Жили они тяжело, и я понимал, что не должен еще больше обременять их. Таню и Иру отправили работать на какие-то фабрики в другие города.

В городе я нередко ходил в католическую церковь, где слушал орган. От невзгод я стал очень верующим, хотя веру никто не внушал и молитв я никаких не знал.

¹⁷ Имеется в виду, что в 1940 году наступление немецких войск заставило британский экспедиционный корпус в спешке эвакуироваться морем из порта Дюнкере (Франция) в Великобританию.

Но у меня были свои собственные иконы - две фотографии мамы и брата Лени, сидящего на детском стульчике с плюшевым мишкой в руках. На ночь я всегда молился, глядя тайком на эти фотографии, прося Бога, чтобы мама и брат были целы и здоровы, и чтобы у них было еды не меньше, чем у меня. Конечно, мне всегда хотелось есть, но все же я что-то ел и просил того же для них. Но однажды один злой, глупый и жестокий мальчик подглядел, что я прячу под подушкой фотографии и, дождавшись, когда я выйду из комнаты, схватил их и порвал мамину пополам. Увидев это, я с такой яростью кинулся на него, что, если бы меня не оттащили, мог бы его и убить.

Бывало, я ходил в кино, если Надежда Викторовна давала 5 пфеннигов¹⁸ на билет. Кинозалы обычно были пустые, и в них можно было сидеть хоть все сеансы подряд. Я просиживал в этом отвлекающем, сказочном мире по много часов, снова и снова смотря один и тот же фильм, например, «Цыганский барон» с музыкой Штрауса или «Девушка моей мечты» с Мариной Рёкк. Идти мне было некуда, а возвращаться раньше времени в детдом не хотелось. Кроме того, экран отвлекал от главного – желания есть.

Иногда я в городе ездил на трамвае. Он состоял всегда из двух вагонов. В первом разрешалось ездить только немцам, и он шел почти пустой, второй же, для поляков, был обычно переполнен, и в него нелегко было сесть и выйти, особенно мне.

Сын проститутки

В детдоме у меня был приятель – мальчик меньше меня ростом и, возможно, немного моложе, зато очень ушлый. Не помню его имени, но был он местный поляк. В городе, как он говорил, жила его мама. Однажды, когда нас отпустили из детдома, он пригласил меня пойти к ней. Жила она на втором этаже двухэтажного деревянного дома. Комната была темная, с небольшим окном. В ней стояли комод, кровать, а посередине – стол. Дома никого не было, но на комод я увидел фотографию красивой белокурой женщины. «Это моя мама», - сказал приятель, указывая на фотографию. «А хочешь, я тебе покажу ещё её снимки?». «Покажи», - ответил я. Он достал из нижнего ящика комода несколько фотокарточек, при взгляде на которые мне стало не по себе. На одной из них женщина, снятая в профиль, касалась языком мужского члена, на другой – лежащий на кровати мужчина держал свою руку между её ног. Были и другие снимки такого рода. Я был поражен: почему мой приятель, нехорошо смеясь и забавляясь, показывает мне эти фотографии своей мамы. Мне тогда было невдомек, какая у неё профессия, но, кажется, стало понятно, почему мальчик находится в детском доме, а не живет вместе с мамой. Было грустно и неприятно.

Карусель

Другим, тоже тяжелым воспоминанием того времени, был трагический случай, произошедший на аттракционах, расположенных на небольшой городской площади с булыжным покрытием. Гвоздём этих аттракционов была большая карусель, у которой на цепях свешивались скамеечки-сиденья для одного человека. Когда карусель крутилась, скамеечки и сидящие на них люди, отлетали в сторону на длину натянутых цепей. Кружиться на этой карусели было жутковато и очень увлекательно. Дух захватывало. Некоторые

¹⁸ Немецкая монета минимального достоинства.

мальчишки постарше старались дотянуться до того, кто был впереди и толкнуть его так, чтобы его цепи закручивались, и он ещё сильнее отлетал в сторону. И вот однажды такой «закрученный» мальчик сорвался с карусели и со всего маху упал на булыжную мостовую. Его окружила толпа. Он лежал в крови и ещё тяжело и судорожно дышал. К этому времени я уже многое повидал, но этот случай меня потряс.

Я ушел и больше уже никогда не приходил на эту площадь, на которой продолжала кружиться карусель.

Фюрер

Когда я еще находился в красных домах швейной фабрики в пригороде Лодзи, в кабинете начальника впервые увидел большой портрет Гитлера. Он был изображен в коричневой рубашке штурмовика, опоясанный портупеей, со свастикой на рукаве, с горящими глазами, устремленными к лишь ему одному видимой цели, и с подобием нимба над головой. В Таганроге представление о нем давали наши газетные карикатуры - в виде черепа с челкой и усиками.

В Лодзи же однажды на площади слышал по радио его речь, передававшуюся мощными усилителями. Площадь была заполнена тысячами людей, безмолвно слушавших этот резкий, истеричный голос. У меня возникло тягостное чувство страха, смешанного с каким-то любопытством. Содержание речи я, конечно, не понимал, но обратил внимание на то, как ее воспринимали окружающие взрослые люди. Я не видел у слушателей того восторга, который так часто показывали тогда в кинохрониках. Скорее это была напряженная урюмость и боязнь. А что еще можно было ожидать в оккупированной стране?!

Табачный генерал

Когда Надежда Викторовна забирала меня из детдома, то иногда, бывало, просила сходить за папиросами в одну недалеко расположенную маленькую табачную лавочку в полуподвальном помещении. Надо было прямо с улицы по ступенькам спуститься немного вниз, при входе над дверью звякал колокольчик, и возникал ни с чем не сравнимый терпко-сладковатый, очень приятный аромат хорошего табака. В то время многие мальчишки моего возраста за неимением игрушек обожали красивые сигаретные коробочки, устланные внутри блестящей фольгой. Мы завидовали взрослым, которые могли достать сигарету из такой коробочки и закурить её. Но я и помыслить не мог, чтобы самому закурить: слишком дорогое это было удовольствие. Ведь в то время курили и сухие древесные листья, и еще бог знает что.

Так вот, хозяином этой табачной лавчонки был низенький дряхлый старичок с седыми бакенбардами и бородкой - бывший русский белый генерал, носивший обветшалый офицерский китель без погон. Ко мне как к русскому он относился хорошо. Однажды он достал из-за висевшей в красном углу комнаты иконы Божьей Матери, освещенной мерцающей лампадкой, платочек с хранившейся в нем русской землей. Развернув платок, он беззвучно заплакал, и слезы потекли по его морщинистым щекам в седую бороду. Постояв так молча, он бережно снова завернул землицу и положил ее на место, за икону, потом глубоко вздохнул, вытер слезы, опустил голову и, сев в кресло, погрузился то ли в воспоминания, то ли в дремоту. Я потихоньку вышел из комнаты. Жалко было этого старого человека, но я не понимал тогда трагедии его жизни.

Припоминаю и другое свое посещение этой табачной лавочки. Тогда у старика были гости, и он устроил для них импровизированное представление, в котором сам был единственным актером. Действие будто бы происходило поздно вечером на небольшой железнодорожной станции. Мимо станции, как бы за сценой, пыхтели и свистели поезда – очевидно, чайник на кухне, – а старик изображал, будто поднимается откуда-то снизу по винтовой лестнице: его голова, а потом и плечи стали появляться из-за высокой спинки стоящего посреди комнаты стула. При этом он пришепetyвал какие-то заклинания. Было жутко и интересно.

Кукольные представления

Дети во время войны тоже играют. И мы играли в разные игры. В Таганроге это были запуски гильз-ракет, в Лодзи же, где снаряды на улице пока не валялись, мы устраивали кукольные представления для сверстников и малышей. Надежда Викторовна научила нас с Игорем делать куклы для наших спектаклей. Для этого использовался старый телесного цвета плотный женский чулок. Разровняв его на столе, мы рисовали на чулке мелом в профиль голову и шею куклы, например, известного клоуна по имени Каспер-Нос – польско-немецкий Петрушка. Потом меловой контур прошивался мелкими стежками, вырезался ножницами, выворачивался наизнанку, туго набивался ватой и, наконец, голову разрисовывали красками: глаза, рот, нос, щеки. К голове прилаживали мочальные или нитяные волосы, в шею вставляли свернутую вокруг пальца картонку, чтобы можно было, надев ее на указательный палец, покачивать головой. Тем же способом изготовлялись кисти рук. Для платья бралась какая-нибудь закрывавшая руку кукловода цветная тряпица, и наш артист был готов к выходу на сцену. Во дворе ставилась ширма, маленькие, непритязательные, но нетерпеливые зрители усаживались напротив нее на землю, мы вставали с другой стороны ширмы, поднимали над нею руки с надетыми на них куклами, и импровизация начиналась. Пьесы мы заранее не писали. Действие и реплики сочинялись по ходу представления и в основном в ответ на бурную реакцию «зрительного зала», свято верившего в действительность происходящего. Было увлекательно и весело. Смех маленьких зрителей и «артистов» почти не смолкал. Иначе не было бы и действия.

Детдом близ г. Цвиккау

В начале августа 1944 года меня перевели из лодзинского детдома в другой, находившийся в Германии близ г. Цвиккау. Места там были замечательные: невысокие, пологие горы, покрытые густым еловым лесом, долины маленьких речушек, на плоскогорьях ухоженные поля. Детдом находился под горой в небольшом двухэтажном доме. Детей, девочек и мальчиков, которых привозили на сравнительно короткое время, было немного. Я попал в число его постоянных жителей, так как выполнял некоторую несложную работу. Например, я кормил и водил на прогулку большую овчарку палевого окраса, которая жила во дворе в большом вольере. Пес быстро ко мне привязался и слушался беспрекословно. Он очень скрашивал мою жизнь на новом месте. Иногда обнимешь его за шею, он лизнет и смотрит своими умными глазами, как будто все понимает. Становилось даже немного легче, будто с другом поговорил.

В мою обязанность входило также привозить хлеб, который я забирал прямо из пекарни, находившейся в небольшом поселке за ближайшей горой. Эта работа доставляла

мне адские муки. Они начинались в пекарне, где ни с чем не сравнимый запах свежеспеченного горячего, пышного хлеба мог свести с ума. Но хлеб упаковывали в большую кожаную сумку с запирающимся замком, и мне никогда не перепало ни кусочка, ни корочки. Вез я хлеб на четырехколесной тележке с небольшим дышлом для поворота передних колес. В гору я тащил за собой эту тележку по петляющему шоссе. Зато обратно вниз она летела как ветер. Я сидел с сумкой впереди и только успевал тормозить и поворачивать передние колеса, иначе легко можно было бы оказаться в кювете. По обеим сторонам шоссе росли яблони, усыпанные в это время года радужными яблочками. Много их было и в придорожной канаве. Но собирать падалицу было запрещено. Для сбора падалицы время от времени сюда проезжала специальная машина с людьми. Подгнившую падалицу они, конечно, не брали, и по пути в пекарню я иногда подбирал эти остатки, и тогда мне казалось, что я в жизни своей не пробовал ничего вкуснее.

В поселке за горой была и начальная школа. Но туда я ходил коротким путем, по широкой тропе вдоль опушки, как мне казалось, дремучего леса. Возвращался обычно в темноте. И вот спускаюсь я как-то под гору и вдруг слышу приближающийся частый, дробный стук копыт. Я замер на месте - из леса прямо на меня выскочил большой олень с ветвистыми рогами. Мы оба сильно испугались: олень, круто развернувшись, бросился обратно в лес, я же стремглав, перескакивая через толстые корни елей, помчался вниз к видневшемуся впереди дому, а в ушах звучало недавно прочитанное у Гёте: "Wer reitet so spaet durch Nacht und Wind?" ("Кто скачет так поздно сквозь ветер и ночь?")

В здешней школе я сказал, что учусь уже в четвертом классе, и никто не стал проверять. Новая школа была чище предыдущей. В классах по стенам висели портреты. Среди них я узнал профиль Вагнера по орлиному носу и, кажется, Гёте. Портреты обоих я видел еще у своего деда в Москве.

Помню, в классе хором разучивали протяжную песню о Лорелей (в русской литературе – Лорелея), о златокудрой русалке на Рейне. Много позже я узнал, что слова этой песни были известным стихотворением Гейне, написанным по мотивам старинной немецкой легенды. Но нам тогда говорили, что это народная песня, поскольку в нацистской Германии произведения Гейне, по происхождению еврея, были запрещены, и это стихотворение публиковалось безымянным.

Дисциплина в этой школе соблюдалась гораздо строже, чем в Лодзи: от учеников требовали тишины и абсолютного внимания. Если кто-либо из учащихся нарушал эти условия, то учитель при всем классе сек его у своего стола по заду или бил ребром линейки по пальцам с тыльной стороны. Это было очень больно. Получив однажды такое наказание, каждый старался избежать его повторения.

Как-то раз в детдом ненадолго привезли мальчика-словака моего возраста, вывезенного из Югославии. Мы с ним иногда уходили в лес, и он рассказывал об ужасах, которые творились в тех местах, где он жил. Там немцы на лесопилке распиливали пойманных партизан и вырезали на их спинах звезды. Почему его привезли в этот детдом и где находятся его родители, он и сам не знал.

В новом доме была комната, где на столах лежали предназначенные для детей книги и большие увлекательные альбомы с картинками о боях в России, Франции, Африке и других странах. Победителями на рисунках, конечно, всегда были немецкие солдаты. И в Сталинграде среди груд битых кирпичей вместо домов, и под Курском с горящими и перевернутыми танками, и в песках Сахары. Но мне запомнилась только книга, в которой

описывался захватывающий побег заключенного из лагеря ГПУ¹⁹ в Воркуте. Так я впервые узнал о существовании подобных лагерей. Конечно, я забыл бы об этой книге, если бы в дальнейшем, когда уже вернулся на родину, не стало появляться все больше подобных сведений, и от отца я узнал, что мой дядя Армен находится в лагере именно в Воркуте, а дядя Давид – на Колыме, и многое другое. Но еще страшнее и непонятнее были внушения в детдоме о причинах начала войны. Нам говорили, что гениальный фюрер начал войну с СССР превентивную, прямо накануне неизбежного нападения Сталина на Германию. Слышать это мне, русскому, было тяжело и страшно. Сам же я тогда думал, а не уловка ли это, чтобы снять с себя ответственность?

Уничтожение Дрездена

В конце января 1945 года меня перевели из закрывавшегося детского дома под Цвиккау в другой, находившийся в городе Литомержице (по-немецки Ляйтмериц), расположенном на реке Эльба. Добираться до нового места мне, 12-летнему подростку, разрешили самому, без сопровождающего. В Дрездене у меня была пересадка. Следующего поезда надо было ждать несколько часов, и чтобы скоротать время, я решил побродить по улицам города.

То, что я увидел, произвело на меня огромное впечатление. Это был старинный, не тронутый войной город-красавец. Вдоль улиц высились массивные здания с орнаментами и статуями. Такого великолепия я еще никогда не видел. Кругом было много площадей и скверов. Народ на улицах держался спокойно, было впечатление, что никто не спешит.

Устав бродить по улицам, я вернулся на вокзал и зашел в открытую дверь ресторана. Денег у меня не было, но я хотел в ожидании поезда где-нибудь тихо посидеть. За столиком недалеко от двери пил пиво молодой мужчина в штатском, спросив разрешения, я подсел к нему. В это время в зал вошли трое солдат в касках с автоматами на груди и бляхами гестапо поверх серо-зелёных шинелей. Один остался у двери, а двое других стали проверять у посетителей документы. Когда они приблизились к столику, за которым я пристроился, сидевший рядом молодой человек встал и вскинул руку в характерном приветствии. Солдаты козырнули ему и прошли дальше, не обратив на меня никакого внимания. Я же, переведя дух, так как понял, что человек за столиком сидел не просто так, заторопился на платформу.

В Литомержице меня никто не встречал, но я легко нашел новый детдом по адресу. На следующий день меня определили на работу в расположенную поблизости оранжерею. Я стал по распоряжению хозяина возить на тачке по проложенным вдоль теплиц доскам навоз и землю, которые потом раскидывал в нужных местах, сажал редиску и зеленый лук, закрывал саженцы на ночь застекленными рамами и делал другую подсобную работу. За это меня немного подкармливали.

Приближалась весна. Становилось теплее, и я уже меньше страдал от холода и пронизывающего ветра в своей ветхой одежде и коротких штанишках. Но продолжал мучить привычный голод.

Однажды в середине февраля мы с приятелем из интерната отправились в окрестности города, чтобы на пустых полях поискать подножного корма – забытую в земле брюкву или какие-нибудь другие овощи. На обочинах шоссе в некоторых местах уже появилась первая яркая зелень. В голубом небе плыли пушистые облака, и нежаркое еще солнце согревало

¹⁹ В Германии в 1942 году вышел кинофильм «G.P.U.».

тело и душу. И вдруг мы услышали отдаленный, но уже густой и тяжелый звук множества моторов.

В небе на горизонте, сначала в виде точек, появилось великое множество самолетов. Они быстро приближались, увеличиваясь в размерах, и вскоре заполнили своим гулом все пространство. Высоко-высоко бесконечными шеренгами шли тяжелые четырехмоторные американские бомбардировщики Б-17, «летающие крепости», которые мы раньше видели на картинках. Волна за волной они уверенно, грозно и неотвратно летели с юга на север, и остановить их никто не мог.

Через некоторое время с севера, куда шла эта бесконечная армада, стал доноситься рваный, ухающий звук. Земля загудела. Это были отзвуки творившейся в 60 км от нас трагедии – уничтожения города-красавца Дрездена.

Гораздо позднее я увидел обошедшие весь мир фотографии руин этого города, на которых трудно было определить, где раньше стояли дома, а где проходили улицы.

Так поработали «летающие крепости», роковой путь которых мы с приятелем видели в небе под Литомержицем.

Гибель английского летчика

В марте и начале апреля мы с тем же приятелем снова несколько раз ходили за город все с той же целью – поиска на полях чего-нибудь съедобного. Однажды на дороге, что шла меж полей, мы встретили одного русского в какой-то непонятной полувоенной форме и разговорились с ним. Оказалось, по его словам, что он - расконвоированный пленный (в это время были уже и такие, так как охранять всех было некому), который пытался было бежать на восток, навстречу Красной армии, немцы его схватили, однако по какой-то причине в концлагерь не упрятали.

Мы никаких вопросов ему не задавали – просто слушали его рассказ. И вот от него мы узнали потрясающий нас факт, что в Советском Союзе работающие люди получают по карточкам ежедневно по 800 граммов хлеба, а дети, вроде нас, – по 300 граммов. Нам же в течение всех лет и в Польше, и в Германии давали по 100 граммов на человека. Это всего лишь один кусок, который можно съесть сразу или разделить на две-три части и потом уже ни о чем другом, кроме этого куска, больше не думать.

Обсуждая эту встречу, мы продолжали свой путь меж полей. В голубом небе в это время на большой высоте появился одинокий самолет, и в воздухе, сверкая на солнце, закружились тонкие полоски фольги, сбивающие, как мы потом узнали, с толку радарное оповещение о налете. Вдруг мы увидели, что с неба упало что-то довольно крупное, серебристое. Испытывая острое любопытство и сладкий страх, я побежал к этому загадочно манящему предмету. Сначала я думал, что это неразорвавшаяся бомба и в любой момент готов был распластаться на земле. Но увидев, что к нему бегут несколько немецких солдат, я осмелел и уже без прежнего опасения последовал за ними. Оказалось, что это был сброшенный с самолета опустевший бензобак. Солдаты стали заправлять свои зажигалки остатками бензина, а я вернулся на шоссе, где меня дожидался мой более благоразумный друг. Когда мы уже повернули назад к дому, над шоссе появились два истребителя-охотника.

Английский летчик... Он вышел на вольную охоту и погиб. Скрюченное его тело с оторванной головой и торчащими из опаленной шеи жилами находилось примерно в 100 метрах от пылающего безумным жаром искореженного самолета. На летчике были бежевый комбинезон с короткими рукавами и штанинами и парусиновые туфли. На руках и ногах, как жуткие розовые цветы, раскрылись огромные лопнувшие волдыри с вывороченным горелым

мясом. В воздухе стоял тошнотворный запах паленого мяса. Собравшиеся вокруг самолета люди стали искать голову пилота, но, к моему облегчению, не нашли. Зато нашли полевую сумку с сохранившимися картами и документами. Кто-то прочел имя и возраст этого англичанина. Он был всего лишь на шесть лет старше меня.

А ведь все могло произойти совершенно иначе. Он вместе с другим летчиком вел охоту вдоль шоссейных дорог. На бреющем полёте они расстреливали всё подряд: и брошенные машины, и бегущих к спасительным укрытиям людей. Эти истребители пронесли мимо нас и пошли на разворот, а мы с приятелем в это время сломя голову кинулись к находившемуся около шоссе небольшому окопчику. Я заметил, что один из самолетов уже вышел из разворота и идет прямо на нас. В последний миг, падая вслед за приятелем в окоп, я увидел, как ко мне стремительно приближаются фонтанчики земли, поднятые пулеметной очередью. В укрытии уже находились два немецких солдата. Один из них был раненый, с перевязанной рукой и головой. Обоих била крупная дрожь. А мы, несмышлёныши, как только самолет пронесся мимо, выскочили из окопа посмотреть, что делается вокруг. На шоссе пылали машины. А в одном месте горел тот самый сбитый кем-то английский самолет. Другой улетел. И хорошо для нас, что он не вернулся.

Два солдата

В апреле 1945 года, когда власти уже не обращали внимания на бесчисленных беженцев, в дом, где в Литомержице в это время уже жили Надежда Викторовна с Игорем, сумели приехать обе ее дочери. Позвали и меня, так как Надежда Викторовна всегда знала, где я находился. Близился конец войны, и нам всем надо было держаться вместе.

Как-то раз к дому, где мы жили, подошли два человека в полосатой арестантской одежде. На ломаном немецком языке они попросили попить, но один из них сказал другому что-то по-русски. Это были русские военнопленные из лагеря, охрана которого, страшась возмездия за свои злодеяния, разбежалась, предоставив пленным их судьбе, и те разбрелись, еле передвигая ноги. Они могли идти, куда хотели, и шли, куда глаза глядят.

Один из пленных был высокий и костистый, другой - пониже ростом, тихий. Оба они были настолько худы, что казалось невероятным, как они могут еще передвигаться. Мы завели их в дом. В комнате сразу повис тяжелый запах невымытых, заживо гниющих тел. Дали воды. Пили они долго, с трудом глотая воду. Потом Надежда Викторовна выложила на стол всю еду, какая только была в доме. И мы, тоже вечно голодные, молча, с состраданием глядели на этих солдат, не зная, как еще им помочь. Немного поев, высокий, бывший рядовым, стал рассказывать о себе и о своем молчаливом товарище – младшем офицере. В плен они оба попали ранеными, оглушенными боем. Командир был контужен близким разрывом снаряда. Из лагеря, где они находились, пленных водили на земляные работы.

Я сам видел эти полосатые колонны под конвоем мордастых автоматчиков с остервенело лающими овчарками. Иногда собак спускали, и они грызли пленным ноги. У высокого на месте икры был страшный, красный «звездный» шрам от вырванного овчаркой куска мышц. В лагере на нарах каждую ночь кто-нибудь из своих умирал от истощения или болезни.

Таня предложила солдатам теплой воды, мыло и большой таз, чтобы обмыться, и они приняли это с большой благодарностью. Когда сняли полосатые куртки, то еще больше ужаснули нас своей худобой – это были живые скелеты, обтянутые темной от грязи кожей. Потом они долго спали на полу, а проснувшись, снова немножко поели и собрались идти дальше, куда - они и сами не знали. В то время бесчисленные массы людей куда-то шли,

откуда-то уходили. На дорогах было много людей с тачками и какими-то жалкими пожитками. Кругом стояли пустые, оставленные жителями дома. А на дорогах повсюду валялись брошенные вещи и машины. И наши солдаты влились в этот людской поток в надежде найти путь домой. А путь этот оказался долгим, тяжелым и горьким.

Клад

Однажды под вечер перед домом, где мы жили, остановился сильно запыленный опель. Из машины вышел высокий офицер СС. Застегивая на ходу свою серо-зеленую длинную шинель, он быстро поднялся на второй этаж, где жила хозяйка дома фрау Г. Рано утром он уехал так же внезапно, как и появился. Соседи по улице сказали, что это был сын фрау Г.

На следующий день эта пожилая высокомерная немка поманила меня пальцем со второго этажа и, когда я поднялся, провела меня в свою комнату и велела взять приготовленный увесистый кожаный мешок. Потом надо было во дворе прихватить лопату и следовать за ней. Она привела меня в дальний угол окружавшего дом сада и приказала рыть яму. Я долго пыхтел, а она молча стояла надо мной. Наконец яма глубиной около метра была готова, и хозяйка положила туда принесенный мешок, после чего велела мне яму засыпать, а землю разровнять.

На следующий день она исчезла. Я догадывался, что хозяйка спрятала что-то важное. Но в то время игра в клады меня уже мало интересовала, а откапывать чужие вещи мне и в голову не приходило.

Позже я понял, что фрау Г. закопала там свои или сыном где-то прихваченные драгоценности или документы, которые они оба, опасаясь задержания при своем бегстве на запад, не рискнули иметь при себе.

В конце войны

В середине апреля 1945 года, а может немного раньше, в северном пригороде Литомержица по приказу немецких военных властей окрестные жители поставили поперек шоссе дороги противотанковые заграждения - толстые бревна, уложенные между вбитыми в землю сваями. На стенах домов появились плакаты Геббельса: "Wir kapitulieren nicht!" («Мы не капитулируем!»). Тогда же пришло сообщение о внезапной смерти Рузвельта. Оно всколыхнуло агонизирующих нацистов, возбудив в них надежду - о чем говорили даже на улице - на сепаратный выход из войны по сговору с западными союзниками. Но их иллюзии быстро рассеялись. В то же время немецкая военная кинохроника показывала упорные, ожесточенные бои на восточном фронте. Там сосредоточились почти все оставшиеся силы Вермахта. На западном же фронте, по слухам, шли лишь вялые перестрелки, и немцы там массово сдавались в плен.

В нашем городе пока стояла тишина, будто войны уже и не было. Но появился признак безвластия - мародерство. На находившихся недалеко от нас железнодорожных путях жители самовольно открыли несколько товарных вагонов и стали растаскивать обнаруженное в них добро. Я тоже принял в этом некоторое участие - подхватил брошенные кем-то новые коричневые боксерские перчатки - это была моя мечта, и коробочку с круглыми, как таблетки, леденцами. Помню, как вдоль рельсов, не обращая ни на что внимания, понуро шли три пожилых немецких солдата с автоматами за плечами. При немецкой аккуратности и

дисциплине это был явный признак развала недавно ещё такой грозной армии. Но, насколько я помню, простые немцы до самого конца войны, несмотря на сокрушительное поражение, в большинстве все так же были помешаны на своем фюрере и убеждены в своем превосходстве над другими народами. И, наверное, лишь прошедший впоследствии Нюрнбергский процесс открыл им глаза на природу и методы власти, при которой они жили.

В начале мая из Праги по радио раздались призывы к восстанию, к сопротивлению немцам, которые еще не сложили оружие. Под занавес войны чехи поднялись на вооруженную борьбу. Вскоре в радиоприемнике раздались звуки выстрелов и крики людей. Затем их сменили немецкие марши. В это время стало известно, что находящаяся на шоссе в направлении Праги американская танковая колонна на помощь пражанам не движется, а Красная армия от города еще далеко.

В какой-то момент пражское радио возобновило отчаянные призывы о помощи и снова отключилось. Потом говорили, что чехам помогли какие-то власовцы. Тем временем над Литомержицем на малой высоте промчалось несколько советских самолетов, которые сбросили большое количество листовок на немецком языке с требованием в 24 часа разобрать все противотанковые заграждения, иначе город будет сровнен с землей. И те, кто поневоле строил эти заграждения, с радостью кинулись их разбирать. Потом кто-то сказал, что видел пронесшихся по городу русских мотоциклистов, а на следующий день 10 мая с севера по шоссе потянулся обоз усталых соломой телег со спящими на них красноармейцами. Так буднично в город входила армия победителей. Некоторые пожилые местные жители, в основном чехи, окружали отдельных солдат и заводили с ними разговоры, перемешивая и коверкая, чтобы было понятнее, славянские и немецкие слова. Один высокий сержант рассказывал, что власовцев они в плен не берут, а расстреливают на месте. И тут я вспомнил, что совсем недавно, почти в конце апреля, меня на улице остановил какой-то человек и спросил по-русски: «Ты русский?». Я ответил: «Да». Тогда он позвал меня с собой, и я из любопытства пошел за ним. Он привел меня в двухэтажный дом, и мы спустились в полуподвальное помещение. Все комнаты там были заполнены солдатами в странной для меня полунемецкой форме, говорившими на смешанном украинско-русском языке. Многие лежали на деревянных двухъярусных нарах и были пьяны. Стоял шум, крики, ругань, и везде валялось много всякого оружия. Я подумал: «Ну, все. Завел меня, и теперь мне отсюда уже не выйти». Но получилось по-другому. Человек, который меня привел, дал мне буханку черного хлеба – сокровище, равного которому для меня тогда не было, и ещё очень большой кусок колбасы и вывел на улицу со словами: «Иди, но никому о том, что здесь видел, не говори». Я только кивнул, так как язык меня не слушался, и побежал к дому, где мы жили.

Колесо Фортуны

«Домой, домой, к маме», – стучало в голове. Четыре года я не смел об этом думать и в 12 лет стал в силу обстоятельств почти взрослым человеком, который, работая, мог уже прожить один. Лишенный внимания и любви, я перестал, как мне казалось, в них нуждаться. И вдруг в моем сознании ярко вспыхнула надежда снова увидеть маму, снова вернуться в тот беззаботный мир, который я потерял с началом войны. В том, что мама и брат Леня в Москве, я не сомневался. Иное невозможно было и допустить. Ведь они оставались там, когда меня увезли в Таганрог, и непременно должны были быть на месте. Вокруг меня шла война, гибли люди, свирепствовал голод, но там, дома, все, несомненно, оставалось таким же, как при моем отъезде.

Но Москва была так далеко от Эльбы, от Литомержица. Было даже неизвестно, в какую сторону и как ехать. И все же главным тогда было, что семья Надежды Викторовны и я собрались вместе и решили немедленно покинуть город. В это время толпы немцев - стариков, женщин с детьми, не говоря уже о солдатах, в ужасе бежали на запад, чувствуя близость расплаты за злодеяния своих войск на востоке. Так получилось, что первое наше движение было, как потом выяснилось, в западном, то есть ошибочном направлении. Поклажа у нас была так мала, что не отягощала пешего хода по шоссе. Однако, когда все приустали, мы с Игорем стали махать руками проходившим мимо машинам, и одна из них подобрала всех нас в свой крытый брезентом кузов. Но ехать пришлось недолго: неожиданно со звуком выстрела лопнула шина переднего колеса, и машина съехала на обочину. Водитель, немецкий солдат в форме, стал менять колесо, а мы вылезли из кузова и, разговаривая, стояли на шоссе. В этот момент рядом остановился встречный грузовик-студебеккер. В нём находились красноармейцы и пели мою любимую песню про Катюшу. Они услышали нашу русскую речь и позвали к себе. Без раздумий мы забрались в их машину и поехали в обратном направлении. Теперь уже на восток, в Прагу. Так лопнувшее колесо оказалось нашим «колесом фортуны», и всё стало на свои места. Между тем, красноармейцы открыли несколько банок свиной тушенки, нарезали толстыми ломтями черный хлеб (куски хлеба такой толщины я не видел четыре года) и стали нас кормить. Так мы доехали до Праги. Прошло много лет, но то первое угощение и песня «Катюша» остались для меня незабываемым и дорогим воспоминанием навсегда.

В Праге, которую мы почти не видели, на вокзальной площади меня поразила встреча с одним солдатом, гимнастерка которого была увешана несколькими рядами орденов и медалей. Он стоял на перекрестке в надраенных сапогах и, весело поглядывая вокруг, время от времени разглаживал свои русые усы.

Я остановился перед ним как замороженный, а он подмигнул и погладил меня по голове: дескать, ничего - жизнь продолжается.

На вокзал нас привели к поезду, который был готов к отправлению, те же солдаты, которые подхватили в свой грузовик на дороге. Они же договорились с кем-то, чтобы нас, как попутчиков, посадили на одну из двух открытых железнодорожных платформ, на каждой из которых стояло по два прикрытых брезентом танка. Их везли в тыл на ремонт. Сопровождали машины несколько танкистов. Наш путь лежал на Будапешт, затем Бухарест и, наконец, через Яссы в Кишинев и Одессу.

В Будапеште наш состав довольно долго стоял в непосредственной близости от берега Дуная, и многие с поезда, в том числе мы, воспользовались этим, чтобы помыться в реке. Однако «голубым», как у Штрауса, Дунай тогда назвать было трудно: бурая река текла в берегах, сплошь покрытых развалинами великолепных ещё недавно домов. Два-три месяца тому назад в этом городе шли ожесточенные бои. А сейчас сияло солнце и будущее казалось светлым.

Смерть танкиста

Смерть танкиста, сопровождавшего танки в тыл, произошла в Румынии, во второй половине мая. Война закончилась, и много народу без каких-либо документов, без соблюдения государственных границ свободно передвигалось по всей Европе. Освобожденные из фашистского плена люди - военнопленные и гражданские, угнанные немцами на работы в Германию, возвращались в свои страны, и мы были в их числе, тоже ехали домой и не знали, что нас там ждет – горе или радость, кто из родных остался жив, и

как мы будем жить дальше. Но вопросы отступали перед стремлением «домой, домой» и верой в то, что родные тоже остались живы. Мы чувствовали себя птицами, вырвавшимися из клетки в широкое небо. Все наши беды, казалось, остались позади, а в моей груди все время звучало: «К маме!».

Но наш состав шел медленно и к тому же часто и подолгу стоял. Однажды во время такой остановки послышался отдаленный стрекот автоматов и глухие разрывы то ли гранат, то ли мин. Время было еще беспокойное. Местами происходили стычки с отдельными пробивавшимися на запад немецкими частями, в основном остатками войск СС, которым терять было нечего, так как красноармейцы в плен их брали неохотно.

Постояв, поезд снова продолжал двигаться на восток. Танкистов на нашей платформе было трое – два молодых парня и один человек постарше. Последний год они воевали вместе и были друг другу как родные. Тот, что постарше, Сергей Иванович, водитель танка, был из Рязани, где его ждали жена и трое ребятишек. Он любил поговорить о них, вез им нехитрые трофейные гостинцы и надеялся получить отпуск, чтобы побывать дома. Два других танкиста, Паша и Николай, были ребята холостые, веселые и бесшабашные. С окончанием боев они как бы вернулись в свой недогулянный довоенный возраст – дурачились, балагурили, в общем, радовались тому, что целы и молоды, и, как они говорили, очень ждали в своей стороне встреч с девушками. Но тех, что ехали на платформах, не обижали, жалели. Был даже случай, когда находившиеся при составе для его охраны два солдата, которых наши танкисты почему-то называли «разведка», на одном полустанке сильно избили какого-то пьяного майора, который, размахивая револьвером, кричал ехавшим с нами женщинам: «Мы вас освободили - теперь ложись». В самой Германии, по доходившим до нас слухам, солдаты с немками особенно не церемонились.

В Бухаресте репатриантам в счет контрибуции с Румынии давали довольно крупные суммы денег. Но нам сказали, что ввиду опоздания на один день куда-то и к кому-то (и это в середине мая!) никаких денег для нас не осталось, и мы продолжали пользоваться щедростью наших танкистов. Они подкармливали нас свиной тушёнкой, чёрным хлебом и варёной картошкой, а ещё супом, который приносили в котелках со своей солдатской кухни, находившейся в одном из вагонов этого поезда. Такая еда по тем временам была роскошной.

С танкистами мы, мальчишки, быстро сдружились и подолгу просиживали у них в танке. Все было интересно - и пушка, и пулемет, и водительские рычаги. Только очень уж тесно было даже для нас, малогабаритных, в этих танках: просто не повернуться, чтобы не набить себе шишку. И как только эти ловкие парни здесь управлялись, да еще на ходу и в бою?!

После Бухареста поезд однажды весь день простоял на какой-то небольшой станции. Как обычно, у состава собрались окрестные жители, и начался оживленный товаро-продовольственный обмен. Бумажным деньгам не очень доверяли. Лепешки, картошка и даже сало менялись на трофейное барахло, самодельные солдатские зажигалки из гильз и всякую другую всячину - все с собой что-нибудь да везли. Ведь немцы в страхе перед Красной Армией бросали свои дома со всем имуществом и бежали на запад. Не каждый мог пройти мимо брошенного добра, тем более что солдаты слышали и знали, как некоторые начальники, особенно званием постарше, вывозили все подряд целыми вагонами, а у них, у солдат, за плечами был только вещмешок, да на руки можно было надеть несколько пар часов, которые тогда в народе считались признаком богатства.

На толкучке вокруг состава местные жители из-под полы вытаскивали литровые бутылки мутного самогона. Но тем, кто в огне не сгорел, самогон, казалось, был не страшен, и его хорошо брали. Однако в общении с румынами чувствовалась напряженность. Они смотрели на наших солдат исподлобья, недружелюбно. Это были вчерашние, может быть, еще не

остывшие враги. Одна пожилая румынка продала нашим танкистам несколько синюшного цвета бутылок самогонного спирта - как потом оказалось, древесного, не питьевого. Она, наверное, знала, что делала и, может быть, делала это не в первый раз. Поэтому позже сопровождавшие поезд разведчики ее так и не нашли. Между тем Сергей Иванович и Коля, на радостях, что едут домой, изрядно приложились к самогону и залезли в танк, чтобы отдохнуть от базарного шума. Позже Паша, который с ними не пил, заглянул в машину и, увидев, что Сергею Ивановичу плохо, вытащил его на платформу, на свежий воздух. Однако тому становилось все хуже и хуже. Его рвало как будто грязной мыльной пеной, речь стала как-то особенно бессвязной. Но он успел сказать, что в глазах у него совсем темно. Николай Паша нашел во втором танке и также вытащил его на платформу. Тот тоже почти ничего не видел. Медицинской службы ни при составе, ни на полустанке не было, и Таня, имевшая некоторый медицинский опыт, стала промывать отравленным желудки и колоть имевшиеся у нее для своей мамы ампулы камфары для поддержания работы сердца. Но состояние танкистов, особенно больше выпившего Сергея Ивановича, не улучшалось.

Настала ночь. Поезд уже шел полным ходом. Танкисты лежали на платформе между своими машинами, а мы беспомощно сидели рядом. Никто не спал.

Я находился у изголовья Сергея Ивановича и видел каждое его движение. Ближе к полуночи изо рта у него пошла пузырями сине-фиолетовая пена, он вдруг весь напрягся, затем вытянулся и... затих. Паша, увидев это, сразу как-то согнулся, его заколотило в беззвучных рыданиях. Потом он вскочил, схватил свою ракетницу и, размазывая кулаками неудержимые слезы, стал палить в черное небо цветными ракетами и бессвязно выкрикивать: «Сергея, я найду их та...та...та... Убью...», «Всю войну прошел»... На какое-то время он затихал. Потом снова вскакивал, бегал по раскачивающейся на ходу платформе и кричал – вспоминал бои и как дважды вытаскивали друг друга из горящих танков, как в поле вместе хоронили командира. Слезы все текли по его щекам, но он их не замечал. Сергей был ему как старший, надежный брат. Оба они сражались и терпели все невзгоды. Это было тогда сутью их жизни. И вот перед ним снова черная пустота - снова потеря близкого человека. «Что я скажу его жене и детям? Отвоевал, ехал домой и погиб ни за что?». С этим трудно было смириться.

Настало утро. Лицо Сергея Ивановича стало неузнаваемым – фиолетовым, страшным. На стоянке пришли два солдата-санитара, накрыли тело плащ-палаткой и унесли на носилках. Николай остался жив, но ослеп. Его отвезли в медсанбат.

Пересыльный лагерь в Кишиневе

Эшелон шел из Ясс на Кишинев. Ночью он пересек государственную границу между Румынией и СССР и был остановлен для досмотра немногих попутных пассажиров. На нашей платформе появились пограничники. Освещая лица карманными фонариками, они спрашивали, что мы везем? Но у нас никаких вещей не было, так что и показывать было нечего. И все же у Игоря они нашли альбомчик с почтовыми марками и забрали его.

Утром поезд прибыл в Кишинев. Всех попутчиков организованным порядком под конвоем отвели в выстроенный на пустыре, огражденный колючей проволокой лагерь для своих бывших военнопленных и перемещенных лиц. Никаких строений, кроме сарая для начальства, в огороженном месте не было, зато снаружи вдоль колючей проволоки ходили автоматчики. Так мы снова - теперь уже в своей стране - попали в заключенные. Было очень горько. Не этого ждали натерпевшиеся от немцев освобожденные люди. Все сидели и лежали на голой земле поодиночке либо маленькими группами. Были уже протоптаны

тропинки к начальническому сараю и отхожей яме за дощатым прикрытием. Между людьми ходили и вели опросы младшие офицеры. Стали расспрашивать и нас, взрослых и меня с Игорем, но каждого в отдельности. Я сказал, что сам из Москвы, да вот перед войной оказался в Таганроге, а оттуда был угнан в Германию. На свое счастье я все четыре года помнил номер нашего с мамой домашнего телефона и, конечно, назвал его лейтенанту. Некоторое время спустя он снова подошел к нам и сказал: «Мы звонили Евгении Леонидовне, твоей маме. Она жива и здорова. Мы ей сообщили, что ты вот здесь и скоро приедешь домой». В этот момент со мной случилось что-то странное: мне стало не хватать воздуха, и я начал задыхаться. Удивляюсь, как я тогда остался жив. Вскочил, кинулся куда-то бежать, с размаху упал на камни и снова вскочил, не почувствовав боли. Было какое-то временное помешательство. После этого звонка всех нас очень быстро выпустили из лагеря и разрешили ехать дальше, домой. Не всем так повезло, как нам. Некоторые бывшие военнопленные говорили, что они находятся здесь уже несколько недель. Позже я узнал, что не все возвращались к себе домой – многих отправляли в Сибирь. Как тут было не вспомнить зашедших к нам в дом в Литомержице двух наших почти умирающих от истощения солдат, военнопленных? Как сложилась их судьба?

Нам же выпало большое счастье: моя мама успела сказать лейтенанту, что ее дядя, муж Надежды Викторовны, Анатолий Дмитриевич Покровский, после сражения под Сталинградом был по возрасту демобилизован и сейчас находится в Таганроге.

Из Кишинева в Одессу мы ехали уже в обычном пассажирском вагоне. Одесса встретила проливным дождем. На вокзале было полно народу, и мы в ожидании поезда на Таганрог нашли в ближайших домах арку, где можно было укрыться от ливня, но, к сожалению, не от бежавших по улице потоков воды. Поздно вечером, уже в темноте, родственники напомнили, что сегодня 4 июня и мне исполнилось 13 лет. Прошло четыре страшных года, но теперь я уже знал, что не один на целом свете, что дома меня ждут мама и брат.

Возвращение

В Таганрог за мной приехал отец. Ночью, когда я спал на полу, в комнате зажгли свет, и я увидел, что за столом с другими взрослыми сидит незнакомый мужчина. Потом я его узнал – это был мой папа Грант. Но я почему-то не испытал никакого волнения. Утром мы с отцом поехали на вокзал, но отправились не в Москву, как я ожидал, а на юг, в город Дербент, где в это время в тюрьме находилась тетя Лена – папина сестра. Она работала на вино-водочном заводе, и ее взяли под следствие за какую-то якобы проявленную ею халатность. В это время ее шестилетнюю дочку Сирануш, худенькую, наголо обритую девочку, которую некуда было деть, взяли к себе знакомые тети Лены. Отец рассказал мне потом, что тетя Лена была химиком, человеком в профессиональном отношении очень аккуратным, дотошным и кристально честным. Так что ни о какой ее халатности не могло быть и речи. Но на заводе обнаружилась крупная растрата, и виноватое в ней руководство решило свалить вину на тетю Лену. Отец мой не раз бывал в тюрьме, где она сидела, и делал все возможное, чтобы вызволить ее оттуда. В конце концов у него это получилось, так как вскоре тетя Лена оказалась в Москве, в отцовской комнате на улице Малые Кочки.

Несколько раз отец по делам сестры бывал на вино-водочном заводе и однажды прихватил меня с собой. Мы пришли в большое помещение, в котором стояли длинные столы, вокруг которых сидели работницы и наклеивали на бутылки этикетки. Отец попросил женщин присмотреть за мной и ушел. В этом зале на подставках лежали огромные темно-коричневые бочки. У каждой внизу был кран, похожий на водопроводный. Чтобы чем-нибудь

заняться, я стал помогать наклеивать этикетки. В это время в зал вошел высокий крепкий человек в куртке, наверно, шофер. Подойдя к одной из бочек, налил себе полный стакан светло-коричневой жидкости, похожей на крепкий чай, залпом выпил ее, пошутил с работницами и ушел. Мне показалось, что он выпил что-то очень вкусное, поскольку сразу повеселел, и мне захотелось тоже попробовать этот, видимо, сладкий, напиток, тем более что женщины со смехом меня подначивали. Я налил себе в стакан из той же бочки немного приятно пахнувшей жидкости и, как тот шофер, опрокинул в рот. Глаза мои, казалось, выскочили из орбит, дыхание парализовало и внутри будто все обожгло нестерпимым огнем. Это был коньячный спирт. Да еще на пустой желудок. Одна из женщин быстро дала мне воды, и я стал приходить в себя. Очень скоро мне сделалось легко и весело, кружилась голова и появилась неуверенность в том, что вертикальное положение тела удобно и устойчиво. Я опьянел. Женщины веселились. Вернувшийся отец, пожурив их за недогляд, отвел меня, веселого, домой. Вскоре мы с ним сели в поезд на Москву.

* * *

В Москву я вернулся 24 июня 1945 года, в памятный день парада Победы и народного ликования на Красной площади. Это была для меня еще одна точная дата в цепи событий того времени. Между отъездом и возвращением в Москву прошла почти вся моя осознанная тогда жизнь. И хотя я не был еще взрослым, для меня жизнь долго потом делилась на «до» и «после» войны.

Из метро мы с отцом вышли на хорошо знакомую мне с довоенного времени Арбатскую площадь, и я сразу почувствовал себя дома. До Тверского бульвара, где у Софьи Моисеевны в это время жили мама и Леня, мы доехали на трамвае. Дверь в квартиру открыла сама мама, и я был поражен тем, что она стала маленькой, меньше меня ростом. В голове и в груди разбушевалась буря, которая позднее в этот день вылилась в нервный срыв. И потом я долго еще привыкал к новой, иной жизни с ее строгой печатью молчания²⁰ о том, почему у меня были такие долгие «каникулы».

Послесловие

В моем военном детстве все было просто, буднично и страшно в своей обыденности. Гибель была кругом и могла застигнуть в любое время. Но среди хаоса и ожесточения я остался цел. Мне повезло необычайно: после четырех немислимых лет я вернулся к родителям. Но шрам войны был внутри меня, и понадобились вся любовь, такт и долготерпение моей доброй и умной мамы, чтобы исцелить искалеченную душу и сгладить, как только можно, тяжелые воспоминания четырех ужасных лет. И постепенно я пришел в себя.

2012 г., Хьюстон

²⁰ В условиях всеобщего страха в стране в сталинское время.

ПОЭЗИЯ

Алла Дронова (Королев)

Знакомство

Зима. Аллея. Он. Она.
Мелодия напевная.
В сердцах – надежда и весна.
Знакомство.
Встреча первая.

Его слова. Её слова...
Без них нельзя, наверное,
И закружилась голова...
Знакомство.
Встреча первая.

Он и она. Сугроб. Лыжня.
Леса заиндевелые.
Прогулка на закате дня.
На лыжах встреча первая.

Их двое. И рука в руке.
Пожатия несмелые.
И отраженье в ручейке.
С весною
Встреча первая.

Долгожданная встреча

Мы наконец-то снова вместе!
И мы опять с тобой вдвоём,
И я – жена, а не невеста,
И полон радости наш дом.

Как долго этой встречи ждали
Глаза, и губы, и сердца.
Считали ночи, дни считали.
Казалось - нету им конца.

О, волшебство сомкнутых рук!
И стук сердец,
Одно дыханье ...
О нём мечтали в дни разлук,
Борясь с нахлынувшим желаньем.

И наша радость бесконечна,
И нежностью полны сердца.
И этот праздник жизни вечной
Пусть будет с нами до конца.

Весеннее настроение

1
Я иду, очарована ласками
И приметами юной весны,
И как будто заслушалась сказками,
Будто всё это – только лишь сны.
И весёлая песнь воробьёв
Разлилась соловьиною трелью,
Чашу чувств долила до краёв,
А прольётся она с первой зеленью.

2
Сердце девичье так таинственно
И весною ему пробуждаться.
Только надо, чтоб тот, Единственный,
Пробуждения смог дожждаться.
Надо чуть подождать...
И окажется,
Что не только птицы поют.
Но и сердце её отважится
Спеть весеннюю песню свою.

Тридцать лет спустя

А помнишь?
Это было так недавно,
Когда вдвоем мы плыли на байдарке
По водной глади серебристо-яркой,
Не замечая никого вокруг.
А помнишь этот вечер у костра,
Когда поленья звезды рассыпали?
Друзья уставшие в палатках засыпали,
А тот огонь с тобой мы берегли.
А помнишь
Ту походную палатку,
Что нас от холода и ветра укрывала?
На пятерых - одно лишь одеяло.
Ты согревал меня дыханием своим.
Ты помнишь?
Это было так недавно -
Каких-то три десятка лет назад...
Тогда впервые я «люблю» сказала.
Сегодня я скажу тебе:
«А помнишь?..»

* * *

Мы встретились –
Мне было лишь семнадцать.
Умчались беззаботные года...
И странно мне
Самой себе признаться,
Что не была я
Влюблена в тебя тогда,
Что приходила на свиданья
С опозданием,
Что просто нравился мне
Твой весёлый нрав,
И - больше ничего...
И лишь с годами

Я поняла, как ты тогда был прав.
Был прав, когда
Меня не торопил,
Не дал мне повода
Любовь твою отвергнуть
И терпеливым ожиданием своим
Дал чувству моему окрепнуть.
И я тогда не сразу поняла,
Что ты - моя судьба и откровение,
Что ты мне, словно птице - два крыла,
Что ты - моя любовь и вдохновение.

Незнакомки

Не приходилось ли вам, друг,
Однажды встретить Незнакомку?
В ней всё таинственно. А вдруг
Сама судьба уйдёт в сторонку?
В ней всё таинственно для вас –
И красота, что скрыта где-то,
И глубина бездонных глаз
Напомнят вам стихи поэтов...

Да, незнакомок воспевали,
Хотя они земными были.
И не везде их замечали,
И, может, не всегда любили.
Но для того, для Одного,
С чьим взглядом
Встретилась случайно,
Когда и не ждала его,
Она навек осталась тайной...

Пусть сбудутся мечты о ней –
О той недавней Незнакомке,
Пусть станет ближе и родней,
И свадьбы песни будут звонки!
О, Мудрость, дай же ей совет,
Как сохранить любви законы,
Что б даже через много лет
В ней что-то было незнакомо.

Маме

Не тревожься, родная,
За правнучку свою.
Я тебя понимаю –
Дай мне ношу твою.

Испытала немало
Ты в лихие года
И меня поднимала
Как могла ты тогда.

Эхом всё отозвалось
В поколении том.
И тревожность осталась
В сердце слабом твоём.

И вот эта тревожность
Беспокоит тебя...
Трудно быть осторожной,
Всех нас крепко любя.

Ведь и мы тебя любим.
Ты за всё нас прости.
Верь – плохого не будет,
Мы на верном пути.

Не тревожься, родная,
Ты себя береги.
Мы тебя понимаем,
Ты нас тоже пойми.

Сыну

О чём-то шепчешься с гитарой
Ты в этот поздний-поздний час?
Иль вспомнил случай давний, старый,
Что вдохновил тебя сейчас?
Или на улице привычной
Ты встретил непривычный взгляд
Той девушки, что всех обычной
Тебе казалась год назад...

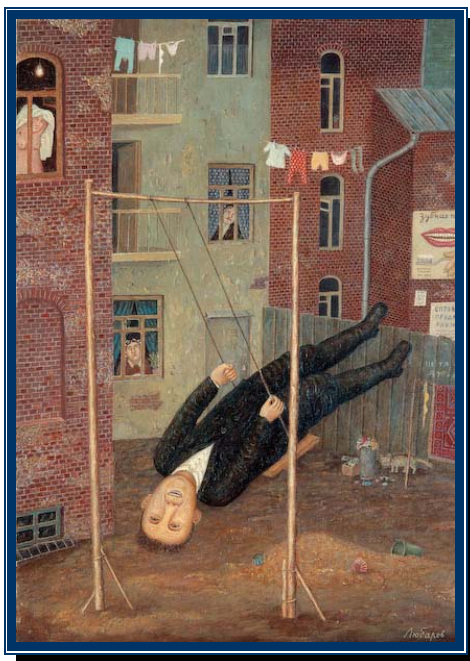
Так тихо, нежно льются звуки,
Как лунный - музыкальный свет.
О чём они? То ли о разлуке?
То ли о встречах юных лет?
Твоя душа с душой гитары
Поют тихонько в поздний час.
Скажи мне, что же с вами стало?
Попробую понять я вас...

Уж полночь.
Спать давно пора.
В ответ ты лишь повёл бровями:
«Да разве стал бы я играть,
Когда бы мог сказать словами?»

Самый слышащий

В мире вокруг нас
каждое мгновение рождаются звуки.
Они нас могут радовать, могут
раздражать.
Какие-то из них мы отчетливо слышим,
а какие-то минуют наше сознание ...
Но один человек слышит то,
чего еще никто не слышал:
из многочисленных существующих звуков
он выбирает самые необходимые
и превращает их в музыку.
И вот она, эта музыка,
уже завладела композитором,
заслонив его от реальных шумов,
пустых разговоров
и других земных звуков ...

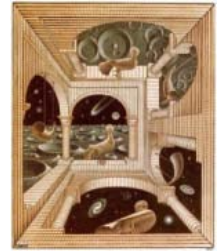
Он идет в толпе,
поглощенный своим состоянием,
а окружающие не могут понять,
почему этот странный человек
не слышит, что творится вокруг.
Глухой, что ли?
И невдомек им, что он
Самый слышащий из них.

Владимир Любаров. Понедельник, 1998. Холст, масло.

ПОЭЗИЯ

Борис Дрейдинк
(Гамбург)

Одеяло

Осень,
а правда, ты - Осень?
А эти рыжие листья – твои стихи?
А что тебе, милая, хочется? Спорим,
я догадаюсь. Лица строги, но
слышал я где-то - отдашь свою тайну
только тому, кто войдёт в тебя сладко,
по разноцветному кружеву тонкой ткани,
платью, что сброшено впопыхах. Странно
быть у природы в любовниках. Страшно,
неведомо. Стой, не снимай всё –
как горько мне будет, если мечтанья
окажутся бредом. Если под сеткой ночной паутины
вдруг я увижу не сказку земную.
Вдруг я коснусь под дурманящим пледом
чего-то простого, не главного, следом
потянутся мысли, сомнения,
серая горечь привычного быта,
ложь недозревших плодов. Неумытая
грусть,
как туманное утро в постель к нам запросится.
Станем вплетать в наши волосы взгляды -
зачем это всё? И не нужно бы
было. Гораздо нежнее и любезнее
просто уйти, не оставив друг другу
малейшей надежды на белую зиму.
И чистые песни запишет кассета
на память,
и будем зимою бесснежной мы слушать
осенних ветров разудалую музыку. Нет.
Всё неправда. Не встретимся больше
мы, Осень. Ты - новая
будешь в год всякий, а я –
сладко сожму тебя. Стисну в объятиях

эту минуту последнюю. Тёплых
одежд одеяло не сброшу,
ласковых пальцев твоих не целую,
упаси тебя Боже – пожелать мне хорошего,
хочу ещё встретить тебя,
другую.

Полупроза, полустих, полужалко, полунихт

Смешно.
Когда меня нет,
я живу.

Смешно.
Когда тебя нет,
мы близки более,
чем если ты рядом.

Смешно. Когда рядом никого – я живу.
Когда рядом – живое тепло,
я напрягаюсь и не знаю, что делать.
Смешно.

Смешно.
Когда ты рядом – мне не хватает тебя,
Когда тебя нет – во всём только тебя и вижу.

Смешно.
Когда я один – весь мир разговаривает со мной.

Когда мы рядом,
я занят только тем, чтобы произвести впечатление.
Смешно.

Когда мы живы, мы выглядим –
Смешно.

Когда нас нет – мир такой, какой он есть.

Тебе смешно. Я знаю,
Тебе смешно.
Мне смешно.
Мне тоже смешно.
Слёзы от смеха на глазах у меня.

Я могу прожить жизнь смеясь.
Я могу прожить жизнь не смеясь.

Я не могу лишь одного – прожить жизнь с тобой.

У меня кончилась бумага.
Я могу сказать лишь то, что на экране.

И это смешно.
Когда-нибудь кончится электричество и экран погаснет.
Исчезну и я.

И ты.

Мне это жалко.

До смешного.

Без одежд ...

(Л.У.)

Несмело подойдя, я руку взял
Твою и молча сжал.
Я плечи повернул, чтобы глаза смогли
привыкнуть
к свету – твоих,
лучистых, тёплых. И возникнут
в губах слова. Родник –
они по капле осушат. Седых
надежд покоя не затронут.
Чистой водой я с губ твоих
Слижу эти слова,
Чтоб не мешали нам
Увидеть свет восхода,
Идущий от тебя -
В меня.
И дальше -
В будущий наш день.
Туда, в осенний утренний туманный,
Где встретим - горьким праздником любви -
Постель со скрипом, голосом обманным.

Нам будет холодно,
И, кутаясь друг в друга,
Мы вспомним то, что говорили в этот час -
Сейчас.
Потом, не разнимая глаз,
Сошьем из времени, прошедшего без нас
с тобой обнявшихся -
материю,
для Савана.

Нет, нет. Не навсегда.
Положим мы туда
свои Любви. И только завернём их,
ну а сами
мы зачнём другую. Прямо тут,
на ткани
умерших дней, часов, минут.
Чтоб лаской нам от матерей и предков –
Подарки
с неба пролились
Дождём любовной лихорадки.
Что собраны
из пота, слёз,
ночей несладких,
где одни и не смогли,
И не сумели поднять их выше,
А потому и пролились они,
дожди,
На тех, кто сможет простоять
без зонтов,
и крыши.

И вот тогда... И вот тогда...
И вот лишь так смогу увидеть я тебя.
Без слов. Без фотографий.
Без бесед с дождём
И без одежды.
Такую, как ты есть - мой ангел.
Такую, как ты есть! Тогда
побудь со мной такой.
И будет мира правда - познана.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

И звёзды
будут названы,
И все вокруг найдут своих – других.
И станут цельными – отныне и вовеки.
А ты останешься со мной, мой ангел, в

человеке,
И без одежд, без слов, в беспамятстве –
Чиста.
Бела. Любима.
Не моя.

Фотография

Мне нечего тебе дать,
Мне нечего тебе сказать,
Мне не надо от тебя ничего,
Мне нужно знать, что вечером,
Глядя на непогоду,
Ты
Вспомнишь моё беспокойное сердце.
Оно так же печально, как ветер за твоим
окном.
Но, глядя в осеннюю мглу,
Умоляю – помни – это не ты –
Это мгла глядит на тебя.

Это я вглядываюсь в твои зелёные глаза,
Я люблюсь тобой.
Из этой непроглядной тьмы.

Мы можем застыть так:
Ты – и мгла за окном.
На века.
И не отрываясь смотреть друг на друга.

Но, кто-то, отойдя на шаг, прищурится и скажет:
«Посмотрите, какая красивая фотография».
И тихо добавит: «Как живые...»

* * *

Я сплю.
Мой сон некрепок -
Край скалы, лёгкий ветер, что может всё.
Если ты сейчас вздохнёшь,
Часть тебя – атом, побывавший в твоих
лёгких,
Прилетит сейчас сюда
И решит проблему
Просто
И без размышлений долгих.
Я завещаю тебе мои чистые слезы.
Я оставляю тебе пакетик.
В нём ты найдёшь файлы нашей любви.
Файл – это всего лишь лист.
Он грязный – пыль лета оседала на нём.
И волос.
Он упал.
Спустился
С созвездия Вероники.

И остался лежать на зелёной шершавой природе.
Умоляю тебя – заверни наше время в пергамент,
Перевяжи суровой ниткой. Положи в ту бутылку -
ты её помнишь – в ту, что мы с тобой никогда не
открывали, и отправь.

Почта вернёт.
Если адрес неправильный.
Вернёт, если никто не получит.
Вернёт – если поздно и все уже спят.
Вернёт, если... никого там не будет.

Белая машина прогудит тебе.
Голос в метро тебе расскажет про двери.
Такси впустит тебя к себе.

Я буду рядом...

Я не буду распят в ста оптических прицелах

Чёрная тряпка выкрасила Мир лишь одной нотой,
 Светская музыка заплясала в пустых глазницах.

Недвижимость – ты, это - ты. Лёгкая цель.
 Мир ждёт тебя. Но никак не поймает в прицел
 колебания дыхания твоего.
 Ты ему нужен. Ты – его добыча.
 Пока открываешь дверь на стук его – ты его добыча.

Потом ложь воздуха делает Любовь и
 Ты летишь, Жизнь тебя коснулась.
 Но Земля нежно прижимает твои раны к сильной груди:
 «Не спеши. Ты мой»
 Твои шаги пока ещё радуют её кожу.

Я поднимаю чёрную тряпку. Грязная, красное сбоку пятно.
 Я сковываю глаза.
 Уши прислонятся к проводам, те –
 к оторванным ритмам. Всё, а ещё и недвижимость тела – спрячут
 Мир.
 Меня нет в нём.
 Ускользнул. Не догонит.
 Я не буду распят в ста оптических прицелах.

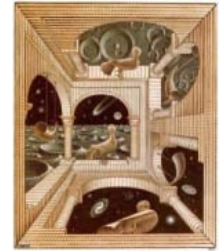
Лишь волна дыхания дрожит на его щеке.
 Теперь смотри.
 Озирайся - теперь можно. Вот,
 Вот твой мир. Черный?
 Не зажигай спички. Привыкнешь, и будет виден
 Скелет Вселенной твоей. Остов разбитого
 корабля-красавца. Услышь. Слышишь?
 Все ушли. Никого нет. Только свет забыли выключить.
 И пахнет вчерашним салатом.

Теперь – выбор. Ты знаешь какой.
 Нет, ещё пять минут.
 Я посмотрю на тебя.
 ...
 Теперь всё.
 Теперь уходи.

ПОЭЗИЯ

Евгения Худякова

(МОССАЛИТ, Москва)

Осеннее плечо

Вновь осень у дороги босиком
Стоит пред лабиринтом, вдаль скольльзящим,
В груди её воронкой жёлтый ком,
И облачко берета стынет в чаще.

Ей алый листик губы обведёт
Печалью платья, сброшенной ранимо,
И первый иней с хрустом упадёт
На голое плечо души незримой.

Мне тело вытянули скрипкой...

Мне тело вытянули скрипкой,
И тёмный шар звезды застыл
Под сердцевинкой, где с улыбкой
Мне кто-то струны прикрепил.

И лунные качнулись дали,
Через меня пройдя в туман,
Запела скрипка о печали,
Расцвёл цветок, пахнул дурман.

И горло длинное всё пело,
Миндальной долькою звеня,
А ты стоял, белее мела,
И крепко прижимал меня.

Тоскующий зов

Туман, как змей, ползёт к горе,
Там шкурой - чёрный плащ,
Туда приходит на заре
Шаман... он слышит плач.
Там чья-то тень в вуали снов
Меж синих орхидей
Дрожит в ветвях, и слышен зов
Тоскующих зверей.

Сны в синих скалах

Все шесть лепестков тишины,
Окрашенных чёрно-алым,
Я выдохну в наши сны,
Застывшие в синих скалах.

За дальним рычаньем грозы
Сусальным золотом вспыхнет
Твой взгляд сквозь зелень лозы,
И тень чёрной кошкой вздрогнет.

В пространстве раздвинув круг
Застывших сводов зеркальных,
Ты снова угасший слух
Наполнишь звуком сакральным.

За кладбищем белых слонов,
На чёрном стекле колодца
Меня ты увидишь вновь,
В кувшин зачерпнувши солнца.

Магическое вино

Расплещет вино полночное
Сквозь трещину голос твой...
И взгляды сойдутся, скрещены
В точке тоски земной.
Хрустальный бокал наполнится,
Безумье держа в горсти,
Благоразумья конница,
Не сможет встать на пути.
И вновь упадут язычески
Под красной звездой слова,
И в шёпоте их магическом -
Вспыхнут два рукава.

Бессонница

Снова бессонницы лунный ожог
И поцелуй в глаза...
Снова далёкий, ты меня сжёг,
В пепле лишь - бирюза.
Пусть нам неведом дурман безумств,
Прикосновений рук,
Я вам назначу в романе чувств
Встречу из сладких мук...

Петли листопада

На двести дней утерян был наш свет
Из звёздных снов... Лишь ночь и
подоконник...
Ступени без перил тебе вослед -
Над головой... и вавилонский
сонник...

В ночи намокший синий виноград,
И тень души в ограде отражений
Зеркал озёр... и города, где сад,
Был окроплён тюльпаном
сновидений.

Но кровь неверья, выкрасив закат,
Кругами расходилась над землёю,
В смычковом гуле веток - листопад,
Свивал мосты воздушною петлёю.

Фреска

Я - дикая дочь солнцеликой природы,
Опавшая с фрески, зрачок мой иной...
Он – не округлённый петлёй небосвода,
Он чёрточкой чёрной блесит сквозь покой.

Меня откопали под слоем забытой,
Когда-то могучей и древней земли,
В развалинах храма, где мёртвые плиты
Веками лежали, в потёмках, на мне.

А ты, подошедший впервые так близко,
К тем снам, где по шею сквозь Стикс я бреду,
Зовёшь меня взглядом, что смертному - риском,
И руку вновь тянешь, сквозь страха слюду.

Мученье дневных миражей принимая,
Сквозь яркие краски в лиловом огне,
К тебе поднялась я, стихи вспоминая
И фреску, что ты написал на стене.

Была ли я?

Была ли я? Возможно. В полусне...
Но холодок твоей гортани – вечен,
Хоть лихорадка слов сожгла мне плечи
В неистово томительном огне

Сомнительных надежд и наваждений,
Хранимых мной в святом углу души -
Где губ твоих атели миражи,
Плывущие изгибом искажений.

Хоть впадинка плеча была ничья,
Змеилась память взора меж словами,
И падала сожжённая ветрами
Полынь... в ней умирала я...

В далёкой пустыне

В далёкой пустыне, где ветер желтеет тоской,
Разрушенный Храм нам оставил немые колонны.
Там прежде звучал тихий шёпот молитвы людской,
И, как лепестки, опадали земные поклоны.

Там юная девушка часто стояла одна
С волною косичек, сбегających сном водопада,
Как дикое деревце сливы цветущей... бледна,
Она за?

Бутоны лотосов

Река во мне, тоски сдвигая камень,
Вдруг прорвалась серебряным плащом,
Раздвинув щели чуть прикрытых ставень,
Вновь до краёв заполнила мой дом.

И кисточкой таинственной и властной
Всю ночь мне рисовала на спине...
И проросли под дрожью золотистой
Бутоны влажных лотосов на мне.

Иду туда, где мир нездешних слов...

Закрыв лицо, я в гордости смиренной
Иду туда, где мир нездешних слов,
Где всё необычайно сокровенно,
Где пребывает связанной любовь.

И страшно мне, что страха нет в сознание,
Что тлеет в недоступной глубине
Твой дерзкий лик, забытый мирозданьем,
В тех снах, что не бывают на земле.

Кольцо имени

Склонились берёзы на том берегу,
И манят их белые руки.
Никак до тебя я дойти не могу,
Сквозь шёпот в разорванном звуке
Скользит он теряясь в излучке.

А имя, как стон, проплывает опять,
Колечком замкнув всё пространство,
И вновь заставляет меня вспоминать
Тоски твоей непостоянство,
И дымным колечком из трубки играть,
И снова на палец его надевать.

Белая мечта

Сны вертикально падали в ладонь,
Проем скользящий заполняя светом,
И стёкла душ, разорванных предметов,
Вдруг ослепляла неземная боль.

Шёл многоликий судорожный дождь –
Смычков хрустальных, что взлетали
разом,

И осени размотанная пряжа
Несла несмытых поцелуев дрожь...

А обожания размах крепчал,
Хмелел крылом, надорванным когда-то,
И пробивал в пути туман лохматый,
И в изголовье мира – замирал.

За гранями... начальными... с листа...
Где зов огня грозил самосожженьем,
Пленяя слух влекущим откровеньем,
Белей белил - во тьме плыла мечта...

Танец лебедя

Шагнуть на цыпочках, меж двух миров
Балетной пачкой след сменяя снежный,
Атлас пуантов сбросить в дым костров,
Над пропастью пройти с душой мятежной.

Скользкий пух роняя в тишине,
Понять предназначенья путь незримый,
И голос совершенства в глубине
Расслышать, обходя величье мимо.

Склонить поклон, перед Творцом времён,
Взлететь опять над чёрной пустотой,
Так танцем опить, чтоб слышать стон,
Оброненный разбуженной толпой.

Прозреть в себе два полюса цветов,
Вновь на спине увидеть прорастанье
Черневших перьев - выбежать из снов,
Забыть любовь, не слышать предсказанье.

Вновь, белым лебедем кружась, восстать...
Сквозь ось земли, под звездопадом смерти,
Убив себя, в себе - не угасать
И станцевать любовь с безмолвным: "Верьте!"

Пусть чёрный лебедь воскресает... пусть,
Как не принять нам ночи неизбежность,
В созвездии Креста светлеет путь,
Познавший отречение и нежность.

Так дотанцуй, душа же... до конца.
Всё оживи смертельной глубиной,
Над пропастью канат связал сердца
Своею чёрно-белой полосой.

Подвеска незнакомки

Вы прохладной рукою брали устриц из блюда,
 Ваши тонкие пальцы трепетали во льду,
 Ароматом дышали в шлейфе пряного блюза
 Вырез платья и перья, словно синь какаду.

Сладострастно безгрешно и порочно желанно
 Вы манили меня в свою бездну теней
 Взглядом, дерзко влекущим, призывая туманно,
 Вы, пленяя, мерцали средь зеркал и свечей.

Розовато блистало дно ракушки, как лоно,
 Завернув океаны и жемчужины зов,
 Трепетала мускатно-опьяняющим звоном
 Дрожь плеча, проступая через тонкий покров.

Вы привстали, и ветер вдруг рванул занавеску,
 И рояль очень дробно озноб застучал,
 Вы влекуще и властно протянули подвеску
 И ушли незнакомкой, чтобы я вас искал...

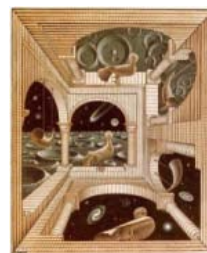
Белые швы

Светлеет лунное пятно,
 и лунный человек
 Идёт зеркальною тропой
 сквозь ночь, сквозь сон, сквозь век.
 И сквозь меня проходит он,
 вселенной отражён,
 В осколке зеркала - как часть
 друг друга всех времён.
 Но незаконен сход его,
 на циферблате чувств,
 В зеркальном перекрёстке снов
 вновь не коснуться уст.
 Темнеет облака корабль,
 что вздохом наполнял
 Тот лабиринт, где срез любви
 живым цветком упал.
 Но дождь плывёт, сшивая сны
 иголками впотьмах,
 И эти швы белеют вновь -
 на сомкнутых губах.

ПОЭЗИЯ

Янис Илзе

(Москва - Торонто)

Гуляю с собакой *

Гуляю с собакой,
Но жизнь мне не в радость:
Она наступила в какую-то гадость.
Теперь отмывать её лапы, похоже.
За что эти муки? О Боже, о Боже...

Сгущается август и нет мне ответа:
Кто продал дождю долгожданное лето,
Кто подпись поставил, страдания умножив,
Цепочкою псинных следов подытожив.

Черёмухи стонут и влага струится,
На сосны идёт неподкупная осень.
Хотелось собаке в весну возвратиться,
Но август всё пропил, а ей уже восемь...

...Гуляю с собакой...

**По мотивам одноимённого стихотворения
Эвелины Пиженко*

Ёлка по Чехову

Обходчик "взял её из леса",
Из королевства белых льдин.
Она стояла, как принцесса,
У незадёрнутых гардин.

Принаряжалась, "недотрога",
А он шары её ласкал.
Меж тем железная дорога
Лишалась доброй сотни шпал.

Три дня в Париже

Ander A «Три дня в Париже»

Я снова был у жизни на пиру,
Но смутно помню даже день вчерашний -
"Отлил в граните" где-то на углу
И между ног у Эйфелевой башни.

С триумфом неразрывности струи
Назло французско-европейским нормам
Стекали капли русского "шабли"
По чуждым мне архитектурным формам.

* * *

Ю. Левитанский «Сон об уходящем поезде»
<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=10152>

Один и тот же сон мне повторяться стал:
 Мне снится мой стартёр и он меня достал.
 Один, в пути, зимой, на станцию ушел,
 Вдруг двигатель родной пошел, пошел, пошел,
 И я хочу бежать за ним - и не могу,
 И чувствую сквозь сон, что все-таки бегу.

И в замкнутом кругу сплетающихся трасс
 Дай Бог, ГИБДД не остановит нас,
 Вращение Земли, вращение полей,
 Вращение вдали берез и тополей,
 Столбов и проводов, разъездов и мостов,
 Попутных поездов и встречных поездов.

Но в том еще беда, и, видно, неспроста,
 Автомобиль купил не с чистого листа.
 Мне нужен только тот, что мною был обжит.
 Японский там движок от скорости дрожит.
 Люблю в нём лечь - так лечь, а ехать - так сплеча.
 И, если пробка, речь красна и горяча.

Мне нужен только он, азарт его и пыл.
 Мой голубой ниссан, я номер не забыл.
 Он снегом занесен, он в саже и в дыму,
 И я приговорен пожизненно к нему.
 Мне нужен этот снег. Мне сладок этот дым,
 Встающий высоко над всем пережитым!

И я хочу бежать за ним - и не могу,
 И чувствую сквозь сон, что все-таки бегу,
 И в замкнутом кругу сплетающихся трасс
 Дай Бог, ГИБДД не остановит нас.

* * *

В соавторстве с А. Колмаковым

Предательски полночь часы отстучали,
Мне снова не спится и я не усну.
Россия, опять мы тебя потеряли,
Открыли кингстоны и "Курском" ко дну.

В ночной темноте, может быть, скрыто чудо,
Там время назад возвращается вновь.
Куда мы плывём, выйдя из ниоткуда,
Из наших фантазий, иллюзий и снов?

Мы вечно в пути, путешествуем где-то,
Дрейфуем среди равнодушия льдин,
Нормально живут на далёких планетах,
А наш дед Мазай правит лодкой один.

* * *

Булат Окуджава «Грузинская песня»
<http://www.karaoke.ru/catalog/song/751>

Виноградную косточку в тёплую землю зарою,
И закутаю шею красивым цветистым боа.
На Таганке квартиру под съём на полгода пристрою,
Перелётною птицей уйду зимовать на Гоа.

Собирайтесь-ка, гости мои, на моё угощение,
Поклевать по зерну разнесённую миром молву.
И Москва не отпустит грехи, не пошлёт мне прощенье
Потому, что с Сафроновым в русском посёлке живу.

В темно-красном своём будет петь куртуазная Галя
И за пачку зелёных склонит надо мною главу.
Сальвадора Дали мне подделает Никас едва ли,
Но в российском УК нет статьи за мечты наяву.

* * *

Любэ «Крестьянские дети»

Опять я в столице, забил на работу и мне здесь живётся легко,
Пишу мои вирши, а ночью охота в сарае заснуть глубоко.
Дорога, дорога, я думал о многом, ходил по квартирам не раз,
Стучался и видел, а вот вереница в проёме внимательных глаз!

"Всё серые, карие, синие глазки - смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки, в них столько святой доброты!"
Московские окна манили и звали, вели на разбой. Всякий раз
Они, открывая, наивно моргали, ведь я говорил им "Мосгаз"...

Твоя Амели Версификация Астрид Линдгрэн

Твоя Амели. Риммристая
<http://stihi.ru/2012/11/29/1070>

твой Пеппи-чулок нестандартные ищет сюжеты,
окатыши морем зализанных галечных рифм,
гребет на галерах, меняя слова на галеты,
и в скрипе уключин рождается стонущий ритм.

проснувшись, она рыжевато взирает с балкона
на воду и блики от утренних сонных лучей,
а мир очень прост, и у шведов морские законы:
идти на маяк, что над кучей ненужных вещей.

коктейль из пьянящего солнца и свежего ветра,
её книга жизни прочитана только на треть,
косички, норд-ост, полосатые яркие гетры
и голос внутри, умоляющий не повзрослеть.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

Сегодня в нашем салоне мы вновь предлагаем работы уже известной вам мастерицы Светланы Филипповой.

ЛОСКУТНЫЕ ГРАНИ

В этот раз Светлана представит шарики, которые можно использовать и как новогодние, и как декоративные для украшения помещений.

Техника изготовления шаров напоминает японскую технику изготовления деревянных кукол Кимекоми-хингё, оклеенных тканью.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

На деревянном корпусе куклы делаются специальные надрезы, в которые заправляется ткань.

При изготовлении шаров в качестве основы берется не деревянная заготовка, а пластиковая.

Но все же изготовление шара – это не просто сухая техника, это душа и фантазия автора, его творческое видение мира.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

В каждом шарике отражены мысли и настроение художника, его сны, впечатления, размышления.

Поэтому вы никогда не увидите совершенно одинаковых шаров, каждый неповторим и по-своему уникален.

В каждом свой сокровенный смысл, своя задумка, своя душа.

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

СПИСКИ ИЗ ПРОШЛОГО, или ЖИЗНЬ КАК В СКАЗКЕ

За окном по-весеннему солнечно, хотя февраль еще не кончился. В такой день приятно смотреть на улицу и мечтать, попивая кофе. Собеседников у меня сегодня нет, так что мысли текут не спеша, и сама я никуда не тороплюсь. Как же все-таки хорошо, что мой любимый столик у окна как по волшебству свободен к моему приходу. Да и настроение сегодня какое-то необычное. Сажу, витаю в облаках...

Мимо окна прошла дама в маленькой шляпке с зонтом-тростью. Осанка прямая, взгляд строгий. Ну, прямо Мери Поппинс! Навстречу ей пропорхнула милая девушка в коротком пальто. Выющиеся волосы рассыпались по плечам, маленькие ножки обуты в изящные ботильоны. Взгляд у девушки открытый и приветливый. Наверное, такой могла бы быть Золушка. А вот приближается типичный «великан»: высокий рост, широченные плечи, лысая голова и большой нос картошкой. Он вошел в кафе и присел за соседний столик. Незаметно провожая взглядом «великана», я невольно обратила внимание на компанию из трех мужчин, сидящую позади меня. Вот это типажи! Оглядываясь и рассматривать в упор, конечно, неприлично, и я, повернувшись слегка, стала наблюдать. Мужчины увлеченно беседовали, и мне показалось, что они похожи на героев из сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Сидящий в центре колоритный дядька лет пятидесяти, одетый в вязаный свитер, с усами и густой бородицей, что не часто встречается, хмурит лохматые брови и что-то доказывает собеседникам. Вылитый Карабас Барабас! Справа от него мужчина, напоминающий папу Карло, маленький, лысоватый, с грустными и добрыми глазами, молча слушает бородатого и кивает. А третий собеседник, худой, с длинной шеей и крючковатым носом, щурится, хитро улыбаясь, и время от времени вступает в беседу. Именно таким я себе представляю Дуремара. «Не хватает только Буратино!» - подумала я и снова повернулась к своему окошку.

Что это меня на сказки потянуло? Ах, ну конечно! Вчера посмотрела очень интересный фильм-сказку. И вот родилась у меня забавная идея. Что если немного пофантазировать и представить всех своих бывших возлюбленных в образах сказочных персонажей? Ну, конечно же, не с точки зрения архетипов и образов коллективного бессознательного Карла Юнга, а из сугубо личных, абсолютно субъективных представлений о них. И здесь совершенно не обязательно внешнее сходство, как у моих соседей по кафе. Важны именно ассоциации...

После этих размышлений я на некоторое время «зависла» в задумчивости и стала вспоминать прожитое. Мне захотелось составить свой список, так, для наглядности. А спустя несколько минут я подумала, что, сравнивая этих персонажей, можно определить и собственный сказочный образ. Как? Да очень просто!

Ну вот, например, если в списке оказались: гном, раздражающий маленьким ростом и бесконечным весельем; или хмурый, медлительный великан, - следовательно, ваш персонаж явно из другой сказки, раз у вас не срослось. То есть вы не Белоснежка и, ох как же это дико звучит, не «гномиха». И уж тем более не «великанша». Вероятно, подошла бы милая и мудрая Фея-крестная.

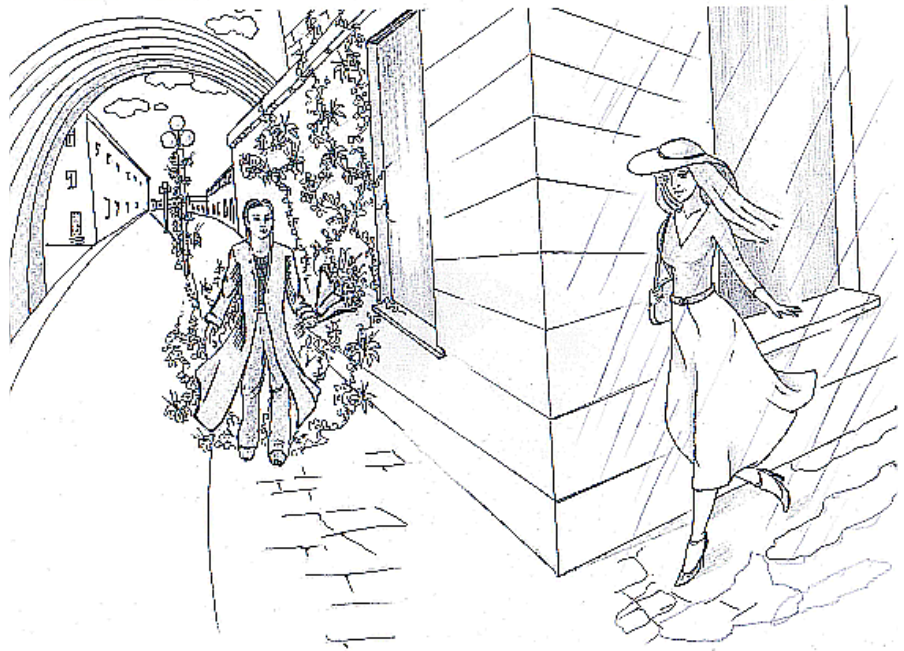

Рис. Анны Народицкой

Или, допустим, ваши мужчины напоминали Пьеро или прекрасного Принца. Они страшно наскучили бесконечными любовными признаниями и длинными стихами, и вам пришлось от них сбежать. Значит, вы не столь романтичны, и образ Коломбины или Принцессы вам явно не подходит. А если отдаете предпочтение «плохим мальчикам», то, скорее всего, вы Маленькая разбойница. А вот еще вариант: Арлекин, Петрушка и неунывающий Емеля. Возможно, вы царица Несмеяна, ждущая того, кто ее развеселит.

Поиграв таким образом с персонажами, я переключилась на друзей и подруг, расставшихся со своими половинками. Кого там только не было: Спящая красавица, сменившая трех богатырей подряд и вышедшая замуж за Ивана-дурака; Синяя борода, тщетно ищущий взаимности у Хозяйки Медной горы; Красная Шапочка, вполне счастливо встречающаяся с Волком. Правда, перед этим ей пришлось мучительно долго расставаться с Черномором. Так и тянет эту Красную Шапку на опасных мужчин.

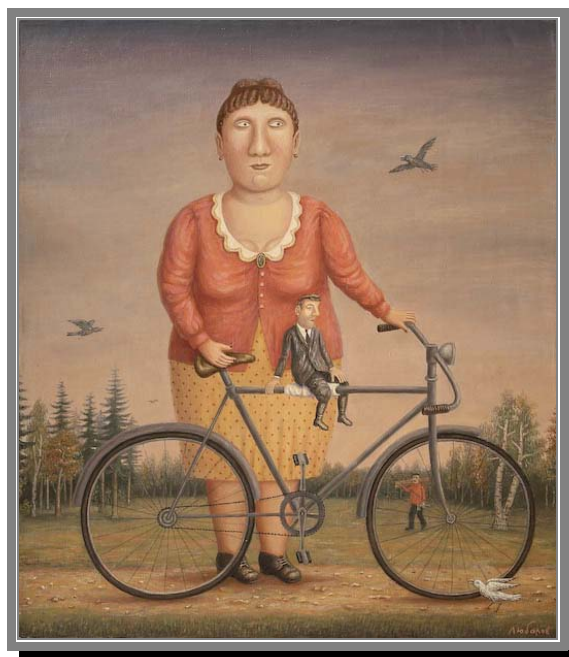
Мысленно «пробуя» характеры сказочных героев к экс-мужьям и экс-женам подруг и друзей, я так увлеклась, что, услышав звонок мобильного, невольно вздрогнула. Ух ты! Очередной персонаж из прошлого звонит! Крот из сказки «Дюймовочка». Нет, не буду отвечать, я сейчас Снежная королева! Так что спокойно допью вторую чашку кофе и продолжу фантазировать...

Итак, думки мои вернулись в мир неведомого. Бесконечная череда образов снова замелькала перед моим мысленным взором, смешиваясь с реальностью за окном. Моё настроение улыбалось моим мыслям. Наконец, фантазия иссякла, а может быть, просто кончился перечень знакомых. Конечно, моя версия персонажей приблизительна и не очень точна. Было бы интереснее, если бы им самим захотелось определить свою «сказочную» историю любви. Зато я весьма нескучно провела время: свой список «волшебного» прошлого составила, и даже свой образ нашла! Конечно, рассказывать вам подробности личной жизни я не стану. Скажу только, что там были разные личности: джинн, оборотень и даже рыцарь!

Но, как выяснилось, самого нужного мне героя не оказалось. Вероятно, я его еще не встретила. Значит, все впереди. А вдруг, будет как в сказке? Допью я кофе, выйду из кафе и там, за углом, увижу своего волшебника! Я узнаю его лицо, столько раз виденное во снах. Снег мгновенно растает, на деревьях распустятся диковинные цветы, а на небе распахнет

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

объятия радуга. Замрет ветер вместе с превратившимися в неподвижные фигурки прохожими. Мой волшебник улыбнется и, не касаясь земли, мы устремимся друг к другу. Наши глаза встретятся... «Крибле-крабле-бумс!» - и моя сказка начнется...

Владимир Любаров. Прогулка с велосипедом и женщиной, 2005.
Холст, масло.

СМЕХОТЕКА

Илья Криштул

(Москва)

ПРО БОРИСА ЛЬВОВИЧА

Борис Львович работает кузнецом. Он не может не куя. А когда куёт, всё может, особенно выпить-покурить, так что куёт он редко, только если штопор сломается. Как штопор выкует, откроет им всё, что нужно, выпьет, домой поедет и снова не может не куя. А ковать-то уже нечем, да и откуда в милиции кузня? Он всегда почему-то, как штопор выкует, в милиции оказывается. Его жена уже и к психиатрам водила, и к экстрасенсам с шаманами – никто не помог, даже доктор Малахов со своими шишечками-иглолочками. Кузня – штопор – милиция, такой вот трафик. А после милиции домой придёт, грустный весь, похмельный, на диван ляжет и спорт смотрит. Очень он спорт любит смотреть. Волейбол, шахматы, хоккей на траве... Правда, хоккей отдельно, траву отдельно. А когда хоккей с травой заканчиваются, Борис Львович свою жизнь вспоминать начинает. Как он в детстве мороженое ел. Как в институт какой-то поступал. Как мечтал стать кузнецом, но сначала отцом стал. И как он однажды машину купил, за девять тысяч рублей, но она почему-то никуда не ехала. А холодильник дороже купил, за десять тысяч, вот он после хоккея на траве уехал. И никогда не вернулся до сих пор. Жена Лена очень тогда ругалась, Борис Львович даже бросить её хотел, но с дивана встать не смог. А смог бы, точно бы выбросил. Хотя, с другой стороны, жена вещь хорошая, выбрасывать жалко. И Бориса Львовича любит, понимает, что он талантлив во всём. Особенно, конечно, в водке, за что и страдает. Ну не любят на Руси талантливых людей, так издавна повелось. То в больницу какую-то смешную положат, то капельниц навтыкают, а иногда – самое плохое! – напитки прятать начинают. Это ещё никто не знал, что Борис Львович малосольные огурцы выращивает под ванной. Не очень, правда, у него получается, но, как говорится, Житомир тоже не сразу строился. Что-то там уже зрело, но не очень малосольное и не очень огурцы. Через неделю выяснилось, что зрело там народное недовольство снизу. Переборщил немного Борис Львович с поливкой и все будущие огурцы на этаж вниз стекли и там уже взошли, наверное. Потому что соседи точно взошли и долго в дверь звонили, но Борис Львович с Леной затаились на два дня и даже телефон не брали. Хотя Лена шепотом все эти дни громко ругалась. Говорила, что если Борис Львович не может не куя, пусть едет в свою кузню и куёт там, а не огурцы малосольные выращивает, тем более под ванной. И что его надо сдать в одну знаменитую клинику с жёлтыми стенами, где из него сделают человека. Борис Львович на это отвечал, что человеком его сделали мама с папой около пятидесяти лет назад, хотя, как они потом признались, больше им хотелось котёночка, поэтому и назвали Борисом. Но выращивать малосольные огурцы он больше не будет, если первый раз не получилось. Он вообще больше ничего выращивать не будет, потому что человек интеллигентный. Он ведь даже хама трамвайного к порядку призвать не может, только «Камасутру» цитирует. Хам на него матом, а Борис Львович в ответ на нефритовый

жезл посылает. А если хам «Камасутру» не читал и не знает, где этот жецл находится, то Борис Львович и показать может, ему стесняться нечего, при его-то красоте.

Такая вот интересная личность мой бывший друг Борис Львович. Почему бывший? А он, как этот рассказик прочитал, сразу и меня на нефритовый стержень послал. Но я не обиделся. В России писатели всегда трудно жили, от этого и умирали часто. Толстой уже умер, Чехов, Горький... А Борис Львович меня, надеюсь, простит и оградку мне потом скуёт. Или нож, рыбу резать. Он ведь не может не куя...

ПРО ЮРКУ И ЛЕОНИДА

Юрка жил далеко на Севере в покосившейся избе, которая отапливалась дровами. Дрова Юрка брал прямо там же, в избе, отчего она постоянно уменьшалась. Электричества у него не было, зато был телевизор, который Юрка любил смотреть долгими зимними вечерами. Телевизор был похож на трёхлитровую банку и показывал солёные огурцы, ну и по праздникам помидоры. Странно, что передача про помидоры обычно заканчивалась очень быстро и с песнями, а про огурцы шла постоянно, но без звука. Скотины у Юрки не было, даже жены, была раньше собака по кличке Собака, но ушла от такой жизни в тайгу, где и сгинула на болотах. Юрка ходил туда, искал её, звал, но нашёл только два гриба и много ягод, которые продал на станции проезжающим поездам. Вырученные деньги Юрка потратил с толком – купил водки, сигарет, ну и там по мелочи - ещё водки и сигарет. Потом, спрятав покупки под кровать, Юрка налил себе стакан, закурил и вышел на крыльцо. Мимо прошло стадо коров, лето, потом соседка баба Таня и осень. Надо было идти растапливать печку, но Юрка всё не уходил с крыльца. Что-то в его жизни неправильно, думал Юрка, но что? Может, она, его жизнь, уже прошла мимо, как это стадо коров? И после неё тоже остались следы в форме лепёшек? Или, может, всё ещё можно изменить? Мысли уносились в холодное небо, сталкивались там с падающими звёздами и исчезали, Юрка замёрз, зашёл в избу и сел смотреть телевизор с огурцами. А потом он лёг спать.

Леонид жил в Москве, в Лондоне и по выходным в Ницце. Работал он хозяином нефти какого-то большого края, название которого так и не научился выговаривать. Хозяином нефти Леонид стал случайно – пошёл в баню с одним большим человеком, а тому прямо туда позвонили, так, мол, и так, нефть нашли, а чья она, непонятно. Кому отдавать? А в парилке, кроме Леонида, никого. И в предбаннике никого. В комнате отдыха, правда, две массажистки дежурили, но им и так хорошо заплатили, к тому же они иностранки были, из Украины. Большой человек посмотрел на Леонида, выпил и отдал ему эту нефть. Только попросил делиться иногда, ну и денег на всякие нужды государственные давать. Леонид исправно делился и его за это никто не трогал, даже очень серьёзные люди «не-скажу-откуда». А сейчас Леонид лежал на палубе своей яхты, пил дорогое вино, смотрел на звёзды и, если звезда падала, загадывал желание. Мимо прошли «Мисс Мира» и «Мисс Вселенная», острова Французской Полинезии и 15 лет жизни. Леонид допил вино, загадал последнее желание и уснул.

Проснулся Леонид далеко на Севере в покосившейся Юркиной избе. А Юрка проснулся на яхте Леонида, в окружении пустых бутылок из-под дорогого вина. Леониду сначала всё очень понравилось – природа, тишина, никаких «Мисс», только холодновато и соседка баба Таня вечно похмелиться просит, говорит, что под кроватью есть. Он даже в сельмаг как-то сходил, хотел купить ей дорогого вина, но вернулся расстроенный. Ну а Юрке тем более всё

понравилось, хоть он и не понял ничего. Он в бар с палубы спустился и зажил там вместе с барменом. Жаль только, что бармен по-русски не очень говорил и телевизор у него не огурцы показывал, а какие-то двигающиеся картинки. А огурцов вообще не было, про помидоры Юрка и не спрашивал.

Прошло время. Леонид давно стоял на крыльце Юркиной избы и смотрел на небо. Он ждал падающую звезду, но на севере звёзды падают реже, чем на юге – боятся упасть в болото, передавить клюкву и утонуть, не принеся никому счастья. А Юрка тоже давно стоял на палубе яхты Леонида и смотрел в никуда. Он ничего не ждал, он просто испугался, что баба Таня нашла его сокровище, спрятанное под кроватью, и похмелилась им. Вокруг был океан, Юрка не понимал, где его изба, как он очутился на этой яхте и как ему добраться домой. А потом к нему подошли «Мисс Мира» и «Мисс Вселенная», стали ругаться, требовать отвезти их в Париж и дать денег за три месяца. Юрка с женщинами был суров и послал их, но не в Париж, а намного ближе. Он с женщинами всегда так разговаривал, без этого на Севере не проживёшь, там бабы непонятливые, сразу всё выпьют. Но «Мисс Мира» оказалась ещё непонятливее и залепила Юрке в ухо, а пока он падал в океан, расцарапала лицо «Мисс Вселенной» и стала звонить какому-то Руслану, чтоб он забрал её отсюда. Зато далеко на севере баба Таня не ругалась и денег ни у кого не требовала. Она просто топор взяла и Леонида по голове легонько тукнула. Потом под кровать залезла и всё оттуда выпила, даже какой-то стеклоочиститель.

Очнулся Леонид на своей яхте, недалеко от Марселя. Голова, конечно, немного болела, но Леонид не стал обращать на это внимания. Он расплатился с «Мисс Мира» и «Мисс Вселенной», отправил их в Париж, выучил название своего нефтяного края, отослал бабе Тане на Север ящик французского коньяка и велел капитану яхты поворачивать в сторону России. А Юрка проснулся далеко на севере, в своей избе. Он вышел во двор, улыбнулся – впервые за много лет! – и пошёл к бабе Тане, делать ей официальное предложение. Баба Таня была с похмелья, поэтому предложение приняла, и вовремя подоспевший ящик французского коньяка был выпит всей деревней за двадцать минут под лучок и варёные яйца. А после свадьбы Юрка ушёл в тайгу искать нефть. И нашёл.

Прошло много лет. Леонид жил в нефтяном крае в простом доме и работал простым нефтяником. Яхту он давно продал, нефтяной свой край отдал обратно государству, а дома в Ницце и в Лондоне у него купил разбогатевший Юрка. Юрка, кстати, и нефтяной край себе забрал – государству, видно, не пригодилось. На звёздное небо ни Леонид, ни Юрка не засматривались – у Леонида уже давно не было никаких желаний, а Юрке это просто не нужно было, он все свои желания выполнял сразу, без помощи падающих звёзд. Вот только от жены он никак не мог избавиться, от бывшей бабы Тани, которую он, на свою беду, светской львицей сделал. Да она уже и не бабой Таней была, а Танечкой, гламурным лицом страны. Такое вот лицо у страны оказалось, с силиконовыми губами.

И однажды прилетел Юрка в свой нефтяной край по каким-то пустяковым делам. Может, зарплату получить. А Леонид зарплату уже получил и, наоборот, улетал куда-то. Скорее всего, в отпуск, в Турцию, «три звезды» и «всё включено», больше-то в России отдыхать негде. И чёрт дёрнул Юрку с простым нефтяником пообщаться. Никогда не общался и вдруг захотел. Вышел он из ВИП-зала на улицу, дошёл до общего здания, а там у входа Леонид стоит, курит. Посмотрели они друг на друга... Долго смотрели, прямо глаза в глаза, и только хотели на небо взглянуть, как тут Танечка прибежала с Юркиными охранниками. Такой крик подняла... Юрку в лимузин засунули, Леонида в самолёт проводили без очереди... А с неба как раз две звезды скатились, яркие-яркие. И долго так летели, будто ждали чего-то, но ни Юрка, ни Леонид их уже не видели. Да если б и увидели, что б изменилось? Юрка всё

равно свой нефтяной край никому бы не отдал, ни Леониду, ни, тем более, государству, а у Леонида при виде Танечки одно желание появилось, но он быстро одумался. К тому же Танечка эти звёзды тоже увидела и свои желания загадать успела. Так что нефти на её век хватит. И силикона тоже. А счастье... А счастье далеко на севере осталось, в болотах с клюквой, но никто из них об этом не знает... И, как это часто бывает, никогда не узнает...

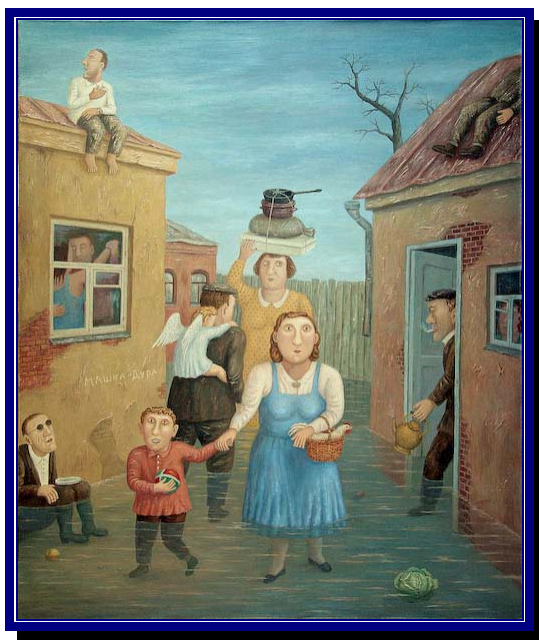
ПРО БОРИСА ЕВГЕНЬЕВИЧА

Путин побывал на Байкале, пометил рыбку, посетил оптико-электронный колледж, съездил в музей археологии и в обсерваторию, поговорил со студентами, встретился с тренером по дзюдо и с космонавтами, но кризис не закончился. Тогда он поздравил работников ЖКХ с их праздником, вручил кому-то ордена, проверил олимпийские стройки, покатался на ракетном крейсере, сфотографировался со школьниками, пообщался с учителями и врачами, пообещал увеличить им зарплату... Не помогло, а ведь он и Патриарху по телефону звонил, и Саркози, и Назарбаеву. Ну уж когда он детский дом посетил, кино посмотрел, денег голодающим Африки выделил и на выставку сходил, все решили, что всё, конец кризису. Но стало ещё хуже, и за дело взялся Медведев. Он слетал в Данию, вернулся, пообщался по интернету с народом, посетил хлебобулочный комбинат, поговорил с Берлускони, поругался с Лукашенко, провёл двухстороннюю встречу с Обамой, погулял по Киеву и встретился с лидерами думских фракций. Кризис не прошёл, и Медведев решил помирить корейцев с корейцами, а евреев с арабами, потом опять с Берлускони поговорил и с Меркель на всякий случай, слетал на Селигер, сходил на футбол, дал ещё денег голодающим Африки и поздравил с днём рождения какого-то артиста. Безрезультатно, и над страной нависла угроза голода. Тогда Медведев пошёл на крайние меры – пересчитал призывников, побывал в детском оздоровительном лагере, покушал там, похвалил поваров, обсудил ценообразование, слетал в Ереван, даже милицию в полицию переименовал, но... Страна медленно сползала в финансовую пропасть. Пришлось звать Бориса Евгеньевича. Борис Евгеньевич приехал – на метро, но с мигалкой - кому-то чего-то вставил, на кого-то наорал, артиста этого, именинника, наконец, выгнал, Обаму обозвал нехорошо, праздник работников ЖКХ отменил, деньги у голодающих Африки отобрал и голодающим России раздал, двух чиновников, которых на взятке поймали, велел расстрелять прямо у «Детского мира», с Берлускони разговаривать не стал и работать начал. И экономистов с банкирами из телевизора вытащил и тоже работать заставил. А самых работающих людей страны, депутатов, послал в Брянскую область дорогу строить. Пришлось, правда, им немного бюджетных денег дать, но когда они там, в брянских лесах, эти деньги пилить начнут, может, не все и вернуться. Всё облегчение для России. Кризис ещё пару дней пошатался по стране да и свалил куда-то, чуть ли не в Сомали, его там всё равно не заметят. Тут и Медведев откуда-то вернулся, и Путин с дня рождения какого-то мирового лидера, поблагодарили Бориса Евгеньевича и домой отправили. Опять на метро, но уже без мигалки. И вот едет Борис Евгеньевич куда-то в сторону Зеленограда, думает, как его жена встретит, он же её не предупредил, что уехал на три дня Россию спасать, но тут поезд прямо в туннеле затормозил, двери открылись, и люди в штатском из темноты в вагон зашли. Борис Евгеньевич всё понял и навстречу им поднялся. Обступили люди в штатском Бориса Евгеньевича, запричитали - так, мол, и так, слёзно просим вас вернуться, страна горит, всё в дыму, ничего не видно, даже коррупции. Рассказали, что Путин уже и офис Газпрома посетил, и с байкерами покатался, и Шевчука не узнал, но всё, что

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

горело, ещё больше разгорелось. Медведев тоже работает – поддержал высшее образование, потребовал оздоровить экономику и социальную сферу, представителей регионов выслушал, гречку в магазине купил... Всё равно горит. И не только страна – депутаты в Брянской области задыхаться начали! А они ведь даже к строительству дороги не приступили! Делать нечего, вернулся Борис Евгеньевич в Кремль, пожарных вызвал, МЧС, лесников разбудил, кто не в отпуске, и тушить потихоньку начали. Кто водичкой, кто песочком, а там и дожди пошли. Неожиданно и Путин из Якутии вернулся, и Медведев со встречи с лидерами религиозных объединений, опять поблагодарили Бориса Евгеньевича, руку пожали и домой отпустили. Намекнули, правда, что в 2018 году надо чемпионат мира по футболу выиграть, а до этого ещё Олимпиада в Сочи, а майя с ацтеками что-то про конец света говорят, и Лукашенко тут ещё, в общем, дел много. Кивнул Борис Евгеньевич и поехал опять в сторону Зеленограда, к жене своей. Но обещал вернуться, если совсем тяжело будет.

Вот такой человек Борис Евгеньевич. Настоящий русский богатырь семи пядей во лбу. Жаль, что он не существует и всё приходится делать самим.

Владимир Любаров. Переулок (из серии «Наводнение»), 2005.
Холст, масло

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королёв)

О РАЗВИТИИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Все мы родом из детства.
Антуан де Сент-Экзюпери

Литература заставляет любого человека - маленького или взрослого, прожить гораздо большее количество жизней, чем ему отведено. Он может испытать, понять, почувствовать и узнать гораздо больше. И с этой точки зрения, конечно, человек, читающий много, вырастает не только интеллектуально, но и эмоционально более зрелым. Он принимает более взвешенные решения, более терпим к окружающим, он просто взрослее, старше и мудрее.

Если проследить историю отношения к ребенку с XVII века до наших дней, то каждая следующая идея казалась прогрессивной, новой и окончательной. Проходило сто лет, появлялась новая идея, прежняя устаревала, но что-то от нее оставалось. Возможно, что и волна «социальности», которая захлестнула детскую литературу, через какое-то время спадет, но останется необходимый минимум, который все-таки будет полезен.

Современная детская литература, безусловно, меняется. Не подлежит сомнению, что она перестала быть просто занимательной, просто просветительской, просто воспитательной. Она стала еще и вспомогательной, работая, скажем так, на грани с психологией. Задача такого рода современных текстов не только в том, чтобы ребенку что-то рассказать, объяснить разницу между добром и злом, но еще и помочь в какой-то трудной жизненной ситуации.

Писателя **Максима Горького** считают одним из основоположников современной детской литературы XX века, хотя произведений, написанных для детей, у него не так много. Это сказки «Воробышко», «Сказка про Иванушку-дурачка», «Случай с Евсейкой», «Дед Архип и Лёнька», «Сказки об Италии» и некоторые другие. Помня о своём непростом, а порой и трагическом детстве, Горький искренне любил детей, жалел их. Он вырос в народной среде, на русском народном творчестве, большим знатоком которого была его бабушка, Акулина

Ивановна Каширина, балахнинская кружевница. От своих родителей Максим Горький унаследовал живой юмор, жизнелюбие и правдивость. Истинно русской народной чертой писателя была любовь к детям, которых ему – всех! – хотелось защитить, накормить, выучить, поставить на ноги, помочь состояться как личности, как Человеку.

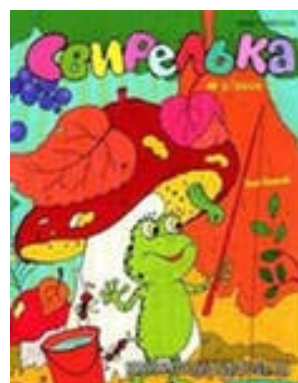
Как многие поколения детских писателей, современные авторы опираются на фольклорные традиции. По-прежнему одним из популярнейших жанров детской литературы остаётся литературная сказка, в которой обыгрываются фольклорные сюжеты и образы.

Главными героями детских книг по-прежнему остаются сами дети. Сохраняются и темы, вошедшие в детскую литературу в XX веке, прежде всего, тема взаимоотношений детей с взрослыми и со сверстниками. В конце XX века общество переживает большие потрясения, и процесс социальных преобразований не завершился до сих пор. Происходят определённые сдвиги в общественном сознании, которые не могут не влиять на ход всего литературного процесса. Детская литература, как и литература вообще, пытается освоить новую реальность, а значит, неизбежно обращается к новым темам и ищет новые художественные средства для отображения меняющейся действительности. Но в то же время современная литература для детей продолжает развиваться в направлении, которое оформлялось на протяжении всего XX века, а современные детские писатели опираются на достижения своих предшественников.

Как уже не раз отмечалось, главным открытием детской литературы XX века стало изображение внутренней жизни ребёнка во всей её сложности и полноте. На протяжении всего столетия утверждалось представление о ребёнке как о полноценной самостоятельной личности, мыслящей, чувствующей, оценивающей окружающий мир. Для современных авторов такое понимание личности маленького человека становится точкой отсчёта и не требует доказательств, поэтому психологизм становится уже не новаторской, а неотъемлемой чертой детской литературы. Дидактическое начало при этом ослаблено, разговор с читателем идёт на равных. Однако в наше время детская литература не только сохраняет традиции XX века, но и приобретает черты, которые были совсем не свойственны произведениям для детей в прошлом столетии. Изменения в жизни общества, произошедшие в последнее десятилетие, в значительной мере изменили и ситуацию в литературе. Без преувеличения можно сказать, что 90-е годы XX века стали кризисными и для литературы вообще, и для детской литературы в частности. Значительно упали тиражи книг для детей, закрылась часть детских журналов, опустели детские библиотеки. Только в последние несколько лет положение начало меняться.

Возродились детские периодические издания ("Мурзилка", "Весёлые картинки"), появились новые газеты и журналы для детей ("Незнайка", "Жили-были", "Свирелька", "Весёлые уроки"), переиздаются произведения, ставшие классикой детского чтения (сказки К. И. Чуковского, стихи С. Я. Маршака и др.).

Кроме того, возрождается традиция литературных конкурсов, открывающих всё новые и новые имена авторов, пишущих для детей. Однако здесь возникает другая проблема - дети перестают читать книги, падает культура чтения, снижается читательский уровень. Этому способствуют разные факторы, в том числе и развитие новых информационных технологий, революция в телекоммуникациях. Заметное снижение интереса к чтению не могло не повлиять на литературный процесс, и одной из тенденций развития детской литературы в наше время становится преобладание занимательности над всеми другими достоинствами произведения. Не случайно столь широкое распространение получают такие жанры, как детективы и триллеры. Стремясь привлечь внимание читателя любой ценой, авторы используют самые разные средства, в том числе и совсем не детские. Однако существуют примеры удачного сочетания занимательности и художественных достоинств, когда писатели ищут новые способы донести до ребёнка представления о вечных ценностях и моральных нормах. В целом же современная детская литература представляет собой подвижное противоречивое явление, находящееся в процессе становления, и сделать выводы о том, какие тенденции возобладают, можно будет только спустя некоторое время, когда ситуация стабилизируется.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королёв)

КУЗИК ИЩЕТ ДРУЗЕЙ

Сказка

(для детей дошкольного и младшего школьного возраста)

История первая. Кузик знакомится с Рыбкой

Ты, конечно, знаешь, где живёт пчёлка? Правильно, её дом – улей.

И что рыбка живёт в воде, ты тоже знаешь. А знаешь ли ты, где живёт кузнечик?..

Вот и кузнечик Кузик тоже не знал, где его дом. Он был зелёным, а потому мог бы жить и в траве, и среди листвы деревьев... Мог бы, но ему было скучно сидеть на одном месте. Кузик очень любил путешествовать, узнавать что-то новое и знакомиться. Знакомых у него было много, а вот хорошего друга, который понимал бы его, не было. Что же делать? Кузик не унывал, ведь он очень любил петь и сочинять песенки обо всём, что видел вокруг. А с песней и грустить некогда.

Однажды ночью сидел Кузик возле речки и напевал:

- Стр-ре-е-ек...

Дремлет надо мной лопух.

Месяц с неба в речку – бух...

Как красиво он плывёт!..

Жаль, что спит речной народ.

Стр-ре-ек...

Вдруг слышит, кто-то говорит ему:

- А почему ты решил, что мы спим?

Удивился Кузик:

- Кто это со мной говорит, покажись?!

- А ты посмотри-ка повнимательней... Да не на деревья, а в воду...

Глянул кузнечик и обомлел. Плавает возле самого берега рыбка. Да такая красивая! Чешуёй серебристой сверкает. Плавниками с водичкой играет... Извивается хвостиком гибким и на Кузика смотрит с улыбкой.

- Это ты разговариваешь со мной? – спросил он удивлённо. - Кто ты? И откуда взялась?

- Я – Рыбка. Ты так красиво пел, что мне захотелось тебя послушать поближе. Вот я и приплыла сюда. Напрасно ты думаешь, что рыбы ночью спят. Как раз днём-то мы прячемся на дне от света, а ночью питаемся и развлекаемся. А ты кто?

- А я кузнечик Кузик. Тебе правда понравилось, как я пою?!

- Да, очень! Ты поёшь так нежно, звонко и протяжно, как будто подпеваешь воде. Видишь, даже месяц спустился тебя послушать.

Кузик был изумлён... Такого ему ещё никто и никогда не говорил. Ему показалось, что Рыбка шутит с ним.

- А я-то думал, что месяц спустился, чтобы покачаться на волне.

- И покачаться тоже, - напевно отвечала Рыбка. - А пока он качается и плывёт, от него светится лунная дорожка, видишь?

- Вижу, - кузнечик поднялся высоко на лапках и удивлённо посмотрел на лунную дорожку. - А зачем она нужна?

- Как зачем? Чтобы мы не заблудились. Ведь сейчас ночь. Месяц будет плыть до во-о-он той темноты, где речку уже не видно, и дорожка исчезнет. Тогда я тоже уплыву на дно и лягу спать.

- Уже уплываешь?.. – огорчился Кузик.

- Нет, нет... - успокоила его рыбка. - Дорожка ещё длинная. И ты тоже успеешь вернуться домой. А ты где живёшь?

- Стр-ре-е-е-к... – протяжно прострекотал кузнечик. - А я живу везде. У меня дома нет. Я странствую и пою...

- Ах, как грустно, - вздохнула рыбка. - Если бы ты жил здесь, то я приплывала бы слушать твои песни. Может быть, ты и для меня написал бы стихи...

Кузик зачарованно смотрел на красивую Рыбку, и ему было так жаль, что она скоро уплывёт и что он больше никогда её не увидит. Но ведь рыбка и месяц приплыли сюда, чтобы послушать его:

- Стр-р-рек...

Лунная дорожка –

Лучик голубой!

Задержишься немножко,

Не спеши домой.

На дорожке этой

Встретились друзья.

Буду до рассвета

Петь вам песни я...

А пока Кузик сочинял, дорожка становилась всё короче и короче...

- Мне пора, - заспешила Рыбка, - скоро наступит рассвет, а мне ещё нужно покормиться... Пока!

Она резко взмахнула хвостиком...

- Я буду ждать тебя! – только и успел крикнуть Кузик.

Но Рыбка стремительно скрылась в глубине.

История вторая. Кузик помогает Жужиле.

Первые лучи солнца разбудили кузнечика. Он очень любил понежиться под этими лучами: принимал солнечные ванны. Подставляя то один, то другой бочок, Кузик вспоминал о знакомстве с Рыбкой, о её загадочной улыбке и пытался понять - стали ли они друзьями? встретятся ли ещё? или ему пора перебираться на другое место?

- Жжу-жжи-ж-ж... - услышал Кузик и лениво покрутил головой. Жужжание то затихало, то становилось громче, но не прекращалось... и никого не было видно. Кузик нехотя повернулся на живот и поднял голову. Оказывается, он лежал на полянке, среди голубых и красных цветов. Золотая пчёлка перелетала с цветка на цветок и весело напевала:

- Я тру-ж-жусь, труж-ж-жусь, пою,

Никогда не устаю...

Греют лучики с утра -

Собирать нектар пора.

К солнцу тянется цветок -

Синеглазый Василёк.

Я полакомлюсь пыльцой,

Отнесу запас домой...

Жу-жи-жу - не поленюсь,

За нектаром возвращусь...

Вдруг пчёлка увидела кузнечика и чуть не рассыпала всю пыльцу...

- Жу-ж-жу! - возмутилась она, высоко взмыв над цветком. - Уж-жасно некрасиво подглядывать за другими! Думаешь, что если ты зелёный, так я тебя не увижу-ж-жу? Ж-ж-живо отвечай, кто ты и что здесь делаешь? А не то - уж-ж-жалю! Ты тож-ж-же здесь лакомишься нектаром?

От такого множества вопросов и назойливого жужжания Кузик оторопел и чуть не бросился наутёк.

- Стрр-рек! - пришёл он в себя. - Что ты тут раскомандовалась? Жж-жу, да жж-жу... как жужила какая! Я кузнечик Кузя. Не нужен мне твой нектар. Лежу себе, греюсь на солнышке, а тут, откуда ни возьмись, ж-жу, да ж-жу...

- А зачем ж-ж-же ты тогда подсматривал? - не успокаивалась пчёлка.

- Да я заслушался, как ты поёшь, и засмотрелся, как красиво летаешь. Когда ты расправляешь крылышки, они становятся на солнышке прозрачно-розовыми, и наряд у тебя такой бархатистый и яркий, цвета солнышка... А ещё ты так забавно собираешь носиком пыльцу...

- Жи-жи-жи, - весело зажужжала, как захихикала пчёлка, - да не носик это, а хоботок. И ты угадал, меня зовут Жужила. А ты что тут делаешь? Ж-ж-живёшь здесь?

Кузик задумался и покачал головой:

- Нет, я люблю путешествовать. Ночью я здесь пел для моих новых друзей, Рыбки и Месяца. Я тоже люблю петь и сочинять стихи о том, что вижу и делаю. Твоя весёлая песенка мне понравилась. Давай споем вместе?

- Ж-ж-жаль, но сейчас не могу, - искренне огорчилась Жужила. - Мне нуж-ж-но отнести домой нектар. Тяж-ж-жело держать полную корзиночку...

- Так давай я помогу! - восторженно воскликнул Кузик. - Где она, твоя корзиночка?

- Жи-жи-жи!.. - Опять захихикала Жужила. - Как ж-ж-же ты смож-ж-жешь мне помочь? Ведь корзиночка потому и невидимочка, что это мой зобик. В него-то я и собираю нектар.

Кузик недоверчиво посмотрел на пчёлку:

- Стрр-рек, стрр-рек... Ну, если тебе действительно тяжело, садись ко мне на спинку, и я домчу тебя до дома. Мне будет даже приятно помочь тебе. Ты такая весёлая и красивая! Если тебе не понравится, то ты можешь улететь. Только указывай мне дорогу.

Жужиле такое предложение показалось очень забавным, ведь ещё никогда и никто не подставлял ей свою спинку...

- Ж-ж-жутко приятное предложение. А я не упаду?

- Располагайся между крылышками и крепко держись всеми шестью лапками! - скомандовал гордый своим поступком Кузик. - Я резко оттолкнусь, а потом мы быстро полетим.

- Жи-жи-жи!.. - смеялась пчёлка, устраиваясь на спинке у Кузика. - Поехали!

Она чуть было не свалилась назад, когда кузнечик сильно оттолкнулся задними лапками от земли.

Полёт восхитил Жужилу. Она совсем не чувствовала веса своего тела и тяжести корзиночки, переполненной нектаром. Оказывается, Кузик летал намного быстрее, чем пчёлка, и от этого нового ощущения у Жужилы перехватывало дыхание... От восторга ей хотелось петь:

- Как прекрасно всё вокруг,
Если рядом добрый друг!
Друг поможет,
Друг подскажет
И домой проводит даже!
Я для друга прожужжу
Песню пчёлки «Жу-жу-жу»...
Ах!..

Но было уже поздно. Название песенки «Жу-жу-жу» она пропела напрасно. Ведь для того, чтобы прожужжать, пчёлке нужно расправить крылышки и помахать ими...

И Жужила взлетела со спинки Кузика. Её дом был уже совсем рядом. А кузнечик стремительно летел дальше и дальше... как вдруг почувствовал, что ему стало легко.

- Улетела?! - удивился он. – Нет, не может быть, чтобы ей не понравилось... Ведь она пела для меня такую красивую песенку пчёлки. Что же случилось?

Он приземлился среди деревьев и горевал, что теперь уже никогда не встретится с Жужилой. И тут Кузик решил, что сочинит песенку для Жужилы, и она обязательно услышит её.

- С тр-р-ревогой я песенку эту пою...
Зачем ты покинула спинку мою?
Всю ночь стр-р-рекотать для тебя буду я,
Откликнись скор-р-рее, Жужила моя!

Художник Е. А. Александрова

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ПРОПАЖА

В одной двухкомнатной московской квартире жила обычная семья. Состояла семья из пяти душ: папа, мама, девочка Настя, ее младшая сестренка Ксюша и кот Венька, которого все называли Веник. Насте было семь лет, и она успешно заканчивала первый класс. Девочка чувствовала себя уже взрослой и поэтому свою трехлетнюю сестру Ксюшу считала малявкой. Хотя это не мешало первокласснице играть с куклами и мягкими игрушками в свободное от уроков время. Веник получил свое имя благодаря пушистой, как облако, дымчатой шерстке, постоянно собирающей пыль по всей квартире. Даже на усах у кота висели комочки чего-то серого. Нет, вы не подумайте, что мама девочек была неряхой и плохо убирала! Она очень хорошо следила за домом. Просто котейко ухитрялся находить в квартире такие потаенные и непролазные местечки, в которые сам непонятно каким чудом проникал. И именно там, как настоящий пылесос, сметал своими боками все накопившееся безобразие. Так что вполне можно было сказать, что Венька помогал маме с уборкой.

Кот и девочка были ровесниками. В тот же месяц, что родилась Настя, друзья родителей принесли в дом маленького пушистого котенка. Оба ребенка росли вместе, но в семь лет Анастасия была первоклассницей, а Вениамин взрослым кото-дядей. Семь лет для кота - солидный возраст. Это примерно лет сорок пять по человеческим меркам. Теперь вам будет понятно, почему котяра считал себя старше и опекал Настю. А вообще-то неизвестно, кем он себя возомнил. Может, этот пушистый охранник принимал девочку за своего котенка? Во всяком случае, Веник очень любил Настену и везде ходил за ней самым настоящим хвостиком. Куда она, туда и кот. А вот младшую сестренку Насти Венька недолюбливал. И было отчего! Ксюша частенько гонялась за Веником, чтобы схватить, запеленать, покормить из игрушечной бутылочки, а потом туго запеленатого уложить спать в кукольную кровать. Котик, к удивлению Ксюши, почему-то с таким планом не соглашался и прятался от приставучей малявки в тех самых укромно-пыльных уголках. Именно по причине несправедливого притеснения Веник относился к девочке весьма прохладно. При любом удобном случае он гонял малышку, словно мышь на охоте, цепляя когтями за пятки. Все Ксюшины носки были в дырках, и мама замучилась покупать дочке новые. А добрая девочка не обижалась на мохнатого проказника. Она громко хохотала, убегая от царапучих лап преследователя. Спустя минуту они оба уже бежали в другом направлении, теперь уже Ксюха догоняла свою пушистую кото-куклу.

Вечером все в доме стихало, девочки отправлялись в свою комнату и укладывались спать. Между кроватками угнездилось мягкое кресло, служившее Венику комфортабельным диваном. Настя много раз пыталась затащить любимого зверя в кровать, но Венька упрямо

упирался и возвращался на свое излюбленное место. Он, видимо, считал, что только там ему будут сниться хорошие сны. Ксюша же никогда не пыталась уложить к себе кота, у нее было с кем обниматься. Малышка каждый вечер затаскивала в постель кого-нибудь из плюшевых друзей: то медведя, то зайку, а иногда даже большую куклу, которая к утру всегда оказывалась на полу.

Однажды в теплое и солнечное субботнее утро Настя проснулась в предвкушении праздника. В этот день ей исполнялось восемь лет. Смолотив вкусный завтрак, девочка услышала звонок и помчалась открывать дверь. Бабушка приехала! После того как все наобнимались и нацеловались, имениннице вручили подарки. Подарки были лучшие на свете! Папа подарил музыкальный центр и набор дисков с любимой Настиной музыкой. Мама – нарядное платье и туфельки! Ксюша нарисовала яркую картинку. А бабушка, приехавшая с утра, подарила большого плюшевого медведя.

- Это ж для маленьких, а Настя уже школьница, - засомневался папа.

- Ничего, пусть девочка наиграется, - улыбнулась бабушка.

А Настя была счастлива. Она немедленно отнесла мишку в комнату и усадила на подушку. Веник на нового жильца отреагировал настороженно. Страшно распушившийся котейко невероятно медленно подобрался к игрушке, на всякий случай обгудел, обшипел и даже плюнул в медведя. После чего быстро налупил плюшевую мордочку лапой. Медведь не обиделся, и Веник, чувствуя себя отомщенным, с торжествующим видом победителя удалился в свое кресло. Но на всякий случай кот весь день поглядывал на врага с презрением и выражением брезгливости на морде. Младшая сестренка, наоборот, пришла в дикий восторг от Настиного медведя. Девочка тихонько попыталась утащить игрушку к себе, но мама строгим взглядом остановила дочь.

- Ксюша, так нехорошо. Это же Настин подарок. Вон сколько у тебя своих игрушек.

Ксюша надула губу, но удержалась и не заплакала. Поняла, что слезы не подействуют. Сегодня все внимание будет отдано старшей сестре. Это ее день.

Суббота прошла весело и интересно. Ходили все вместе в кино, потом в парк с каруселями. Ели мороженое в кафе. А вечером пришли Настины подружки, и мама накрыла праздничный стол к чаю с большущим тортом. Девочки восхищались новым платьем именинницы, болтали, смеялись и танцевали. Настена, как заправский ди-джей, меняла диски в новом музыкальном центре. Позже, когда гости разошлись и уехала бабушка, уставшая и счастливая девочка отправилась в кровать. Обняв мягкого медведя, Настя заснула, улыбаясь.

Утро воскресенья началось с крика:

- Где мой медведь!?

- Настя, ты что так кричишь? – удивилась мама.

- Кто взял моего медведя? – вопила взлохмаченная Настя.

- Ну не убежал же он, - улыбнулась мама, - сейчас поищем.

На шум и возню в детской выполз сонный папа.

- Вы чего спать не даете? – возмутился он.

- Да вот, у Настюши медведь пропал, - растерянно всплеснула руками мама, - не пойму, где он, под кроватью нет, где искать?

- Да вот же он, у Ксюшки под одеялом, - засмеялся отец.

- Ксюшка-хрюшка! Ты зачем моего медведя стащила? - возмутилась Настя, - у тебя своих игрушек полно! Больше не смей!

И Настя сурово погрозила сестре пальцем. Ксюша сидела в кровати, удивленно хлопая широко раскрытыми глазами. Казалось, она вообще не поняла, что произошло. Уголки рта малышки угрожающе поползли вниз.

- Ксюша, девочка моя, не расстраивайся, – мама подхватила дочь на руки, - Настя, ну может она сонная взяла и не помнит? Нельзя так с сестрой, она же еще малышка.

- Пусть знает! – вредным голосом проворчала Настя и пошла умываться.

В понедельник утром прозвенел будильник, но сборы в школу были омрачены точно таким же скандалом, как накануне. Опять пропал медведь. На этот раз плюшевый непоседа сбежал под Настину кровать, папа доставал его оттуда пылесосом. Кот, безразлично зевая, наблюдал за всей этой суетой из своего кресла. Наконец беглец был возвращен и день продолжился.

Вечером, засыпая, Настя строго настрого наказала медведю больше не убегать. Но во вторник все повторилось. Всю неделю Настя сердилась на сестренку, и каждое утро семья искала пропавшую игрушку. Анастасия кипела праведным гневом, обиженная Ксюша громко рыдала, папа бегал по квартире с пылесосом, а мама всех успокаивала. Плюшевый медвежонок оказывался в самых разных местах: под столом на кухне, в ванной комнате, среди обуви в прихожей, за шкафом, и даже под креслом Веника. Как все это объяснить, не знал никто. Но всем было уже интересно узнать, что происходит. И только спокойный Веник не участвовал в этой беготне. Он, безмятежно развалясь, возлежал на своем ложе и наблюдал за поисками. Казалось, он был рад, что так не полюбившийся ему медведь исчезал.

Наступила пятница. Вечером вся семья собралась за столом. Мама испекла кекс, и можно было не спеша посидеть всем вместе накануне выходного дня. После мирного ужина и чаепития домочадцы отправились спать. Ночью Насте плохо спалось, мешали три кружки чая, выпитые накануне. Переборов лень и сон, девочка встала и поплелась в туалет. Свет зажигать не стала, чтобы не проснуться окончательно. На обратном пути Настя услышала в детской какой-то подозрительный шорох. Испугавшись, девочка совершенно проснулась. На цыпочках с сильно бьющимся сердцем она подкралась к открытой двери. Мало ли кто там шуршит? Настино воображение рисовало страшные картинки: привидение, домовый или еще кто-нибудь пугающий. Но то, что Настя увидела, было совершенно неожиданным и ужасно странным. Девочка наблюдала за происходящим, затаив дыхание.

В слабом свете уличного фонаря был виден Веник, странно передвигающийся по Настиной кровати. Лапы кота были неестественно широко расставлены, а между ног волочился плюшевый мишка. Голову игрушки Венька крепко держал зубами. Непонятно, кто кого тащил. Медведь был немаленький. Так что то ли кот волочил игрушку, то ли ехал на ней, оставалось вопросом. Доползя враскоряку до края кровати, котяра, не разжимая челюстей, неуклюже плюхнулся на пол. Медведь смягчил падение Веника, и ворюга поковылял с добычей из комнаты. Большая игрушка так мешала котику идти, что лапы едва касались пола. На цыпочках, почти на когтях, Венька, переваливаясь с боку на бок, добрался до прихожей. Неожиданно увидев застывшую в темноте девочку, кот неподвижно замер. Затем, осознав, что его застывали на месте преступления, выпустил медведя и попытался бежать. Но собрать сразу все четыре лапы не сумел. Скользя по паркету когтями, Веник плюхнулся всем пузом на медведя и забуксовал на месте, как автомобиль на льду. От смущения кот так разозлился не то на медведя, не то на себя, что, зашипев, оплевал игрушку. Собрав, наконец, все лапы вместе и высоко отпрыгнув от ненавистного врага, Веник унесся в неизвестном направлении, сопровождаемый громким Настиним хохотом. Конечно, все проснулись и вывалились в прихожую. Зажгли свет. Настя в пижаме стояла посреди прихожей, согнувшись пополам от

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

смеха. Только спустя несколько минут, успокоившись, девочка смогла все объяснить семье. Насмевшись, все дружно пошли искать неудачливого грабителя. Венечка, вконец расстроенный, сидел под своим креслом. Поджав хвост, маленький воришка ожидал наказания за расправу с врагом. Но он был приятно удивлен, когда его выволокли на свет и приласкали. Никто на него не сердился, и даже незаслуженно обиженная, но уже оправданная Ксюша весело смеялась и чесала Веньку за ухом.

- Ну, раз уж все проснулись, пойдемте чаю выпьем, там еще кекс остался, - предложила мама.

- А давайте коту нальем молока с валерьянкой, а то он сильно перенервничал, - пошутил папа.

Все снова рассмеялись и отправились на кухню доедать кекс.

Владимир Любаров. Старый дом, 2006.
Холст, масло

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Полина Гришанович
(Санкт-Петербург)

Фото автора

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ФИНЛЯНДИЮ

Поездка в Финляндию для петербуржцев дело обычное: отдохнуть после рабочей недели, купить продуктов на месяц. Я уже не говорю об отпуске - летнем или зимнем, в снятом на пару недель коттедже или на собственной даче (недвижимость в Финляндии с удовольствием приобретают не только жители Северо-Западного региона: Мурманска, Петрозаводска, но и москвичи). Есть и такие, кто едет на денек – туда и обратно – просто погулять в облюбованном парке. У нас нет дачи в Финляндии, культ еды отсутствует, зато мы очень много читаем, особенно детских книжек - у нас две дочки.

Детей надо баловать, и можно это делать по-разному: заваливать игрушками, одежками, вкусняшками... А можно подарить путешествие в страну сказочных героев, например, в страну муми-троллей.

Именно так мы и решили сделать, так как наши дети очень полюбили эту прелестную сказку Туве Янссон и уже года полтора-два – а в этом нет ничего удивительного, не так ли? – бредили муми-троллями. Мы – это я, муж Денис и наши дочки Уля и Катя.

В городке Наантали, что в 15 километрах к западу от Турку, на небольшом острове создан Муми-парк (англ. *Moomin World*). Турку – город и порт на юго-западе Финляндии, спокойный, малолюдный – расположен в месте впадения реки Аурайоки в Архипелаговое море. Красивое название, правда? Река Аурайоки, одна из крупнейших в Финляндии, делит город на две части – северную и южную.

Гостиницу выбрали недорогую, но в центре города. «Кровать и завтрак» - душ и туалет на 2 номера (в коридоре) - аскетично, не для тех, кому важно количество «звездочек»...

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

...зато вид из окна - шикарный.

В первый же вечер пошли гулять по городу. Улочки очень уютные, тихо. Людей почти совсем нет. И как же там чисто!

Некоторые дома настолько напоминают Петроградскую сторону или центр Петербурга, что дух захватывает.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

Долго гуляли и... заблудились, к моему великому удивлению, так как Денис прекрасно ориентируется на местности. Зато набрали на очень красивый парк совсем рядом с нашим домом. Там было так чисто и красиво, что на следующий день мы весь вечер в нем провели.

Парк расположен на скале,

поэтому выходы на соседние улицы...

устроены вот по таким уютным лесенкам...

На камнях растут деревья.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

Уля немного поностальгировала...

А я наслаждалась тем, что дети и собаки там гуляют на разных площадках,

никто на это не обижается и не срывает в гнев «оскорбительные» таблички.

В центре, около музея искусств и нашего любимого парка, нашли памятник Ленину - подарок Турку от города-побратима Ленинграда, сделанный в 1977 году. Мы ровесники. С памятником, конечно. Части букв не хватает, видимо, растаскивают на сувениры.

На следующее утро мы отправились в город Наантали, чтобы посетить долгожданный Мумилэнд. Решили ехать на общественном транспорте, потому что в Финляндии очень строгие правила парковки, не всегда понятные, и если нет знака «Парковка запрещена» - это не значит, что она разрешена. Стоимость проезда от Турку до Наантали - 16 евро за всю семью. В автобусе - «два с половиной человека», никакой давки.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

«Парк Мумиков», как я уже отмечала, расположен на острове в озере.

Чтобы туда попасть, надо пройти по красивому белому мосту с пришвартованными к нему такими же белыми и красивыми яхтами.

На территории парка все точно соответствует описаниям в книжке. Настоящий дом Муми-семейства в три или четыре этажа. Во всех комнатках созданы уютные интерьеры, и если ты читал книги, сразу становится понятно, кому какая принадлежит.

Шляпка модницы Фрекен Снорк пришлась всем впору, но Уле особенно была к лицу. Кроватка Фрекен Снорк оказалась как раз для нашей Катеньки.

Шляпа Муми-папы Катюше великовата... А кресло Хемуля Уля облюбовала, чтобы отдохнуть и, конечно, почитать. На полках стоят книги Хемуля, которые можно взять и прочесть (если знаешь финский). Нашу старшую дочку немного расстроило, что она не сможет понять, о чем же узнавал ученый Хемуль из этих изданий.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

А это волшебная кастрюлька для тех деток, которые никак не могут отказаться от соски.

Сами персонажи ходят по всему парку в своих БЕЛОСНЕЖНЫХ костюмчиках. Удивительно, как удается содержать костюмы в таком состоянии?!

Мумики охотно обнимаются со всеми посетителями парка, приветливо машут и фотографируются со всеми желающими. В фартучке в красно-белую полоску - Муми-мама. По книге у нее очень много разнообразных детей, но похожи на нее только Муми-тролль и Фрекен Снорк. Остальные дети «числятся» за ней, но совсем на нее не похожи...

Как полагается, в любой сказке есть положительные герои, но и отрицательные также являются ее неотъемлемой частью. В сказках о Муми-троллях есть два выдающихся отрицательных персонажа - это некая Вонючка и Морра. Про Вонючку я ничего не знаю, кроме ее имени и внешности, мы такую в книгах не встречали. А вот Морра еще в детстве наводила на меня ужас. Это жуткая ледяная масса с глазами, которая бесшумно появляется и исчезает. Живет в пещере.

Два веселейших персонажа по имени Тофсла и Вифсла разговаривают на радостном языке. Вот они - с лицами наших девочек.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

Когда дошли до магазина сувениров, долго думали, что подарить любимым бабушке и прабабушке. И, о чудо! Там оказалась настоящая Муми-почта. Каждый ребенок может выбрать открытку с изображением персонажа, написать на ней настоящий текст, адрес, выбрать марку...

...и отправить письмо. Так мы и сделали. В каждой открытке было поздравление с днем рождения, который был на самом деле у обеих бабушек в ближайшее время. Самое интересное, что прабабушка получила свою открытку точно в день рождения!!!

На милом паровозике до Наантали.

В настоящем автобусе до Турку.

Московский BAZAR, № 7 (9) 2013 г.

Осталось переночевать в Турку, а утром – домой, в Петербург.

600 километров проехали почти незаметно. В Финляндии дороги идеальные, все знаки вывешены заблаговременно, все четко, понятно и логично. Почему-то фуры не ездят в левых рядах, никто не тащится с маленькой скоростью, но и не превышает разрешенной на трассе скорости 120 км/ч. Я была за рулем и не устала. Еще один запоминающийся момент: на трассе Турку - Хельсинки встречается девять тоннелей. Перед каждым тоннелем табличка с указанием его протяженности, из них самый короткий 350 м, самый длинный 2,3 км. Скорость 120 – дух захватывает!!!

ВСЁСЛА! Прощай, страна Суоми!

Нам, видимо, теперь предстоит поездка в Лондон, к Катиной любимице Свинке Пеппе. Если съездим – обязательно отчитаемся.

Примечание. Муми-парк больше подходит маленьким детям и девочкам. Мальчикам старше 10 лет уже будет неинтересно. Но для мальчишек есть еще один парк на соседнем острове Vaski, там тематика пиратская. Так что всем можно найти развлечение по вкусу.

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2012